МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИИ
ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет»

На правах рукописи

СЕМЕНОВА АННА ЮРЬЕВНА

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ ЦЕНЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ / КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1928–1937 ГГ.

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
доктор исторических наук,
профессор В. И. БАКУЛИН

Киров−2012

Оглавление

Введение……3

Глава I. Материальное положение рабочих в период с 1928 по 1937 гг………..43

1.1 Доступность основных товаров потребления для рабочих Вятской губернии / Кировской области в годы действия карточной системы 1929–1935 гг……43

1.2 Зарплата и цены: уровень покупательной способности рабочего населения городов Вятской губернии / Кировской области в 1928−1937 гг. ……...90

1.3 Влияние уровня материального положения на политические настроения рабочих……....120

Глава II. Уровень развития жилищно-коммунальной и медицинской сферы в Вятской губернии / Кировской области и его влияние на социальное положение рабочих в 1928−1937 гг…….....129

2.1 Жилищный вопрос и его решение в Вятской губернии / Кировской области. ……129

2.2 Доступность и качество медицинского обслуживания в 1928–1937 гг……..170

Глава III. Возможности для культурного развития личности рабочего в 1928–1937 гг……...207

3.1 Степень доступности образования и осуществление политики ликвидации безграмотности населения……...207

3.2 Эволюция духовно-культурных возможностей рабочих Вятской губернии / Кировской области ……..234

Заключение……....263

Список использованных источников и литературы…….....268

Приложения……...294

Введение.

Период первых «сталинских» пятилеток является временем значительных преобразований в истории нашей страны, которые коснулись всех сфер жизни общества, и в первую очередь сферы социальной и экономической. В этот период Советскому Союзу предстояло в короткие сроки создать мощную конкурентоспособную экономику, основой которой должно было стать крупное промышленное производство. Эта грандиозная по своим масштабам задача в условиях скудности внутренних ресурсов создавала ситуацию предельного использования главного ресурса – человеческого. С одной стороны, такое напряжение сил должно было негативно сказаться на положении промышленного пролетариата. С другой стороны, развитие экономики должно было постепенно создавать устойчивую базу для улучшения условий жизни рабочих и способствовать решению основных социальных проблем общества. Непростое и диалектическое взаимодействие этих разнонаправленных процессов вполне заслуживает внимания и изучения.

К началу 1928 г. в СССР накопился целый спектр острых социально-экономических проблем, которые оказывали существенное влияние на условия жизни рабочего. Одной из наиболее сложных была проблема снабжения рабочего населения городов продуктами питания и товарами, решение которой предполагало борьбу с продовольственными затруднениями, повышением цен, дефицитом товаров и создание сети государственных магазинов.

В сфере оплаты труда в это время актуализировалась задача создания более эффективной системы мотивации, которая позволила бы значительно увеличить производительность труда. Трудность заключалась в том, что заработная плата в денежном ее выражении за предшествующий период, в условиях острого дефицита товаров, потеряла свое стимулирующее значение. Поэтому решение проблемы повышения

оплаты труда рабочих было тесно связано с преодолением товарно-продовольственного кризиса, который охватил города в начале первой пятилетки.

Весьма важным фактором, накалявшим социальную действительность конца 1920-х гг., оставался острый жилищный кризис в городах. С началом ускоренной индустриализации и массовым притоком населения из деревень в города задача по обеспечению жильем «новых горожан» стала одной из главных задач государства.

Накопилась серьезные проблемы также и в сфере медицинского обслуживания. По официальным оценкам, в 1926 г. общий коэффициент смертности для СССР составлял 20,3‰[1]. В условиях большой скученности населения, плохих жилищных условий и низкой санитарной просвещенности людей, в городах постоянно существовала большая опасность эпидемий, особенно среди рабочих промышленности. Для изменения ситуации требовалось создание новой системы *государственного* медицинского обслуживания населения, которая должна была стать, ко всему прочему, общедоступной и бесплатной.

Кроме того важнейшим фактором, замедлявшим темпы социально-экономического развития советского общества, являлся низкий общеобразовательный и культурный уровень населения СССР.

Решение выше обозначенных проблем стало главной задачей *социальной политики* государства и органов местной власти, под которой в работе мы подразумеваем деятельность, направленную на прогрессивное развитие социальной сферы, совершенствование условий, образа и качества жизни людей[2].

Актуальность исследования. История рабочего класса 1920–1930-х гг. была достаточно популярной темой в советский период, но её изучение было ограничено рамками марксисткой идеологии. В настоящее время

[1] Социалистическое строительство в СССР. Статистический ежегодник. М., 1936. С. 545.
[2] Ахинов Г.А., Калашников С.В. Социальная политика. М., 2009. С. 5.

весьма важно с позиции современных подходов, с использованием новых доступных источников исследовать такой значимый для исторической науки и для современности её аспект как социально-экономическое положение промышленных рабочих.

Изучение данной социальной группы в региональном разрезе под углом зрения её материально-экономических и духовных возможностей является достаточно актуальным направлением, тем более что к настоящему моменту положение рабочих цензовой промышленности Вятской губернии / Кировской области периода 1928−1937 гг. исследовано недостаточно глубоко. Отчасти это объясняется такой дополнительной сложностью работы, как административно-территориальные реорганизации, затронувшие территорию края в годы первой и второй пятилеток. На этом этапе исторического развития территория Вятского края не раз меняла свой правовой статус, проделав непростой путь от Вятской губернии к Кировской области. Между тем события, которые происходили в этот период, являются в определенном смысле ключевыми, так как они коренным образом изменили жизнь рабочего населения на многие годы вперед.

Социально-экономические проблемы, рассматриваемые в работе, имеют место и в современной России, в жизни которой наблюдаются кризисные симптомы. Кировская область в настоящий период считается не вполне благополучным по уровню жизни, депрессивным регионом. Проводя исторические параллели, необходимо отметить, что в 1928–1937 гг., население СССР также, как и сегодня, испытывало на себе влияние мирового экономического кризиса, а показатели социального развития Вятской губернии / Кировской области в те годы отставали от средних по стране. Сходная историческая ситуация и наличие похожих социально-экономических сюжетов дают основание утверждать, что изучение методов, механизмов и ресурсов, которые использовали

центральная и местная власть в 1920-е–1930-е гг. для решения наиболее острых проблем, и в настоящее время может быть весьма полезно. Тем более что рабочие промышленности остались довольно важной для страны и региона социальной группой населения, интересы которой должны, безусловно, учитываться при разработке программ социально-экономического развития.

Объектом изучения являются промышленные рабочие Вятской губернии / Кировской области.

Выбор рабочих в качестве объекта изучения определяется высокой значимостью, которое придавалось этой социальной группе в Советском государстве.

Предметом исследования выступает эволюция материально-бытовых и духовно-культурных условий жизни рабочих цензовой промышленности Вятской губернии / Кировской области на протяжении периода 1928–1937 гг., как результат социально-экономической деятельности местных органов власти, рассматриваемая в контексте общегосударственной политики и экономических возможностей региона и страны в целом.

К цензовой промышленности относились предприятия, определенного ценза (размера) фабричного типа подлежавшие первоочередному государственному учету, что говорит о её значимости. Изучая положение рабочих цензовой промышленности Вятской губернии / Кировской области можно выявить наиболее типичные социально-экономические проблемы, касавшиеся всего рабочего населения региона и страны в целом в период 1928–1937 гг**.**

К цензовой промышленности в СССР относились (до 1933 г.) промышленные предприятия с числом рабочих не менее 16 при наличии механического двигателя и не менее 30 рабочих без наличия двигателя (с отдельными отступлениями, например, электростанции считались

цензовыми при мощности 15 квт и выше; горнозаводская промышленность считалась цензовой независимо от числа рабочих и т.д.). С середины 1930-х гг. вместо деления промышленности на цензовую и нецензовую было принято деление на крупную и мелкую. В этой связи главное внимание в работе при характеристике периода 1933–1937 гг. будет обращено на положение рабочих, предприятия которых ранее относились к цензовой промышленности, а с 1933 г. стали квалифицироваться как крупные и средние.

Территориальные рамки исследования: Проблемой уточнения территориальных рамок исследования задается одна из главных сложностей работы. Политика «большого скачка» (плана строительства социализма за две пятилетки) в Вятской губернии / Кировской области сочеталась со значительными административно-территориальными метаморфозами, в ходе которых статус территорий бывшей Вятской губернии неоднократно изменялся. Вятская губерния до середины января 1929 г. являлась самостоятельным образованием, состоявшим из 8 уездов. В 1929 г. в СССР было проведено так называемое районирование, в результате которого Вятская губерния в составе округов: Вятского (17 районов), Котельнического (13 районов), Нолинского (11 районов) и частично Шарьинского вошла в состав Нижегородского[3] (с 1932 г. Горьковского) края (постановления ВЦИК от 14 января и 10 июня 1929 г.)[4]. Часть территории Халтуринского уезда при этом была включена в

[3] Постановление Президиума ВЦИК «Об образовании Нижегородской области» от 14 января 1929 г. // Известия. 1929. № 14. 17 января. С. 2; Постановление Президиума ВЦИК «О переименовании Нижегородской области в Нижегородский край» от 15 июля 1929 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства. 1929. № 10.

[4] Постановление Президиума ВЦИК РСФСР «Об образовании на территории РСФСР административно-территориальных объединений краевого и областного значения» от 14 января 1929 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1929. № 10. Ст. 116; Постановление Президиума ВЦИК РСФСР «О составе округов и районов Нижегородской области и их центрах» от 10 июня 1929 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1929. № 44. Ст. 467.

состав Северного края в соответствии с постановлением ВЦИК от 3 июня 1929 г.[5]

Округа просуществовали один год и были упразднены, а составлявшие их районы (в количестве 42-х) вошли непосредственно в Нижегородский край[6]. Следующее изменение было связано с важным политическим событием. 1 декабря 1934 г. в Ленинграде был убит член Политбюро, секретарь ЦК ВКП(б) С.М. Киров. В ночь на 6 декабря ЦИК СССР переименовал город Вятку в Киров[7], а 7 декабря Президиум ЦИК специальным постановлением санкционировал образование Кировского края[8]. В состав края вошла Удмуртская автономная область, 37 районов Горьковского края (в основном районы бывшей Вятской губернии) и два района Свердловской области. В январе 1935 г. ряд районов были выведены из состава края. В итоге Кировский край объединил 54 района и Удмуртию[9]. С принятием новой Конституции СССР в 1936 г. Кировский край был преобразован в Кировскую область, Удмуртская АССР получила статус самостоятельной административной единицы и выделилась из неё[10]. Наконец, на основании постановления ВЦИК от 22 октября 1937 г. из Кировской области в Удмуртскую АССР переданы Воткинский, Сарапульский, Каракулинский и Киясовский районы[11]. Учитывая все указанные изменения границ, по сложившейся в историографии традиции в качестве территориальных рамок исследования мы приняли границы

---

[5] Постановление Президиума ВЦИК РСФСР «Об изменении территориального состава вновь образуемых краевых и областных объединений» от 3 июня 1929 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1929. № 41. Ст. 438.

[6] Постановление ЦИК и СНК СССР «О ликвидации округов» от 23 июля 1930 г. // СЗ СССР. 1930. № 37. Ст. 400.

[7] Постановление ЦИК СССР «О переименовании города Вятки в город Киров» от 5 декабря 1937 г. // Кировская правда. 1934. № 281. 8 декабря. С. 1.

[8] Постановление Президиума ВЦИК «О разделении Горьковского края» от 07 декабря 1934 г. // Консультант Плюс. Законодательство. Документы СССР [Электронный ресурс] / АО «Консультант Плюс». М., 2011.

[9] Загвоздкин Г.Г. Триумф и трагедия 30-х годов. // Энциклопедия земли Вятской. Т. 4: История. Киров, 1995. С. 382.

[10] Постановление Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов от 5 декабря 1936 г. // Верной дорогой: Хроника истории Кировской организации КПСС. 1883–1983 гг. Киров, 1983. С. 197.

[11] Постановление ВЦИК от 22 октября 1937 г. // Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии.1917–1991 гг. Ижевск, 1995. С. 377.

Кировской области по состоянию на 1 января 1937 г. Стоит сразу отметить, что основное внимание в работе будет обращено на города и рабочие поселки Вятской губернии / Кировской области, так как именно там, в основной массе, была сосредоточена преобладающая часть промышленного рабочего класса. Кроме того, отдельные аспекты реализации социальной политики детально рассматриваются на примере Вятского (округа, района) и Котельнического (округа, района) уездов. Выбор в качестве региона исследования Вятской губернии / Кировской области связан с тем, что эта территория оказалась вовлеченной в 1928–1937 гг. в процессы индустриального переустройства страны, что значительно обострило существовавшие здесь и ранее кризисные явления социально-экономической сферы.

Хронологические рамки исследования: включают в себя период с 1928 по 1937 гг.: с момента принятия решения о переходе к пятилетнему планированию народнохозяйственного развития страны до момента окончания последнего хозяйственного года второй пятилетки. Период первой и второй пятилеток стал особым этапом в истории рабочего класса, когда его материальное положение во многом было обусловлено переходом на планирование народного хозяйства.

Историография проблемы. В историографии изучения проблем социально-экономического положения рабочего класса 1928–1937 гг. хронологически можно выделить три периода: 1) историография конца 1920-х–начала 1950-х гг., это начальный этап исторического осмысления происходивших в стране процессов, когда большинство работ были написаны современниками, имевшими возможность лично участвовать в описываемых ими событиях; 2) историография середины 1950-х–середины 1980-х гг., время, когда появилось большинство фундаментальных исследований, созвучных тематике диссертации, в рамках традиционных подходов советской исторической науки; 3)

современная историография, которая делится на перестроечный и постперестроечный периоды, – этап, на котором происходит переосмысление истории рабочего класса с позиций постиндустриального общества.

Типы работ по заявленной проблематике делятся на исследования, отражающие специфику положения рабочего класса в целом по стране, и региональные работы.

1) Историография конца 1920-х–начала 1950-х гг. Особенностью работ первых двух периодов являлось то, что они освещали, в основном, экономическую политику государства, но недостаточно отражали деятельность, направленную на изменение социальной сферы общества. Кроме того изучение истории рабочего класса происходило в рамках марксистко-ленинского подхода и с позиций принципа партийности, что подразумевало освещение истории через призму материалистической философии и классовых интересов пролетариата. Огромная роль, которую социально-экономические проблемы объективно играли в жизни общества, при разработке и реализации курса государственной политики, вынуждали заниматься этими вопросами не только историков, но и экономистов, политиков. Историографическая ценность этих публикаций обуславливается тем, что они были написаны специалистами, знакомыми с хозяйственными проблемами не по литературным и документальным источникам, а в ходе непосредственной практической работы.

Среди общих работ, посвященных изучению рабочего класса в период 1928−1937 гг. стоит выделить работы, авторы которых занимали различные руководящие посты в структурах государственного управления. Вопросами рабочего снабжения и карточной системы занимались в этот период З.С. Болотин, В. Шейман, А.И. Микоян, Г.Л. Нейман, В.В. Булгаков, В.А. Нодель, которые входили в аппарат

управления торговлей и снабжением [12]. Эти работы интересны тем, что в них представлены направления и характер, мотивы и цели экономической политики центральной власти в сфере снабжения в этот период, а также первая реакция рабочего населения на введение новой системы распределения товаров первой необходимости. Почти все указанные выше авторы оценивали введенную в 1929 г. систему карточного распределения, как вынужденную, но необходимую меру. Отмену карточек исследователи связывали с успехами коллективизации и повышением уровня производительности сельского хозяйства.

Исследователи З.С. Болотин и В.А. Нодель (редактор журнала "Советская Торговля") считали, что карточная система для рабочего была явлением положительным, так как снабжала его необходимым минимумом продуктов и товаров по доступным ценам в условиях общего кризиса продовольствия в городах.

Работы А. Барита, З.П. Соловьева (заместитель Наркома здравоохранения РСФСР), Н.А. Семашко (в 1918–1930 гг. – нарком здравоохранения РСФСР), М.И. Барсукова (в 1930–1939 гг. возглавлял сектор здравоохранения Госплана СССР), Н. И. Виноградова и других деятелей, непосредственно работавших в изучаемый период в структуре органов управления здравоохранением, представляют большой интерес с точки зрения изучения возможностей, которые давала рабочим советская система медицинского обслуживания населения[13]. Основой для улучшения качества жизни рабочего класса, по мнению современников,

---

[12] Болотин З.С. Вопросы снабжения. М.−Л., 1935; Болотин З.С. Советская торговля в стахановском году. М.:, 1937; Шейман В. Задачи советской торговли. М., 1939; Микоян А.И. Продовольственное снабжение и наши задачи. М., 1930; Нейман Г.Л. Внутренняя торговля СССР. М., 1935; Булгаков В.В. Советская торговля на новом этапе. М., 1932; Булгаков В. Улучшим рабочее снабжение! Развернем советскую торговлю. М.−Л., 1932; Нодель В.А. Ликвидация карточек, снижение цен и развернутая советская торговля. М., 1935.

[13] Барит А., Милютин Б. Основы социального страхования. М., 1934; Соловьев З. П. Строительство советского здравоохранения / Под ред. М. Ландиса. М., 1932; Соловьев З. П. Вопросы здравоохранения. М., 1940; Семашко Н. А. Очерки по теории организации здравоохранения. М., 1947; Виноградов Н. И. Здравоохранение в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930–1934 гг.). М., 1955.

должна была стать реализация принципов бесплатности и доступности предоставления медицинской помощи.

Н.А. Семашко − один из первых, кто обратил внимание на социальные причины заболеваний. Научное наследие Н.А. Семашко – более 250 работ по организационным и теоретическим вопросам медицины. Ученый считал, что болезнь – социальное явление, и бороться с ней нужно не только лечебными средствами, но и путём социально-профилактических мероприятий. В его трудах и работах других его сподвижников впервые были сформулированы и обобщены основные принципы советского здравоохранения. Особенностью исследований указанных авторов является их высокий теоретический уровень

Анализ научной литературы 1930-х гг. показывает, что в трудах этого периода, четко прослеживается стремление доказать, что с утверждением советской власти произошло улучшение жизни пролетарских слоев населения, наметился значительный рост их уровня жизни, культурных и материальных условий[14]. Авторы предпочитали изучать отдельные стороны материально-бытовой сферы жизни населения. Одной из тем, оказавшихся под пристальным вниманием исследователей, стало жилищное обеспечение. В работах 1930-х гг. признавалось наличие самой жилищной проблемы, однако вместо ее объективного анализа давалась критика мероприятий, ранее проводимых в этом направлении царским правительством[15].

Особенности быта рабочего класса были затронуты и в работах историков Г.К. Плющева, Е.О. Кабо, отдельные проблемы жилищно-бытовой сферы впервые были описаны в исследованиях К.К. Лопяло,

[14] Локшин Э. Формы зарплаты на современном этапе // Проблемы экономики. 1936. № 3; Саутин И. Подъем материального и культурного уровня трудящихся // Плановое хозяйство. 1939. № 5; Цветков П. Положение рабочего класса СССР // Плановое хозяйство. 1937. № 8; Шнирлин Ю. Рост потребления рабочего класса Советского Союза // Плановое хозяйство. 1938. № 5; Хейнман С. Уровень жизни трудящихся СССР // Плановое хозяйство. 1936. № 8.

[15] Ким М.Ю., Кузоро К.А. Социальная политика Советской власти (1930-е гг.) в отечественной и зарубежной историографии // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 334. С. 64.

А.С. Введенского, Г. Пузиса, Д.Л. Бронера, Г. Филина[16]. В этих публикациях впервые были обозначены основные грани жилищной проблемы в городах периода индустриализации, представлены различные варианты её решения, первые успехи и неудачи в этом деле. В них раскрывались также такие показатели социального положения населения как питание, одежда, домашний инвентарь, обеспеченность жилой площадью, при этом авторы заостряли внимание в первую очередь на положительных изменениях в жизни рабочего класса.

Тема культурного развития рабочего населения также была весьма популярна у современников. В 1930-е гг. вышло большое количество статей в периодической печати, посвященных образованию и культуре, в которых упор был сделан на описании основных достижений советской власти в деле ликвидации неграмотности в рабочей среде[17].

Среди зарубежных исследований 1930-х гг. стоит отметить работу венгерского писателя Д. Ийеша «Россия. 1934»[18], которая была написана под впечатлением поездки в СССР на съезд союза писателей в 1934 г. и носила характер путевых заметок. Она была опубликована на родине писателя сразу после его приезда, однако на русский язык была переведена и издана только спустя 70 лет – в 2005 г. Работа интересна тем, что автор пытался в ней представить явления социальной и культурной жизни, которые ему удалось наблюдать в СССР, с максимальной объективностью. В своей книге он описал быт и настроения рабочих, с

[16] Плющев Г.К. Борьба за повышение уровня жизни рабочих в Курском округе (1928–1939 гг.): автореф. ... канд. ист. наук. Курск, 1948; Кабо Е.О. Очерки рабочего быта: Опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. Т. 1. М., 1928; Лопяло К.К. Жилищно-бытовое строительство СССР за 15 лет. М., 1932; Введенский А.С. Жилищное положение фабрично-заводского пролетариата. М., 1932; Пузис Г. Коммунальное хозяйство СССР за 15 лет. М., 1932; Бронер Д.Л. Очерки экономики жилищного хозяйства Москвы. М., 1946; Филин Г. Вопросы жилищного строительства в СССР // Советское строительство. 1934. № 11.

[17] Алексинский М.А. Культурная революция и педагогические кадры // Коммунистическое просвещение. 1931. № 1; Дроздов С. Высшее педагогическое образование во второй пятилетке // Коммунистическое просвещение. 1933. № 1; Каштанов Т. Выполнение первой пятилетки и основные вопросы по финансированию массового просвещения во второй пятилетке // Коммунистическое просвещение. 1933. № 1; Панфилов В.Н. Первый вариант второй пятилетки Наркомпроса РСФСР // Коммунистическое просвещение. 1932. № 8 и др.

[18] Ийеш Д. Россия. 1934. М., 2005.

которыми он сумел пообщаться во время своего пребывания в стране Советов. Д. Ийеш довольно высоко оценил положение рабочего класса, уровень его потребления и социальный статус в Советской России, особенно на фоне бедственного положения крестьянских масс.

Интересны также наблюдения американских специалистов, которые работали на советских заводах этого периода в качестве консультантов[19].

Весьма ценный вклад в историографию проблемы внес экономист и историк Б. Бруцкус, пассажир известного «философского» парохода 1922 г. В 1930-е гг. в эмигрантской печати было опубликовано большое количество работ этого автора, в которых он анализирует экономическую действительность в СССР[20]. Часть работ ученого на эту тему увидела свет и в российских изданиях, но уже в 1990-е гг. XX в.[21] Б. Бруцкус был первый, кто проанализировал такое специфическое явление советского планового хозяйства, как товарный голод, определяя его, как кризис снабжения потребителей и выражение инфляции в условиях фиксированных цен и окончательной победы социалистических форм распределения. Первая пятилетка, по мнению историка, вызвала резкое понижение уровня жизни как рабочих, так и крестьянских масс, и закончилась двумя голодными катастрофами 1932 и 1933 гг. Тем не менее, автор полагал, что жертвы, принесенные населением в эти годы, не стали бесплодными, и в свое время они внесут свой вклад в общее экономическое благосостояние населения страны[22].

Мнения советских и зарубежных исследователей рабочего класса в этот период расходились. Западные историки были склонны более

---

[19] Шейнман И.Б. Что я видел в Америке. Что я сделал в СССР. М., 1934.

[20] Бруцкус Б.Д. «Пятилетка» и её исполнение // Современные записки. Т. 44. 1930; Бруцкус Б.Д. Судьбы «пятилетки» // Современные записки. Т. 48. 1931; Бруцкус Б.Д. К победе или к крушению пятилетки // Руль. 1931. 21−23 мая; Бруцкус Б.Д. Россия под знаком пятилетки // Руль. 1931. 24 мая.

[21] Бруцкус Б. Советская Россия и социализм. СПб., 1995; Бруцкус Б. К теории кооперации // Вопросы экономики. 1995. № 10; Бруцкус Б.Д. Народное хозяйство Советской России, его природа и его судьбы // Вопросы экономики. 1991. № 9.

[22] Рогалина Н.Л. Борис Бруцкус – историк народного хозяйства России. М., 1998. С. 169−172.

скептически оценивать эффективность происходивших в СССР социальных преобразований.

Из региональных работ вятских и нижегородских авторов первого периода историографии можно отметить отдельные публикации в местной периодической печати. Социальные проблемы должного внимания в них также не получили, но из анализа представленных в них данных можно вычленить определенную информацию о материальном положении рабочего класса Вятской губернии / Кировской области в 1920–1930 гг. Это работы С.Н. Коваленко и В. Пекарского, посвященные анализу бюджета Вятской губернии, Нижегородского / Горьковского края, статьи Н. Соколова, Матвеева о проблемах карточного снабжения, исследования Т. Имярекова, Р.Е. Шубина, И. Кочетова, Сатрапинского, рассматривающие проблемы жилищно-коммунального хозяйства, статья З.Я. Глезерова о проблемах и задачах советского здравоохранения в Горьковском крае и статья В. Филиппова, посвященная организации советских базаров[23].

В своих публикациях авторы довольно откровенно писали о проблемах региона, которые оказывали влияние на положение рабочих местной промышленности, главными из которых стали кризис жилищно-коммунальной сферы и карточная система распределения продовольствия.

Многие из указанных выше исследователей занимались решением социально-экономических проблем на практике в различных структурах

[23] Коваленко С.Н. Местный бюджет Вятской губернии в 1929–1929 гг. // Вятское хозяйство. 1929. № 1−2. С. 60−65.; Острецов А. Единый государственный бюджет Нижкрая на 1929–1930 гг. // Нижегородский край. 1930. № 3; Пекарский В. Местный бюджет Нижегородского края // Нижегородский край. 1931. № 9−10; Соколов Н. Снабжение рабочего основными продуктами питания // Нижегородский край. 1929. № 3; Соколов Н. Реорганизация органов Наркомторга. // Нижегородский край. 1930. № 3; Соколов Н. Снабжение рабочего населения // Нижегородский край. 1930. № 4; Матвеев. Добиться резкого улучшения рабочего снабжения // Нижегородский ударник. 1932. № 6−7; Имяреков Т.Ф. Насущные вопросы жилищно-коммунального хозяйства Горьковского края // Горьковский край. 1934. № 7; Имяреков Т. Жилищно-коммунальное хозяйство края (во втором пятилетии) // Горьковский край. 1932. № 5−6; Шубин Р.Е. Жилищные условия городского населения Вятской губернии // Вятское хозяйство. 1929. № 3; Кочетов И. За реконструкцию коммунального хозяйства Нижкрая (О работе коммунальных органов края) // Нижегородский край. 1932. № 4; Сатрапинский. На жилищном фронте // Спутник большевика. 1928. № 3; Глезеров З.Я. Здравоохранение в Горьковском крае и основные задачи в 1934 г. // Горьковский медицинский журнал. 1934. № 6−7; Филиппов В. Организация советских базаров // Нижегородский край. 1932. № 1−2.

местной власти. Так, Сатрапинский в 1928 г. являлся председателем правления губернского Жилсоюза, В. Пекарский в 1930-е гг. трудился в Краевом финансовом отделе Нижегородского (Горьковского) крайисполкома над составлением бюджета края.

Среди местных изданий этого периода историографии особо стоит отметить сборник, посвященный переписи неграмотного и малограмотного населения Нижегородского края 1929 г., изданный под редакцией Г. Ардашева[24], в котором представлен детальный анализ полученных в ходе переписи результатов. Автор приводит данные об образовательном уровне рабочих бывшей Вятской губернии.

Таким образом, в первый период историографии преобладают труды, написанные не историками, а политическими деятелями, специалистами на руководящих постах, экономистами. Отечественные исследователи в этот период не признавали существования кризисных явлений в жизни промышленных рабочих. В исторической литературе вплоть до середины 1980-х гг. отсутствовала полемика по любым вопросам, связанным с оценкой уровня жизни рабочего населения страны. Региональная историография проблемы в этот период была менее обширна, но представленные в ней данные о положении рабочих более объективно отражали историческую действительность.

2). Второй этап – 1950-е–1980-е гг. можно охарактеризовать как период, когда появились достаточно содержательные работы социального характера, посвященные решению жилищной проблемы, уровню народного потребления, росту заработной платы и другим социальным вопросам.

В исследованиях А. Н. Малафеева и Л. Майзенберга по истории ценообразования, П. И. Лященко по истории народного хозяйства в трех томах, Г. Л. Рубинштейна, Г. А. Дихтяра, так или иначе, рассматривались

[24] Ардашев Г. Итоги переписи неграмотных и малограмотных в Нижегородском крае. Н.Новгород, 1930.

меры социально-экономического характера, касающиеся рабочих промышленности[25]. В монографии А.Н. Малафеева представлен также анализ реальной покупательной способности рабочего населения в годы первой и второй пятилеток, которую автор оценивал как динамично повышающуюся, что было связано не только с ростом заработной платы, но и с тем, что многие бытовые услуги (медицинское обслуживание, образование, квартплата, общественное питание и др.) рабочие получали бесплатно или за номинальную стоимость.

Следует отметить, что часть исследователей этого периода историографии все же признавала тот факт, что рабочим подчас приходилось ограничивать свое потребление. В частности, об этом писал В.Ф. Майер[26], уточняя, однако, что это являлось оправданной необходимостью в сложившейся в стране ситуации.

Заслуживают внимания исследования по жилищной политике правительства З.А. Астемирова, А.Ф. Шарова, А.А. Левского, Т.В. Кузнецовой. В работах этих авторов акцент был сделан на масштабы проведенных мероприятий в области жилищного строительства, для наглядности, жилищный фонд на конец первой и второй пятилетки сравнивался с дореволюционными показателями[27].

О проблемах здравоохранения в этот период писали П.Е. Заблудовский[28], М.К. Кузьмин[29], Э.Д. Грибанов.[30]. Проблемы здравоохранения изучаемого периода затрагивались также в разделах

---

[25] Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. М., 1964; Майзенберг Л. Ценообразование в народном хозяйстве СССР М., 1953; Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 3: Социализм. М, 1965; Рубинштейн Г. П. Развитие внутренней торговли в СССР. М., 1964; Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. М., 1961.

[26] Майер В. Ф. Доходы населения и рост благосостояния народа. М., 1968.

[27] Астемиров З.А. Политика партии и советского правительства по обеспечению населения жильем в 1930–1940 гг. М., 1975; Шаров А.Ф. Развитие жилищного строительства в СССР. М., 1954; Левский А.А. На путях решения жилищного вопроса в СССР // История СССР. 1962. № 4; Кузнецова Т.В. К вопросу о путях решения жилищной проблемы в СССР. Революционный жилищный передел в Москве // История СССР. 1965. № 5.

[28] Заблудовский П.Е. История отечественной медицины. Ч. 2: Медицина в СССР. М., 1971.

[29] Кузьмин М.К. История медицины. М., 1978; Кузьмин М.К. Этапы советской медицины за 70 лет // Советская медицина. 1987. № 11.

[30] Грибанов Э.Д. Всероссийские съезды здравотделов и их значение для практики советского здравоохранения. М., 1966.

коллективной монографии 1957 г. «Очерки истории здравоохранения СССР (1917–1956 гг.)». В них рассматривались основные достижения советской медицины, их влияние на здоровье нации. Большое внимание уделялось вопросам создания единой системы государственного медицинского обслуживания населения и её значению в борьбе с эпидемиями и заболеваемостью, в том числе и в среде промышленных рабочих.

Приоритетной отраслью социально-культурного развития в 1930-е гг. было образование. В них описывались основные меры, принимаемые правительством и партийным руководством в борьбе за преодоление неграмотности в среде рабочего класса и повышению уровня их образования и культуры, приводились доказательства успешности работы в этом направлении, выраженные в цифрах статистики[31].

Исследуемые в работах этого периода историографии сюжеты, посвященные вопросам покупательной способности, заработной платы, духовного развития рисовали в целом довольно благополучную картину общего материального положения рабочего класса. Лишь к концу 1980-х гг. оценка социальной политики меняется на более осторожную. К примеру, В.И. Исаев в монографии «Быт рабочих Сибири: 1926–1937 гг.» (1988), отмечая позитивные изменения в жизни рабочих (обеспеченность жильем, товарами первой необходимости, организация общественного питания, сети детских дошкольных учреждений, медицинского и санитарно-курортного обслуживания), утверждает, что этого было явно

[31] Куманев В.А. Социализм и всенародная грамотность. М., 1967; Прокофьев С.П. Народное образование в СССР (1917–1967 гг.). М., 1967; Калинин А.Д. Народное образование в СССР. М.: Педагогика, 1972; Народное образование в СССР. 1917–1967 / ред. М.А. Прокофьев. М.: Просвещение, 1967; Королев Ф.Ф. Советская школа в период социалистической индустриализации. М., 1959; Миттов Н.К. Всеобщее обязательное семилетнее обучение в РСФСР в 1930–1941 гг. // Учен. зап. Мичуринского пед. ин-та. Тамбов, 1957. Вып. 2; Богданов И.М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР (Ист.-стат. очерки). М., 1964; Рашин А.Г. Рост культурно-технического уровня рабочего класса СССР в 1917–1958 гг. // История СССР. 1961. № 2 и др.

недостаточно для того, чтобы говорить о всеобщем благосостоянии и становлении социалистического образа жизни[32].

Интересующая нас проблема не прошла мимо внимания авторов русского зарубежья. Весьма интересное исследование, посвященное анализу социально-экономических событий в СССР, принадлежит С.Н. Прокоповичу, бывшему министру Временного правительства. Автор, основываясь на доступных статистических данных, оценил уровень жизни рабочего класса, реальная заработная плата которого, по его мнению, существенно снизилась и привела к ухудшению качества питания[33].

Весьма интересная работа, посвященная уровню реальной заработной платы в СССР, вышла в 1963 г. из под пера американской ученой Ж. Чепмен[34]. В ней автор привела данные о стоимости жизни в СССР, которая по её расчетам возросла в период с 1928 по 1937 гг. в 5 раз, а также сравнила покупательские возможности советского, английского и американского рабочего за разные годы.

Также полезную информацию по проблемам потребления в СССР несет в себе труд А. Бергсона[35], который основываясь на доступных данных советской статистики, пересчитал все компоненты ВНП СССР в ценах 1937 г. (в рублях) с помощью множества специально рассчитанных им индексов цен. В итоге Бергсон пришел к выводу, что с 1928 г. в СССР начался спад в потреблении на душу населения. Труды Ж. Чепмен и А. Бергсона на долгие годы стали хрестоматийными для большинства англоязычных исследователей проблемы уровня жизни в СССР после 1928 г. Выводы зарубежных историков о положении рабочего класса в СССР диаметрально отличались от оценок советских специалистов в этой

[32] Ким М.Ю., Кузоро К.А. Социальная политика Советской власти (1930-е гг.) в отечественной и зарубежной историографии. С. 65–66.
[33] Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР. Т. 2. Нью-Йорк, 1952.
[34] Chapman J.G. Real Wages in Soviet Russia since 1928. Camb., 1963.
[35] Bergson A. The Real National Income of Soviet Russia since 1928. Camb., 1961.

области и свидетельствовали о значительном падении уровня жизни рабочих промышленности в этот период.

Из региональных исследований стоит отметить работы Е.И. Кирюхиной[36], В.С. Сазонова[37], В. Заболотского[38], которые высоко оценивали уровень и качество культурной жизни Вятской губернии / Кировской области, формировавшей духовные возможности рабочих местной промышленности в изучаемый период. В монографии В. Аржановой мероприятия местных органов ВКП(б) в области повышения реальной заработной рабочих описывались как успешные в доказательство приводились данные о появлении новых статей расходов в бюджетах рабочих конца 1930-х гг.[39]

Важное место в историографии периода занимает диссертация, написанная исследователем З.И. Вдовиным в 1971 г. В ней рассматривается экономика области в годы второй пятилетки[40]. Автор заявляет во введении, что он выступает и против тех, кто изображает 1930-е гг. как «сплошную цепь ошибок», так и против тех, кто «пытается обелить явления прошлого, подвергнутое партийной критике». Исследование конкретизировало четвертую главу «Очерков истории Кировской областной организации КПСС»[41], написанную им же. Также стоит отметить диссертацию А.Т. Киселева «Борьба Вятской (Кировской) партийной организации за социалистическую индустриализацию (1926–1933 гг.)», написанную в 1950 г. Автор, опираясь на материалы архивов и периодику, оценил состояние и характер экономики Вятской губернии,

[36] Кирюхина Е. И. К сокровищам науки и культуры // Кировская правда. 1962. № 106. 22 мая; Кирюхина Е. И. Под знаменем Октября. Кировская область за 60 лет Советской власти. Киров, 1977; Кирюхина Е. И. Годы предвоенных пятилеток // Спутник агитатора. 1947. № 10.
[37] Сазонов В. Страницы истории Кировского театра драмы. (1877–1977 гг.). Киров, 1976.
[38] Заболотский В. Два театра. К 75-летию Кировского областного драматического театра // По родному краю. / Сб. статей по краеведению. Вып. 2. Киров, 1952.
[39] Аржанова В. Очерки истории Горьковской организации КПСС. Ч. 2: 1918–1941 гг. Горький, 1966.
[40] Вдовин З.И. Деятельность Кировской партийной организации по руководству народным хозяйством и культурным строительством в годы второй пятилетки: дисс. ... канд. ист. наук. М., 1972.
[41] Очерки истории Кировской организации КПСС: В 2-х ч. Киров; Горький, 1965,1969.

которая являлась основой для повышения качества жизни рабочих региона в изучаемый период[42].

Историографический фон для диссертационного исследования составляют обобщающие труды кировских авторов по истории Вятской губернии / Кировской области, в которых представлен и период 1920-х–1930-х гг.[43] К ним относятся сборники: «Кировская область. 50 советских лет. 1917–1967 гг.», «Очерки истории Кировской области», «История Кировской области», «Вятка. Краеведческий сборник» справочники «Кировская область за 40 лет», «Кировский край», «Административно-территориальное деление и органы власти Нижегородского края / Горьковской области 1929–1979 гг.», «Очерки истории Кировской организации КПСС» и др. Во всех этих работах изучаемый период представлен обзорно, а интересующие нас проблемы лишь намечены.

Таким образом, основной особенностью общих и региональных работ этого периода историографии оставалось отсутствие критического анализа эффективности проводимых властью мероприятий в отношении социально-экономического развития рабочего класса. Исследуемые в них сюжеты, посвященные вопросам покупательной способности, заработной платы, духовного развития рисовали в целом довольно благополучную картину общего материального положения рабочего класса.

3). Современная историография социально-экономических преобразований 1920-х–1930-х гг. весьма разнообразна, что связано с изменением политической ситуации – распадом СССР и провозглашением России в качестве демократического государства. Историческая наука не

[42] Киселев А. Т. Борьба Вятской (Кировской) партийной организации за социалистическую индустриализацию (1926–1933 гг.): автореф. ... канд. ист. наук. Киров, 1950. С. 9.

[43] 50 советских лет. Кировская область. 1917–1967 гг. Киров, 1967; Очерки истории Кировской области. Киров, 1972; История Кировской области. Киров, 1975; Вятка. Краеведческий сборник. Киров, 1977; Кировская область за 40 лет. Киров, 1957; Административно-территориальное деление и органы власти Нижегородского края / Горьковской области. 1929–1979 гг. Справочник. Горький, 1984; Очерки истории Кировской организации КПСС. В 2 ч. Ч. 2: 1918–1968 гг. Горький, 1969.

испытывает на себе в настоящее время давления со стороны какой-либо одной идеологии, в связи с чем в ней установился плюрализм мнений и подходов.

В период перестройки 1985–1991 гг. в периодических журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Знамя», «Коммунист» и др.[44] появилась целая серия работ, написанных в своеобразном историко-публицистическом стиле. В них затрагивались самые острые темы истории 1920-х−1930-х гг., в том числе проблемы уровня и качества жизни населения страны. Многие работы этого периода содержали значительное количество фактического материала, а их авторы претендовали на знание исторической истины о социально-экономической действительности конца 1920-х–1930-х гг., выступая с резкой критикой советской власти, но в статьях не всегда указывались источники информации[45]. Анализ историографии показывает, что далеко не все работы, появившиеся за это десятилетие, отличались достаточно высоким научным уровнем.

Положительной чертой нового периода историографии стало обращение исследователей к новым проблемам, повышенное внимание к социальной сфере жизни общества, привлечение новых, ранее не доступных, источников.

Социально-экономические вопросы становятся предметом исторических дискуссий. В первую очередь это коснулось такого аспекта темы, как уровень материального потребления рабочих в условиях карточной системы. Большая часть историков склоняется к тому, что

---

[44] Селюнин В. Истоки // Новый мир. 1988. № 5; Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра // Новый мир. 1987. № 2; Черниченко И. Кнут и пряник // Дружба народов. 1988. № 5; Попов В., Шмелев Н. Анатомия дефицита // Знамя. 1988. № 5; Лацис О.П. На переломе // Коммунист. 1987. № 18; Лацис О.Р. Проблема темпов в социалистическом строительстве: размышления экономиста // Коммунист. 1987. № 18.; Васильев В. 30-е гг. на Украине // Коммунист. 1990. № 17; Курицын В. Советская политическая система 30-х годов // Коммунист. 1991. № 2; Лельчук В., Хлевнюк О. 20–30-е годы. Политика индустриализации // Коммунист. 1990. № 16; Экономика и политика в уроках «великого перелома». «Круглый стол» // Коммунист. 1989. № 5.

[45] Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышление о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М., 1989; Историки отвечают на вопросы. / Под общей ред. Н.Н. Маслова. М., 1988; Историки спорят: тринадцать бесед / Под общ. ред. В.С. Лельчука. М., 1988; 30-е годы: Взгляд из сегодня. / Отв. редактор Д. Волкогонов. М., 1990.

карточная система, наряду с другими факторами, привела к ухудшению положения промышленных рабочих по сравнению с началом 1928 г. Среди работ, написанных с подобной позиции, интерес представляют работы А.К. Соколова[46], статьи Р.У. Девиса[47], О.В. Хлевнюка, Ю.М. Иванова[48].

Крупным исследователем социальной сферы довоенного периода является Е.А. Осокина[49]. Ей принадлежат работы по государственной и рыночной торговле при социализме, которые открыли новое направление в историографии продовольственного обеспечения населения, в частности, историк впервые поставила проблемы кризисов снабжения и иерархии потребления в 1930-е гг. Критикуя советскую историографию за подмену анализа реального положения дел в стране периода 1920−1930-х анализом постановлений партии и правительства, автор приходит к выводу, что даже преимущества в снабжении, предоставлявшиеся рабочим крупных предприятий, из-за неэффективной организации распределения продуктов и товаров не обеспечили им достойного уровня потребления.

Серьезное исследование, посвященное динамике заработной плате в СССР, принадлежит исследователю А. Ильюхову[50], в котором он, анализируя политику в области оплаты труда, приходит к мнению, что в период кон. 1920-х–1930-х гг. в промышленности происходит процесс увязки заработной платы рабочих с производительностью труда. Этот

---

[46] Соколов А.К. Курс советской истории. 1917–1940. М., 1999.

[47] Девис Р.У. Советская экономика в эпоху кризиса. 1930–1933 гг. // История СССР. 1991. № 4; Девис Р.У., Хлевнюк О. Вторая пятилетка: механизмы смены экономической политики // Отечественная история. 1994. № 3; Девис Р.У., Хлевнюк О.В. Отмена карточной системы // Отечественная история. 1999. № 5.

[48] Иванов Ю.М. Положение рабочих России в 20-х – нач.30-х гг. // Вопросы истории. 1998. № 5.

[49] Осокина Е.А. Иерархия потребления: о жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. М., 1993; Осокина Е.А. Люди и власть в условиях кризиса снабжения. 1939–1941 гг. // Отечественная история. 1995. № 3; Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 гг. М., 1998; Осокина Е.А. В тисках социалистической торговли // Россия НЭПовская. Исследования. М., 2002; Осокина Е .А. Социалистическая торговля: распределение и рынок. 1927–1941 гг. М ., 1998.

[50] Ильюхов А. Как платили большевики. Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010.

процесс к 1937 г. привел к значительной дифференциации заработной платы по отраслям, и по отдельным профессиям. Реальная заработная плата рабочих промышленности, вследствие роста цен, за этот период снизилась. Однако автор считает, что руководство страны ситуацию в этом отношении все-таки отслеживало и принимало меры по недопущению заметного её падения.

Небольшая часть ученых продолжает придерживаться точки зрения на проблему снабжения и уровня жизни рабочих в духе советской историографии. Так, по мнению автора учебника «Социальная политика» Г.А. Ахинова, для 1930-х гг. было характерно постоянное улучшение жизни всего советского народа. Лучше стало обеспечение одеждой, обувью, предметами культурного обихода, выросла заработная плата. В доказательство приводятся данные о росте расходов государства на социально-культурные нужды[51]. Сходной позиции придерживаются и другие исследователи. К примеру, Н.Р. Коровин[52], оценивая материальное положение и уровень жизни трудящихся, отмечает, что к концу 1930-х гг. уровень материального благосостояния граждан вырос до уровня 1928 г., хотя и не превзошел дореволюционный. Его вывод разделяет С.П. Стеблев[53].

Характерной чертой современной историографии стала постановка учеными новых проблем, таких как история повседневности, изучение менталитета и психологии рабочего класса в их связи с социальной политикой советского государства. Повышенный интерес к анализу так называемой повседневности, жизни и быта отдельной личности в современной историографии определяется понятием антропологического подхода. Исследованием данных вопросов активно занимаются такие

[51] Ахинов Г.А., Калашников С.В. Социальная политика. М., 2009. С. 98.
[52] Коровин Н.Р. Индустриализация СССР в 1930-е гг. Иваново, 2001; Коровин Н.Р. Некоторые вопросы социального развития рабочего класса СССР в годы второй пятилетки // Проблемы социального развития советского общества. Иваново, 1992.
[53] Стеблев Э.А. Экономика российской повседневности // Российская повседневность 1921–1941 гг.: новые подходы. СПб., 1998.

авторы как С.В. Журавлев[54], Н.Б. Лебина[55], В.И. Соколов[56]. В их работах показана история производственной и бытовой повседневности советских людей в период индустриализации, включая её экономические аспекты (заработок, жилище, питание, одежда и т.д.), которая оценивается в целом как недостаточная для удовлетворения основных потребностей рабочего населения.

Среди последних работ, посвященных жилищной политике государства в 1920–1930-е гг., можно отметить исследования М.Г. Мееровича. Автор в своих многочисленных работах пытается доказать, что основная цель советской жилищной политики – огосударствление жилища с целью использования его как средства управления людьми: как способа прикрепления к месту работы, принуждения к требуемому уровню производительности труда и предписываемому образу жизни. По мнению автора, обострение жилищного кризиса в этот период было инспирировано самой властью. В условиях кризиса и повсеместного распространения жилищ коммунального типа проще было оказывать влияние на граждан, осуществлять контроль и надзор за их политическими предпочтениями. Именно этим М.Г. Меерович объясняет неудовлетворительный темп строительства жилья и незначительный объем финансовых государственных вливаний в решение жилищного кризиса в этот период[57].

---

[54] Журавлев С.В., Соколов А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е гг. // Социальная история. Ежегодник. 1997. М., 1998; Журавлев С.В. Маленькие люди и большая история. М., 2000; Журавлев С. В. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М., 2004.

[55] Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб., 1999; Лебина Н.Б. Повседневность 1920–1930-х годов: Борьба с пережитками прошлого // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 1. М., 1997.

[56] Соколов В.И. Кровь и пот строителей социализма в СССР: 30-е гг. XX в. Рязань, 2007.

[57] Меерович М.Г. Жилищная ситуация и жилищная политика в СССР в 20–30-е гг. // Вестник Иркутского Государственного технического университета. 2003. № 3−4; Меерович М.Г. Кто не работает, тот не живет – жилищная политика в СССР. 1929–1937 гг. // Поиск решения проблем выживания и безопасности Земной цивилизации. Вып. 7. Ч. 2. Иркутск: Полиграфическая группа «ASPrint», 2003; Меерович М.Г. Власть и жилище (жилищная политика в СССР в 1917–1940 гг.) // Вестник Евразии. 2003. № 1 (20); Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 гг.) М., 2008; Меерович М., Конышева Е., Хмельницкий Д. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР 1928–1932 гг. М., 2011.

Жилищной политике 1920-х–1930-х гг. посвящены также исследования О.Э. Бессоновой, В.Н. Горлова, А.И. Черных, которые отличаются более взвешенным подходом. Авторы отмечают как очевидные неудачи властей в этой сфере (реализация жилищной кооперации и др.), так и несомненные успехи (низкая квартплата, бесплатное предоставление жилья рабочим и др.) [58].

Достаточно много серьезных работ появилось в последние годы по истории здравоохранения. Это труды Ю.П. Лисицына, М.Б. Мирского, Т.С. Сорокиной, О.П. Щепина[59]. Они носят в основном общий характер, подробно период первых пятилеток не рассматривают, однако мероприятия тех лет в области здравоохранения оцениваются авторами как прогрессивные.

Современные западные историки проявляют живой интерес к изучению сталинской России 1930-х гг. Начиная с середины 1980-х гг., в зарубежной историографии сложилось два подхода в изучении советской истории: тоталитарный и ревизионистский. Их основное отличие состоит в том, что историки тоталитарного подхода акцентируют внимание в своих исследованиях строго на партии и государстве, общество при этом представляется как пассивный объект, результат воздействия власти. Историки-ревизионисты предлагают изучение российской истории 1930–х гг. с позиции самого общества. Для них характерно смещение исследовательского акцента на социальную историю[60].

---

[58] Бессонова О.Э. Механизм обеспечения жильем в СССР // Постижение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа: сб. М.: Прогресс, 1989; Бессонова О.Э. Жилье: рынок и раздача. Новосибирск, 1993; Горлов В.Н. Жилищный вопрос как социальная проблема. Из истории создания ЖСК // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 1; Черных А.И. Жилищный передел. Политика 20-х гг. в сфере жилья // Социологические исследования. 1995. № 10.

[59] Лисицын Ю.П. Здравоохранение в XX веке М., 2002; Лисицын Ю.П., Стародубов В.И., Савельева Е.Н. Медицинское страхование. М.: Медицина, 1995; Мирский М.Б. Медицина России X–XX веков. Очерки истории. М., 2005; Сорокина Т.С. История медицины: учебник / Т.С. Сорокина. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004; Щепин О.П. Очерки истории медицины XX века. Казань, 2006; Министры здравоохранения. Очерки истории здравоохранения России в XX веке / Под ред. акад. РАМН О.П. Щепина. М., 1999; Здравоохранение России XX век / Под ред. Ю.Л. Шевченко, В.И. Покровского, О.П. Щепина. М., 2001.

[60] Everyday life in early Soviet Russia: Taking the revolution inside. Bloomington, 2006.

Среди специальных работ зарубежных авторов можно отметить исследования Ш. Фицпатрик, Л. Холмса, П. Грегори, в которых авторы описывают социальную действительность конца 1920-х–1930-х гг. в тесной связи с политическими процессами этого периода и менталитетом населения[61]. Ш. Фицпатрик, используя в своей работе определенные методики антропологического подхода для изучения истории повседневности 1930-х гг., придерживается нетрадиционной для современной историографии точки зрения о том, что городские жители гораздо больше пострадали от продовольственного и жилищного кризиса, чем крестьяне от коллективизации, и уровень их жизни был заметно ниже.

Также следует упомянуть статью Ж. Сапира, в которой автор называет перелом конца 1920-х гг. катастрофой для советской экономики, которая спровоцировала сильнейшее снижение реальной заработной платы[62].

Весьма интересный взгляд на проблему уровня жизни в СССР 1930-х гг. XX в. представлен в работах Р. Аллена[63]. В своих исследованиях автор опирался на опубликованные ранее труды Ж. Чепмен, А. Бергсона, Ш. Фицпатрик, однако пришел к совершенно другим выводам. По его расчетам в период с 1928 по 1937 гг. уровень потребления в СССР на душу населения не только не снизился, а вырос на 25%. Среди новых англоязычных работ стоит выделить коллективный труд «The Economic Transformation of the Soviet Union» (Экономические преобразования в Советском Союзе, 1913–1945 гг.). Авторы, основываясь на данных статистики, разделяют достаточно распространенную сейчас за рубежом

[61] Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001; Холмс Л. Социальная история России: 1917–1941 гг. Ростов-на-Дону, 1994; Larry E. Holmes. Stalin's school. Moskow's Model school № 25, 1931–1937. Pittsburg, 1999; Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008.

[62] Сапир Ж. Советская экономика: истоки, развитие, функционирование // Индустриализация: исторический опыт и современность: межуниверситетский сб. / Под ред. Н.С. Бабинцева. Спб., 1998.

[63] Allen R.C The standard of living in the SOVIET UNION, 1928–1940.Vancouver, 1997; Allen R.C. Farm to Factory: a Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution. Princeton: Princeton University Press, 2003.

точку зрения о том, что городское потребление в СССР на душу населения в 1937 г. стало выше, чем в 1928 г.[64]

Отдельные аспекты положения вятских рабочих затрагиваются в региональной историографии: в работах Г.Г. Загвоздкина, который описывает тяжелые жилищно-бытовые условия рабочих в этот период, В.И. Бакулина, занимающегося исследованием политической жизни Вятского края, В.М. Кашиной, характеризующей общие особенности социально-экономического развития региона 1930-х гг. и др.[65]

Историографический фундамент исследования также составляют работы С.А. Куковякина, З.В. Галлямовой, Т.В. Кулябиной, совместная публикация И.В. Беляева, В.В. Жуйкова. В этих научных трудах рассматриваются такие вопросы, как практика реализации классового подхода в медицинском обслуживании рабочего населения региона в 1930-е гг., описываются качественные достижения в медицине и благоустройстве жилищного фонда[66].

Заметное место в региональной историографии занимают работы С.Д. Большакова[67], проанализировавшего весь спектр социально-экономических проблем этого периода на примере города Котельнича.

---

[64] The Economic Transformation of the Soviet Union (1913–1945**)**. Cambridge, 1994.

[65] Загвоздкин Г.Г. Под знаком серпа и молота // Энциклопедия Земли Вятской. Т. 4: История. Киров, 1995; Загвоздкин Г.Г. Триумф и трагедия 30-х годов // Энциклопедия Земли Вятской. Т. 4: История. Киров, 1995; Бакулин В.И. Листая истории страницы. Вятский край и вся России в XX веке: сб. научных статей. Киров, 2006; Кашина В.М. Индустриализация в Кировском крае (области): замыслы и итоги // Энциклопедия Земли Вятской. Т. 10. Ч. 2: Промышленность. Киров, 2008; Кашина В.М. Вятский край в 1920–1930-е гг. XX века: противоречивость развития // Вятский край с древности до наших дней: историческая литература. Киров, 2006; Вятский край в 1920–1930-е годы: учебно-метод. пособие / Сост. В.М. Кашина. Киров, 2006; Кашина В.М. Октябрьская революция и становление советского общества (1917–1938 гг.) // История России в контексте мировой истории. Киров, 1999; Поздеев П.В. Фабрично-заводская печать как источник по истории промышленности в 20–30-е годы XX века // Герценка: Вятские записки. Вып. 3. Киров, 2002.

[66] Куковякин С. А., Агалаков В. И. Очерки истории Кировской областной клинической больницы. 1802–2002 гг. Киров, 2002; Галлямова З. В. Здравоохранение г. Кирова в 20–30 гг. XX века // Бехтеревские чтения в Елабуге. Материалы международной научной конференции. Елабуга, 2008; Кулябина Т. В. Энергетике Вятки 100 лет. Киров, 2004; Беляев И. В., Жуйков В. В. Вятский водопровод. 100 лет Вятскому водопроводу. 1900–2000 гг. Киров, 2000.

[67] Большаков С.Д. В буднях великих строек. Котельнич, 2004; Большаков С.Д. История города Котельнича. Котельнич, 2006.

Вопросы культурного развития населения Вятского края нашли отражение в работах историков В.Б. Помелова, Г.Т. Фокина, В.Л. Дерюгина[68].

Косвенно рассматриваемая проблематика затрагивается в диссертациях П.Н. Шарабарова, И.А. Климашина, Н.В. Саковича, С.А. Житковой[69]. К примеру, П.Н. Шарабаров в своей работе довольно подробно описывает основные типы реакции рабочего класса Вятского региона на продовольственные затруднения и введение карточек.

Среди исследователей последнего десятилетия, изучающих проблемы рабочего класса периода индустриализации в сопредельных с Кировской областью регионах, стоит отметить Л.Н. Бехтереву, В.Г. Вострикова, Т.В. Серебрянскую, Б.Л. Алексеева, О.А. Каштанова, М.А. Фельдмана, С.П. Постникова[70]. Эти работы позволяют более глубоко осмыслить положение промышленных рабочих Вятской губернии / Кировской области, сопоставить его с положением рабочих в соседних регионах в тот период. Исследования указанных авторов свидетельствуют о том, что рабочие промышленности многих соседних регионов в 1920−1930-е гг. испытывали на себе влияние тех же социально-экономических проблем, что и рабочие Вятской губернии / Кировской области, хотя степень их остроты была различной.

---

[68] Помелов В.Б. Народное образование в 1917–1999 гг. // Энциклопедия Земли Вятской. Т. 9: Культура и искусство. Киров, 1999; Фокин Г.Т. В эфире и на экранах город Киров и область // Энциклопедия земли Вятской. Т. 9: Культура и искусство. Киров, 1999; Дерюгин В.Л. Библиотечная сеть в XX столетии // Герценка: Вятские записки. Вып. 2. Киров, 2001.

[69] Шарабаров П.Н. «Правый уклон» в социально-политической жизни Вятского региона в 1928–1933 гг.: дисс. …канд. ист. наук. Ижевск, 2010; Климашин И.А. Ликвидация неграмотности на территории Мордовского края в 20-е–60-е гг. XX века: дисс. ...канд. ист. наук. Саранск, 2011; Сакович Н. В. Деятельность органов власти по развитию системы здравоохранения Горьковской области накануне и в годы Великой Отечественной войны: дисс. … канд. ист. наук. Н. Новгород, 2006; Житкова С.А. Государственная политика в сфере народного образования и ее реализация в Российской Федерации в 1928–1941 гг. (На материалах Нижнего Поволжья): дисс. …канд. ист. наук. Астрахань. 2007.

[70] Алексеев Б.Л. Профессиональные союзы в решении социальных вопросов трудящихся в 1920–1998 гг.: На материалах республик Волго-Вятского региона: дисс. ...д-ра ист. наук. Чебоксары, 2004; Каштанов О.А. Промышленность и рабочий класс Мордовии в период осуществления политики индустриализации страны, 1926−1941 гг.: дисс. ...канд. ист. наук. Саранск, 1996; Серебрянская Г.В. Промышленность Волго-Вятского региона Российской Федерации в конце 30-х–первой половине 40-х годов: дисс. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 1998; Бехтерева Л.Н. Рабочие оборонной промышленности Удмуртии в 1920-е годы: Количественные и качественные характеристики: дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1998; Востриков В.Г. Промышленность и рабочие Марийской АССР (1921−июнь 1941 гг.): дисс. ...канд. ист. наук. М., 1998; Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.) Екатеринбург, 2006.

Особо стоит выделить работы Л.Н. Бехтеревой, автор много и плодотворно занимается изучением истории рабочего класса Удмуртии периода НЭПа, последние её статьи посвящены проблемам периода 1920–1930-х гг.[71] Историки М.А. Фельдман и С.П. Постников активно исследуют жизнь уральских рабочих первой половины XX века, в их работах представлены данные и по Вятской губернии[72]. Удмуртский историк Н.А. Родионов рассматривает в своих публикациях отдельные сюжеты, созвучные теме диссертации. Он пишет о тяжелых бытовых условиях иностранных рабочих и специалистов на местных предприятиях промышленности, описывает привилегии стахановцев[73].

Таким образом, положительной чертой современного периода историографии стало обращение исследователей к новым проблемам, привлечение новых, ранее не доступных, источников. Появляются работы, основанные на различных подходах, социально-экономические вопросы становятся предметом исторических дискуссий.

Таким образом, к настоящему моменту историография обозначенной нами темы достигла значительных успехов. В масштабах страны достаточно глубоко и подробно, с точки зрения современных подходов изучены все основные аспекты социально-экономического положения рабочего класса. Кроме того, никто до сих пор не пытался проанализировать основные показатели уровня материальной и духовной жизни рабочего промышленности в совокупности, как результат

---

[71] Бехтерева Л.Н. Этническая среда в индустриальном пространстве: исторический опыт формирования (1920–1930-е гг.) // Уральские Бирюковские чтения: Сб. науч. и научно-популярных статей. Вып. 5. Историко-культурное наследие российских городов и регионов. Ч. 1. Челябинск, 2008; Бехтерева Л.Н. Удмурты в городском пространстве: формирование производственной культуры (1920–1930-е гг.) // Этнос. Общество. Цивилизация: Кузеевские чтения. М-лы межд. научно-практической конференции. Уфа, 2006; Бехтерева Л.Н. Проблемы подготовки национальных рабочих кадров в промышленности Удмуртии в 1920–1930-е гг. // Национальная школа: прошлое, настоящее, будущее: М-лы научно-практической конференции. Ижевск, 2003.

[72] Фельдман М.А. Рабочие черной металлургии Урала в 1913–1940 гг.: динамика численности и социальная структура // http://www.ihist.uran.ru/uiv/n9/209.html#ref1; Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.). Екатеринбург, 2006.

[73] Родионов Н.А. Стахановское движение в промышленности и на транспорте Удмуртии (1935–июнь 1941 г.) // Вопросы истории развития промышленности Удмуртии. Устинов, 1986; Родионов Н.А. Иностранные рабочие и специалисты в Удмуртии // Зарубежные связи Удмуртии. Ижевск, 1999.

целенаправленной деятельности органов власти в 1928−1937 гг. Региональная историография проблемы представлена, в основном, небольшими работами, которые лишь косвенно затрагивают заявленную тему. Наиболее изучена культурная жизнь региона в 1928−1937 гг. и вопросы медико-санитарного обслуживания населения.

Основываясь на анализе научной литературы можно сформулировать цель и задачи проводимого диссертационного исследования.

Цель данной работы – проследить эволюцию материально-бытовых и духовно-культурных условий жизни рабочего Вятской губернии / Кировской области за период 1928–1937 гг.; а также выяснить степень эффективности комплекса мероприятий, проводимых центральной и местной властью в этой сфере общественного бытия.

В связи с этим основными **задачами работы** будут следующие:

1. Проанализировать степень доступности для рабочих Вятской губернии / Кировской области основных товаров потребления за годы действия карточной системы, выяснить какие мероприятия осуществлялись органами местной власти для улучшения продовольственного снабжения и повышения их покупательной способности в 1928–1937 гг., рассмотреть влияние уровня материального положения на политические настроения рабочих.
2. Изучить деятельность местных органов управления по решению жилищной проблемы промышленных рабочих региона и усовершенствованию системы медицинского обслуживания населения, оценить результативность этой деятельности.
3. Исследовать изменение возможностей рабочих в сфере культуры и образования, проанализировать основные мероприятия региональных органов власти в этой области.

Источниковую базу исследования составили различные виды опубликованных и неопубликованных исторических источников:

архивные материалы, законодательные акты, делопроизводственная документация, статистика, периодическая печать, документы личного происхождения.

Основной массив неопубликованных данных представлен в кандидатской диссертации материалами пяти архивов.

В работе использованы материалы двух центральных государственных архивов: документы фонда Всесоюзного Центрального совета профессиональных союзов (Ф. Р-5451) Государственного архива Российской Федерации (***ГАРФ***), а также материалы фондов Строительного комитета ВСНХ РСФСР (Ф. Р-5751) и Центрального статистического управления при Совете Министров СССР (Ф. Р-1562) Российского государственного архива экономики (***РГАЭ***).

Важным источником для проведенного исследования стали материалы 27 фондов Государственного архива Кировской области (***ГАКО***), 7 фондов Государственного архива социально-политической истории Кировской области (***ГАСПИ КО***) и 2 фондов Центрального архива Нижегородской области (***ЦАНО***).

Несомненную важность для диссертационной работы представляют фонды Вятского губернского исполнительного комитета (Ф. Р-875) и Вятского окружного исполнительного комитета (Ф. Р-877), Котельнического окружного исполнительного комитета (Ф. Р-1257), Кировского краевого исполнительного комитета (Ф. Р-2168), Кировского областного исполнительного комитета (Ф. Р-2169) Государственного архива Кировской области и другие, содержащие ценную информацию о социально-экономической ситуации в Вятской губернии / Кировской области в 1928–1937 гг. Особый интерес представляют протоколы заседаний съездов, пленумов Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, сводки ОГПУ, переписка между

центральными и местными органами власти, документы делопроизводства.

Широкий круг документов, относящийся к партийной документации (докладные записки, отчеты, справки, письма и прочее) содержится в фондах Вятского губернского комитета ВКП(б) (Ф. П-1), Вятского окружного комитета партии (Ф. П-1), Кировского областного комитета КПСС (Ф. П-1290) Государственного архива социально-политической истории Кировской области (***ГАСПИ КО***).

Весьма ценную информацию по рассматриваемой теме содержат фонды Центрального архива Нижегородской области (***ЦАНО***), в частности фонд Горьковского краевого Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительного комитета (Ф. Р-2626) и Горьковской краевой конторы Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами в СССР «Торгсин» (Ф. Р-910).

Важным историческим источником по периоду являются ***законодательные акты***, которые представляют собой правовые нормативные документы, исходившие от верховной государственной власти, а также нормативные акты местных органов управления.

В работе дается анализ постановлений, распоряжений, приказов, циркуляров ЦК ВКП(б) и СНК СССР, постановлений Вятского губернского исполнительного комитета, Вятского городского Совета, Котельнического городского Совета, Вятского, Котельнического, Нолинского окружных исполнительных комитетов Советов, Горьковского краевого исполнительного комитета, Кировского исполкома областного Совета и пр. Часть нормативных документов, используемых в диссертационной работе, опубликована в различных сборниках нормативно-правовых актов[74], часть – в центральной и местной

[74] Например: Государственное социальное страхование. Сборник официальных материалов. М., 1954; Постановления КПСС и Советского правительства об охране здоровья народа. М., 1958; Хрестоматия по истории Кировской области. Киров, 1982.

периодической печати[75]. Некоторые законодательные документы, приводимые в работе, найдены с использованием справочно-правовой системы «Консультант Плюс»[76]. Издание центральной или местной властью соответствующего постановления в 1920−1930-е гг. не гарантировало его точного и обязательного исполнения. Довольно часто законодательные акты не выполнялись или выполнялись в искаженном виде. Достоверность представляемых в исследовании материалов обеспечивается их сопоставлением с другими видами источников.

Делопроизводственные материалы − текущая документация, издававшаяся различными государственными, судебными, экономическими, политическими и общественными организациями (учреждениями) с целью управления, собственной и общественной деятельностью – также является чрезвычайно информативным источником по изучаемому периоду. Те данные, которые приводились местными органами власти в отчетах, резолюциях, докладах, доступных для всеобщего ознакомления в местной и центральной периодической печати и широко использовались в целях пропаганды достижений советской власти, потребовали от автора диссертационного исследования особенно критического подхода, поскольку они не всегда соответствовали действительности. Решение исследовательских задач в работе преимущественно производится с опорой на неопубликованные делопроизводственные документы, предназначавшиеся для внутреннего пользования, часто с пометкой «секретно».

Часть подобного рода материалов публиковалась соответствующими ведомствами в виде статей в местной и центральной печати, либо в виде отдельных брошюр, или сборников документов. Ярким примером может служить сборник «История индустриализации Нижегородского-

[75] Например: Собрание Законов и Распоряжений рабоче-крестьянского правительства; Известия ВЦИК, СНК; ж-л «Советское строительство»; Вятская (Кировская) Правда и др.
[76] Консультант Плюс. Законодательство. Документы СССР [Электронный ресурс] / АО «Консультант Плюс». М., 2011.

Горьковского края (1926–1941 гг.)», изданный в 1968 г., который содержит весьма ценный материал по социально-экономической истории региона периода 1920–1930-х гг. XX в. Сборник состоит из 150 документов того времени: это постановления партийных, государственных, профсоюзных, хозяйственных органов, сводки, доклады, отчеты, несколько публикаций в периодической печати. Из 96 документов к Кировской области напрямую относится 15, некоторые данные по нашему краю можно найти и в общих сводках[77].

Публикации в ***центральной и местной периодической печати*** конца 1920-х–1930-х гг. – важный исторический источник по периоду, отражавший все наиболее заметные события в жизни страны и Вятского / Кировского региона.

Центральные издания. Для написания диссертации были привлечены такие центральные газеты как «Известия ЦИК, СНК» и «Правда», а также журнал «Советское строительство», в которых публиковались важнейшие постановления партии и правительства, сведения о событиях общесоюзного масштаба и значения.

Местная периодическая печать. В Вятской губернии / Кировской области в 1920–1930-е гг. информацию обо всех сферах жизни общества печатали такие издания, как газета «Вятская (Кировская) Правда» (важнейший источник региональных новостей изучаемого периода), котельническая газета «Ударник», нолинская газета «Новая деревня», краевая газета «Нижегородская (Горьковская) Коммуна», журналы «Вятско-Ветлужский край», «Вятское хозяйство», «Спутник Большевика», «Нижегородский (Горьковский) край», «Нижегородское (Горьковское) хозяйство», «Нижегородский ударник» и др.

Специальные журналы и газеты. К ним относятся центральные и местные издания, в которых публиковалась информация по отдельным

[77] История индустриализации Нижегородского-Горьковского края. (1926–1941 гг.) Горький, 1968. С. 18.

вопросам социально-экономического развития страны и края. В работе использовались журналы «Вопросы страхования» и «Нижегородский (Горьковский) медицинский журнал», которые печатали информацию по проблемам здравоохранения, «Жилищная кооперация», специализировавшийся на жилищной политике государства, «Советская торговля», «Нижегородский (Горьковский) просвещенец» и др.

Важным источником по проблеме являются ***данные статистики***, взятые из различных источников, в том числе из секретных докладов и отчетов органов ОГПУ.

До 1929 г. в Вятке выходил журнал – «Статистический бюллетень» – издание Вятского губстатотдела, в нем публиковались статистические сведения о ценах на рынке и в магазинах, статистические исследования, касающиеся бюджетов, доходов и источников поступлений доходов рабочих фабрично-заводской промышленности города Вятки[78]. Однако в 1929 г. издание бюллетеня прекратилось.

В работе использованы такие виды статистики, как переписи населения[79], бюджетные обследования фабрично-заводских рабочих города Вятки за 1929−1930 гг., статистические сведения, содержащиеся в отчетности предприятий и учреждений. Часть статистического материала приводится из опубликованных сборников[80]. Автор при работе столкнулся с проблемой несовпадения одних и тех же статистических данных, полученных из разных источников. В спорных случаях предпочтение отдавалось материалам архивного происхождения, так как они представляются наиболее достоверными.

---

[78] Бердников В. Бюджеты семейных рабочих и служащих города Вятки за 1926–1927 годы // Статистический бюллетень. 1928. № 4; Городские базарные цены на 1 октября 1928 // Статистический бюллетень. 1928. № 11−12.

[79] Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека молчания (Всесоюзная перепись 1937 г.) // Социологические исследования. 1990. № 6; Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись 1937 года. М., 1996; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1992.

[80] Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный статистический сборник. М., 1977; Народное хозяйство СССР 1922–1982 гг. Юбилейный статистический сборник. М., 1982; Народное хозяйство Кировской области. Статистический сборник. Киров, 1957; Кировский край. М., 1936; 200 лет Вятской губернии. 60 лет Кировской области. Статистический сборник. Киров, 1996.

В работе используются ***источники личного характера***, такие как рукопись главного врача кировской железнодорожной больницы С.К. Бармина по истории здравоохранения Вятского края[81] и рукопись врача С.П. Полтавского, пребывавшего в Кировской области в эвакуации до 1951 г.[82], хранящиеся в краеведческом отделе Кировской библиотеки имени Герцена. Использованы также опубликованные тексты писем, жалоб рядовых советских граждан, содержание которых в основном отражает проявления недовольства рабочими политикой государства[83].

Методология и методика исследования. В работе над конкретным историческим материалом использованы элементы формационного подхода, необходимость учета которых диктуется тем обстоятельством, что в основу практической деятельности руководства как страны в целом, так и Вятского (Кировского) региона были положены вполне конкретные идеологические установки. В контексте рассматриваемой проблемы наиболее существенна классовая приоритетность удовлетворения ряда социальных запросов и потребностей промышленных рабочих. Классовый характер социальной политики правящей партии придавал и своеобразный оттенок и модернизационным процессам не только в области качественного изменения индустриального базиса государства и общества (что выходит за рамки данного исследования), но и рассматриваемых в диссертации образовательно-культурных преобразований. Кроме того, в характеристике реакции рабочих местной промышленности на проводимую центральной и местной властью продовольственную политику затрагиваются определенные цивилизационно-культурные особенности их ментальности.

---

[81] Бармин С.К. История здравоохранения Вятской губернии. Рукописи и документы. Киров, 1967. // Архив краеведческого отдела Кировской ордена Почета государственной универсальной областной научной библиотеки им. А. И. Герцена.

[82] Полтавский С.П. От векового знахарства к передовому советскому здравоохранению. Очерки и материалы по истории здравоохранения Кировской области за годы советской власти. Машинопись. Киров, 1950. // Архив краеведческого отдела Кировской ордена Почета государственной универсальной областной научной библиотеки им. А. И. Герцена.

[83] Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1998; Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах. М., 1998.

Исследование основывается на исходных принципах исторической науки: объективности, историзма, системности, ведущим из которых стал принцип историзма, предполагающий изучение процессов в контексте определенной эпохи, а события в динамике их развития. Реализация принципа объективности обеспечивается анализом комплекса взаимодополняющих типов исторических источников и отсутствием идеологической заданности положений и выводов исследования, а принципа системности – комплексным освещением набора различных аспектов реализуемой местными властями социальной политики.

Для решения исследовательских задач и для достижения заявленной в диссертации цели, помимо общенаучных методов (анализ, синтез, описание, сравнение, дедукция, индукция, системный анализ), в работе использовались специально-исторические и социологические методы. В основу изложения материала положено сочетание проблемного и хронологического методов, которые позволяют показать динамику решения основных социально-экономических проблем рабочего класса. Историко-сравнительный метод помог выявить изменения социально-экономического положения рабочего вятской / кировской промышленности на протяжении периода первых пятилеток, осуществить определенное сопоставление с ситуацией в других регионах Советского Союза. Системно-структурный метод нашел применение при выяснении внутренних связей и зависимостей между элементами социально-экономической политики центральной и местной властей, а также – между различными субъектами регионального управления. Нашли своё применение и статистические приёмы исследования – при составлении таблиц, при других подсчётах имеющихся статистических данных, на основе которых выявлялись те или иные количественные и качественные стороны социально-экономического положения рабочих промышленности.

Научная новизна заключается в создании первого комплексного исследования по социально-экономической ситуации в Вятской губернии / Кировской области периода 1928–1937 гг. в диссертационном объеме на основе документального материала, большая часть которого вводится в научный оборот впервые. Проблемы социально-экономического развития региона, которые были изучены в работе, ранее практически не рассматривались. Диссертант опирается на неопубликованные данные статистики, делопроизводственные материалы и другие виды источников, которые используются в широком объеме и дополняют друг друга. Впервые в работе такого уровня выявлены основные тенденции социально-экономической деятельности местных органов власти периода 1928−1937 гг., при этом все мероприятия рассматриваются в контексте общегосударственной политики. В исследовании определена роль различных структур местного управления в решении наиболее острых вопросов, а также их взаимоотношения в этой связи.

Научно-практическая значимость работы. Для исторической науки научно-практическая значимость работы состоит в возможности применения материалов диссертации при написании обобщающих работ по социально-экономической политике государства в период с 1928 по 1937 гг., изучении общего хода социально-экономических процессов в Кировской области, а также при создании спецкурсов по краеведению. Исследование помогает более глубоко осмыслить происходившие в тот период процессы, вносит свой вклад в реконструкцию достоверной картины исторических событий в стране и регионе в 1928−1937 гг., дополняет и уточняет уже известные исторические факты новыми данными, позволяет увидеть основные тенденции общегосударственной политики на уровне непосредственного исполнения в регионе с ярко

выраженными проблемами в социально-экономической сфере, каким была Вятская губерния / Кировская область в этот период.

Для образовательного процесса всех уровней исследование также представляет ценность. Работа обладает большой степенью информативности. Описанные в работе исторические факты могут быть использованы в процессе обучения гуманитарным дисциплинам в учебных заведениях всех уровней для обогащения багажа знаний учащихся, могут стать основой для формирования устойчивого интереса к изучению истории Кировской области и стимула к самостоятельному её исследованию.

Для государственной политики, поднятые в исследовании проблемы, также могут быть весьма полезны. Описанный в диссертации опыт решения социальных проблем может быть учтен в современной ситуации для более эффективной реализации государственных и региональных программ социально-экономического развития России.

Для участников трудовых отношений в России кандидатское исследование дает возможность сравнить степень развития материально-бытовой сферы в период первой и второй пятилеток с её положением в настоящий период, оценить уровень возможностей для интеллектуально-культурного развития в разные эпохи и тем самым осмыслить собственный статус в современном обществе.

Научная обоснованность и достоверность результатов обеспечивается тем, что они получены на основе анализа широкого круга источников и научной литературы. Выводы научно аргументированы, логически вытекают из изложенного материала.

Положения, выносимые на защиту:

1). Материально-бытовое положение и культурные возможности рабочих цензовой промышленности Вятской губернии / Кировской области в период 1928–1937 гг. в значительной степени определялись

уровнем развития социально-экономической сферы региона, которая испытывала на себе в тот момент воздействия ряда кризисных явлений.

2). Спровоцированная продовольственным кризисом карточная система распределения товаров, действовавшая на территории региона в 1928−1935 гг. привела к снижению покупательной способности рабочего населения. Падение уровня потребления рабочих в этот период привело к проявлению недовольства советской властью в их среде в различных формах.

3). Мероприятия местных органов власти, направленные на решение проблем жилищно-бытовой сферы, оказались в этот период недостаточными для преодоления кризиса в этой сфере. В итоге жилищные условия рабочих только усугубились. Отрицательный результат, главным образом, был обусловлен скудностью материальных и финансовых ресурсов, которыми располагал регион.

4). Более успешной оказалась деятельность органов местной власти в области медицинского обслуживания и культурного строительства. Качественный и количественный рост лечебных заведений и культурно-образовательных учреждений в городах Вятской губернии / Кировской области сделали их более доступными для рабочего населения, что несколько смягчало отрицательный эффект, производимый неудовлетворительной продовольственной и жилищной политикой.

Апробация результатов исследования. Полученные результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета, а также постоянно работавшем при кафедре методологическом семинаре профессора В.И. Бакулина. Основные положения диссертации были изложены автором на областных (Киров, 2009, 2010, 2011 гг.), всероссийской (Красноярск, 2010 г.), международной (Москва, 2009 г.) научных конференциях и в 7 публикациях. Диссертация была рассмотрена

на заседании кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета и рекомендована к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Структура работы. Предмет, цели и задачи исследования определили структуру диссертации. Она состоит из введения, трех глав, включающих семь параграфов, заключения, приложений, списка использованных источников и литературы.

Глава I. Материальное положение рабочих в период с 1928 по 1937 гг.

1.1 Доступность основных товаров потребления для рабочих Вятской губернии / Кировской области в годы действия карточной системы 1929–1935 гг.

Осуществляя социальную политику, государство берет на себя обязательство предоставлять всем слоям населения возможность для поддержания их благосостояния, по крайней мере, на минимальном уровне. Схематически удовлетворение большинства материальных потребностей определяется, прежде всего, наличием двух элементов. Один из них – финансовые источники приобретения населением материальных, духовных благ и услуг. Речь идет о денежном доходе (поступлениях). Другой – производство таких благ и услуг, более или менее, адекватное спросу.

В годы первой пятилетки система снабжения городов СССР товарами широкого потребления стала давать сбои, что обуславливалось целым рядом причин. Товарный голод был характерен и для всего предшествующего десятилетия, однако установка на форсирование индустриализации и кризис хлебозаготовок 1927/28 г. еще более усугубили положение на внутреннем рынке продовольствия – дефицитом становятся даже хлеб и хлебопродукты.

Хлеб всегда являлся основным продуктом питания в России, и в конце 1920-х гг. XX в. его расходы у государства резко возросли. Города вступили в период индустриального бума, быстро увеличивалась численность городского населения. Последнему, особенно занятому в промышленном производстве, необходимо было гарантировать снабжение дешевыми продуктами[84].

[84] Дерябин А.А. Некоторые эпизоды из истории советского ценообразования // Экономическая история России XIX−XX вв.: современный взгляд. М., 2001. С. 331.

Между тем, начиная с 1927 г., хлебозаготовки шли не так быстро, как это было необходимо. Первый поток хлеба в государственные и кооперативные заготовительные пункты в конце лета – начале осени 1927 г., поступавший от остро нуждавшихся в деньгах бедняков и маломощного середнячества, быстро иссяк. Крепкое середнячество и зажиточные крестьяне, выплатив денежный налог государству за счет продажи продуктов животноводства и технических культур, либо придерживали хлеб, либо продавали его частнику, который давал хорошую цену. С октября 1927 г. темпы хлебозаготовок в стране угрожающе снизились[85].

Вятская губерния в рассматриваемый период, мягко говоря, не была передовой по части хлебозаготовительного процесса. Дело было даже не в том, что крестьяне не желали сдавать государству хлеб по заниженным (по сравнению с рынком) закупочным ценам. Основная причина, нередко вынуждавшая крестьян наотрез отказываться от сотрудничества с кооперацией и государственными заготовительным конторами, состояла в том, что к февралю товарного хлеба ни у бедняков, ни у середняков, за редким исключением, уже не оставалось[86].

По сведениям ОГПУ, с конца октября 1927 г. в связи с плохим ходом заготовок продовольственная ситуация в промышленных районах страны заметно ухудшилась. Перебои с хлебом в городских магазинах приводили к повышению цен на рынке[87]. Удорожание зерна, которое кормило не только людей, но и служило кормом для скота, вызывало рост цен на продукты животноводства. Началась цепная реакция всеобщего

[85] Осокина Е.А. В тисках социалистической торговли // Россия НЭПовская. Исследования. М., 2002. С. 403.

[86] Бакулин В.И. Хлебный вопрос в Вятской губернии в 1926─1928 гг. // Листая истории страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке. Киров, 2006. С. 149.

[87] Исаев В.И. Быт рабочих Сибири.1926–1937 гг. Новосибирск, 1988. С. 36−37.

повышения цен, и 1927/28 хозяйственный год стал первым годом их резкого скачка[88].

В Вятской губернии кризис хлебозаготовок усугублялся еще и тем обстоятельством, что часть товарного хлеба через перекупщиков уходила в соседние Нижегородскую, Казанскую губернии и Мари-область[89].

Создавшееся положение в сфере продовольствия в городах грозило сорвать проводимую политику индустриализации, а также существенно подорвать авторитет власти, которая не могла обеспечить продуктами в полной мере даже промышленных рабочих, считавшихся её опорой.

В этих обстоятельствах введение карточной системы распределения продовольствия в городах для рабочих стало чуть ли не единственной альтернативой голоду и гарантией получения хотя бы минимума необходимых продовольственных товаров.

Подготовка введения нормированного снабжения в масштабах страны велась тремя ведомствами одновременно: Наркомторгом, Центросоюзом и Госпланом. Решено было сначала ввести карточки только на хлеб. 14 февраля 1929 г. Политбюро утвердило проект постановления, внесенный Наркомторгом, согласно которому по всей потребляющей полосе РСФСР, Закавказья, Белоруссии и Украины хлеб населению должен был отпускаться по специальным заборным книжкам[90].

15 февраля 1929 г. на заседании СНК РСФСР было одобрено постановление «О снабжении населения хлебопродуктами», которое санкционировало введение карточной системы на территории РСФСР. Данный документ был разослан в регионы для непосредственного исполнения. В нем устанавливались предельные размеры отпуска печеного хлеба в городах РСФСР и основные принципы реализации хлебных карточек[91].

---

[88] Осокина Е.А. В тисках социалистической торговли. С. 403.
[89] Бакулин В.И. Хлебный вопрос в Вятской губернии в 1926–1928 гг. С. 147−148.
[90] Там же. С. 66.
[91] ГАКО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 447. Л. 35−36.

Данный документ в первую очередь требовал от региональных органов власти при организации карточного распределения обеспечить преимущественное снабжение рабочих промышленности. Во всех остальных вопросах, касаемых введения карточек, местным Советам предоставлялась большая доля самостоятельности. Совнаркомы республик, краевые, областные и губернские исполкомы могли в установленных пределах изменять нормы, составлять списки снабжаемого населения и многое другое[92].

Согласно тексту постановления, хлебные карточки в городах местным органам власти рекомендовалось вводить не позднее 1 марта 1929 г. Однако его исполнение на местах затянулось. В Вятский губернский исполнительный комитет документ поступил только 5 марта 1929 г., о чем есть соответствующая отметка[93].

Введение карточек не стало неожиданным для руководства Вятской губернией. Вопрос введения нормированного снабжения, как один из вариантов решения продовольственной проблемы в пользу рабочего населения городов, уже давно активно обсуждался на заседаниях губкома ВКП(б) и в местных Советах – как минимум с декабря 1928 г.[94]

Работа местных органов власти по подготовке введения карточной системы была начата самостоятельно, но в дальнейшем корректировалась в соответствии с поступающими из центра директивами. Итогом деятельности стало постановление «О порядке снабжения населения хлебопродуктами», принятое 26 февраля 1929 г. на заседании бюро Вятского губкома ВКП(б). Данным документом устанавливалась выдача хлеба и муки в городе Вятке и прилегающих к нему рабочих поселках, а также в районах, которые обслуживались Яранским, Южно-Вятским и Котельническим потребительскими союзами, по специальным заборным

[92] Выписка из протокола № 22/а заседания СНК РСФСР от 15 февраля 1929 г. (Секретно) // ГАКО. Р-1. Оп. 1. Д. 447. Л. 36−37.
[93] Там же.
[94] ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 7. Д. 21. Л. 67, 144.

книжкам. Непосредственное исполнение документа в городах поручалось городским Советам[95].

Новая система снабжения населения хлебом в городах Вятской губернии вводилась разновременно на основании соответствующих нормативных актов городских Советов, которые по содержанию не должны были противоречить текстам постановления СНК от 15 февраля и Вятского губкома ВКП(б) от 26 февраля 1929 г. В первую очередь заборные книжки на хлеб вводились в тех городах, рабочих поселках, где проживало большое количество рабочих цензовой промышленности, и существовала реальная проблема в обеспечении их продовольствием.

Руководство Вятским губкомом ВКП(б) также посчитало необходимым провести среди рабочих разъяснительные беседы о новом установленном порядке снабжения хлебом во избежание паники и массового недовольства. Эта работа была поручена партийному и профсоюзному активу на предприятиях[96].

В городе Вятке переход на карточную систему снабжения хлебом был запланирован городским Советом на 10 марта 1929 г. Информация об этом была опубликована в газете «Вятская правда» еще 1 марта 1929 г.[97] Цели и порядок введения хлебных карточек в Вятке были определены «Обязательным постановлением президиума Вятского горсовета о заборных книжках» от 28 февраля 1929 г. Население города отныне должно было получать хлеб и ряд других продуктов по определенной норме. С помощью книжек регулировалось их расходование путем учета важнейших категорий потребителей, установления норм отпуска хлеба. Выдачу заборных книжек рабочим и их семьям должна была осуществлять администрация предприятия[98].

---

[95] Выписка из протокола № 2 заседания Бюро Вятского Губкома ВКП(б) от 26 февраля 1929 г.// ГАКО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 444. Л. 201.
[96] Там же.
[97] Вятская правда. 1929. № 48. 1 марта. С. 1.
[98] Вятская правда. 1929. № 48. 1 марта. С. 1.

Реализация постановления Вятского городского Совета о введении карточек несколько затянулась по причине недостаточного количества напечатанных заборных документов и плохой организации процесса их выдачи населению со стороны Вятского ЦРК (центрального рабочего кооператива). Получать продукты по карточкам рабочее население города Вятки стало только с 14 марта 1929 г.[99]

Первые дни нормированного распределения в магазинах г. Вятки царила полная неразбериха. У рабочих, пайщиков кооперативов, на руках сохранялись еще старые заборные листки на продовольствие и промтовары, по которым они ранее получали товары. Теперь к этим документам добавилась еще заборная книжка на хлеб. Какой из документов после введения карточной системы важнее, первоначально не знал никто − ни покупатели, ни продавцы[100].

На протяжении 1929 г. в ходе реализации губернскими, а затем окружными властями директив Наркомторга, карточная система снабжения хлебом была распространена и на остальные города бывшей Вятской губернии. С апреля 1929 г. хлебные карточки были введены местным городским Советом в Котельниче[101]. В июле 1929 г. Яранский торготдел совместно с горсоветом переводит население города Яранска на нормированное снабжение[102].

В Вятской губернии введение карточной системы совпало с началом значительных территориальных преобразований. В декабре 1929 г. прошла административно-территориальная реформа, было ликвидировано деление страны на губернии, уезды и волости. Вместо них введены области, края, округа и районы[103]. Вятская губерния в составе трех

[99] Выписка из протокола № 5 заседания бюро Вятского губкома ВКП(б) // ГАКО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 444. Л. 204.
[100] Вятская правда. 1929. № 59. 15 марта. С. 3.
[101] ГАКО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 106. Л. 196.
[102] Там же. Л. 143.
[103] Административно-территориальное деление и органы власти Нижегородского края / Горьковской области 1929–1979 гг. Справочник. Горький, 1984. С. 7−8.

округов: Вятского (17 районов), Котельнического (13 районов) и Нолинского (11 районов) вошла в состав Нижегородского (с 1932 г. Горьковского) края[104].

Округ представлял собой (по своим размерам) среднее между губернией и уездом территориальное объединение, образованное на принципах экономического районирования[105]. В состав округов входили 9 городов бывшей Вятской губернии (Вятка, Котельнич, Омутнинск, Слободской, Яранск, Уржум, Малмыж, Нолинск, Халтурин), в которых проживала большая часть промышленного рабочего класса бывшей Вятской губернии. Кроме того часть цензовых промышленных предприятий располагалась на территории рабочих поселков (Белая Холуница, Зуевка, с. Советское, Санчурск и др.)

Наиболее развитой промышленностью обладали районы Вятского округа: Белохолуницкий, Слободской, Вятский, Омутнинский[106]. В составе населения городов на долю рабочих приходилось 12,7 тыс. человек, или 1,5% от всего населения Вятского округа[107] (все население округа оценивалось в 850 тыс. человек)[108]. В округе действовало 85 цензовых предприятий[109].

Самым крупным городом Вятского округа оставалась Вятка, где было сосредоточено большинство промышленных предприятий. Согласно «сплошной переписи» 1928 г. в городе Вятке действовало 30 предприятий цензовой промышленности, на которых трудилось 4143 рабочих, и 987 мелких промышленных заведений, где работало около 2007 человек[110].

---

[104] Постановление Президиума ВЦИК «Об образовании Нижегородской области» от 14 января 1929 г. // Известия ВЦИК, СНК. 1929. № 14. 17 января. С. 3.
[105] Ардашев Г.П. О построении окружной сетки на территории Вятской губернии // Вятско-Ветлужский край. 1928. № 10−11. С. 1.
[106] Карбовец Н. Характеристика районов Нижегородского края // Нижегородский край. 1929. № 1. С. 99−100.
[107] Хозяйство на местах. Вятский округ // Нижегородский край. 1929. № 1. С. 101.
[108] Протокол Вятского Окружного съезда Советов 19 июля 1929 г. // ГАКО. Ф. Р-877. Оп. 1 Д. 1. Л. 5.
[109] Хозяйство на местах. Вятский округ. С. 101; Самоделкин В.И. Цензовая промышленность Вятского округа. 1928/1929 гг. // Вятское хозяйство. 1930. № 1. С. 16.
[110] Лахман А.И. Основные занятия населения Вятки / Кирова // Энциклопедия Земли Вятской. Т. 1: Города. Киров, 1994. С. 79−80.

Районы Котельнического и Нолинского округов оставались на начало первой пятилетки преимущественно земледельческими[111]. В состав территорий Котельнического округа в 1929 г. входили два города (Котельнич и Яранск) и один поселок городского типа (с. Советское). Наиболее развитыми отраслями промышленности этого округа являлись: пищевкусовая, мельничная, строительных материалов, кожевенная, металлургическая промышленность[112]. По данным на 1 октября 1928 г. на территории Котельнического округа имелось 61 предприятие. Во всей цензовой промышленности округа было занято рабочих 1159 человек[113].

Нолинский округ в промышленном отношении был наименее развит. Промышленное производство ведущей роли в экономике округа не имело. Цензовая трестовая промышленность была представлена тремя винокуренными заводами, бумажной фабрикой и спиртоводочным заводом. Предприятия местного значения, представленные Малмыжским и Уржумским промкомбинатами, включали в себя 20 мелких предприятий (125 рабочих) и 16 кооперативных промышленных предприятий (1255 рабочих)[114].

Административная реформа и введение нормированного снабжения создали необходимость изменения структуры управления органами торговли в центре и на местах. В каждом округе были созданы окружные отделы торговли, которые в свою очередь подчинялись краевому отделу[115]. В районах действовали аппараты районных уполномоченных[116]. Розничная продажа и распределение сельскохозяйственной продукции среди населения должна была производиться исключительно системой потребительской кооперации[117]. Обязанность по выдаче и учету заборных

[111] Карбовец Н. Характеристика районов Нижегородского края. С. 99−100.
[112] ГАКО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 45. Л. 105, 149.
[113] Промышленность Котельнического округа // Нижегородский край. № 1. 1929. С. 120−121.
[114] Постановления первого Нолинского окружного съезда советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (с 23 по 25 июля 1929 г.). Нолинск, 1929. С. 12−13.
[115] ГАКО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 45. Л. 11.
[116] ГАКО. Ф. Р-1257. Оп. 1. Д. 3. Л. 163.
[117] Соколов Н. Реорганизация органов Наркомторга // Нижегородский край. 1930. № 3. С. 20.

книжек для рабочих возлагалась на церабкоопы (ЦРК или центральные рабочие кооперативы)[118].

В первый год введения карточной системы снабжения хлебом единообразной классификации населения, принятого на централизованное снабжение, в стране еще не существовало. В постановлении от 15 февраля выделялись две основных категории населения, подлежащие снабжению продуктами: 1) рабочие фабрично-заводских предприятий; 2) служащие, семьи рабочих и служащих, служащие в сельских местностях (учителя, медперсонал, агрономы и другие), пенсионеры, безработные и прочие. Карточки выдавались через потребкооперацию и преимущества предоставлялись рабочим и пайщикам кооперации. Каждая область имела свою форму и порядок выдачи карточек[119]. Документом устанавливались также предельные (максимальные) нормы отпуска хлеба по заборным книжкам. В Ленинграде и Москве для рабочих и служащих фабрично-заводских предприятий устанавливалась норма в 900 г хлеба в день. Для членов семей рабочих, служащих и их семей, безработных и прочего трудового населения – 500 г. В прочих городах и фабрично-заводских пунктах для рабочих и служащих фабрично-заводских предприятий – 600 г; для членов семей рабочих, служащих и их семей, безработных и пр. трудового населения – 300 г на едока в день[120].

В городе Вятке население в марте 1929 г. по решению горсовета было поделено на три группы по снабжению: 1) рабочие; 2) служащие и другие пайщики кооперативов; 3) не пайщики, но подлежащие снабжению хлебом жители. Если в семье было несколько пайщиков, но работал или служил только один, выдавалась одна заборная книжка. Если семья состояла из нескольких пайщиков, и все они работали, то заборная книжка

[118] Статистика нормированного снабжения // Советская торговля. 1930. № 26. С. 9.
[119] Осокина Е.А. СССР в конце 20-х– первой пол. 30-х гг. Торговля? – Распределение! С. 45−46.
[120] ГАКО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 447. Л. 36.

выдавалась только одному из них, но в ней указывались все остальные члены семьи.

В заборной книжке было несколько разграфленных на клеточки листов. При получении хлеба в соответствующей клеточке делалась запись. Кроме того, в каждой заборной книжке имелось три отрывных талона. На первом пайщик должен был указать, в каком магазине он желает получать хлеб. На втором был указан перечень продуктов, подлежащих выдаче, на третьем – перечень промтоваров. Если пайщик хотел поменять магазин, то получал открепительный талон обратно. Для сезонных рабочих были заведены особые книжки. Нормы отпуска хлеба в Вятке для рабочих были установлены на уровне, рекомендованном в правительственном постановлении от 15 февраля – 600 г хлеба в день[121].

Нужно отметить, что нормы были не такие большие. Даже в начале Великой Отечественной войны (1941 г.) хлебные нормы для рабочих в Кировской области были выше и доходили до 1200 г хлеба в день[122].

В апреле 1929 г. в Котельническом округе, в отличие от Вятки, по решению окружного исполнительного комитета все население было поделено на две основные категории снабжения: 1) городское фабрично-заводское население, а также работники закрытых учреждений органов народного образования и здравоохранения, которые подлежали централизованному снабжению; 2) неземледельческое население волостей, батраки и беднота, которые должны были снабжаться за счет ресурсов гарнцевого сбора[123].

Несмотря на некоторые различия в реализации карточек, принцип приоритетности рабочих промышленности в плане снабжения перед остальным населением, обозначенный директивами центральной власти, строго соблюдался во всех городах Вятского региона. Хотя изначально

[121] Вятская правда. 1929. № 45. 25 февраля. С. 2.
[122] Русских (Чернышева) Н.В. Социально-демографические процессы в Кировской области в годы Великой Отечественной войны: автореф. … канд. ист. наук. Ижевск. 2010. С. 19.
[123] ГАКО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 106. Л. 196, 143.

своих привилегий рабочие почти не ощущали. Так, к примеру, в пределах Котельнического округа в 1929 г. лишь меньшая часть городских жителей не была охвачена карточной системой распределения: из 10688 жителей города Котельнича по карточкам в 1929 г. обеспечивалось до 8,5 тыс. человек[124].

За местными исполкомами оставалось право самостоятельно устанавливать нормы отпуска хлеба для рабочих и остального населения, но затем установленные нормы не должны были меняться вплоть до нового урожая[125]. Нормы отпуска хлебопродуктов не подлежали публикации и проводились в жизнь через местные отделы торговли. Во всех районах, где вводились заборные книжки, действовали две шкалы цен на хлебопродукты. Цены на хлеб, продаваемый лицам, не имеющим заборных книжек, были вдвое выше цен на хлебопродукты, отпускаемых по карточкам[126]. Централизовано были установлены только хлебные карточки. Но в Вятке местный городской Совет пошел дальше, и нормированному распределению в марте 1929 г. подлежал уже не только хлеб, но и другие продукты и даже промтовары (это следует из текста постановления горсовета).

В Котельническом округе продовольственные нормы для населения летом 1929 г. были определены в следующем виде:

Таблица № 1.

Нормы снабжения населения Котельнического округа хлебом и крупой (дневные).

Объекты снабжения	Численность (чел.)	Хлеб (нормы) в кг на чел.	Крупа (нормы) в кг на чел.
Первая категория (рабочие)	3174	0,6	0,15
Вторая категория (неземледельческое население волостей)	14323	0,3	0,15
Сезонники (строители)	1049	0,8	0,15
Больницы	905	0,4	0,15

[124] Большаков С.Д. В буднях великих строек. Котельнич, 2004. С. 45.
[125] Там же.
[126] Там же. Л. 37.

Школьные завтраки	511	0,2	-*
Детдома	240	0,6	0,15
Школы крестьянской молодежи	390	0,4	0,15
Профкомы	206	0,4	-
Вузы	420	0,4	0,1
Дома заключенных	325	0,5	0,15
Общественные столовые	7790	0,2	0,05

-* снабжение по данной группе товаров не полагалось.

Источник: ГАКО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

Из представленных выше данных можно заметить, что нормированному отпуску в Котельническом округе в июле 1929 г. подлежал уже не только хлеб, но и крупа. Повышенные нормы полагались рабочим промышленности. На особом положении находились строители, которым полагалось по 800 г хлеба в день. Это было связано с жилищным кризисом в городах Котельниче и Яранске. Ввиду особой важности решения жилищной проблемы, высокие нормы были необходимы как стимул для привлечения рабочих в строительство.

Нормы снабжения, как и контингент снабжаемого населения городов бывшей Вятской губернии постоянно видоизменялись, причем это происходило иногда с периодичностью в два-три месяца. Так, например, уже в конце ноября 1929 г. городское население Котельнического округа заново было поделено на две категории – рабочих и прочее подлежащее снабжению население. Обе категории в свою очередь делились на пайщиков и непайщиков кооперации. Котельническим окружным отделом торговли были установлены новые нормы снабжения для этих категорий населения.

Таблица № 2.

Нормы снабжения ноябрь 1929 г. Котельнический округ.

Категории населения, подлежащие снабжению	Крупа в кг (месячная)	Чай в граммах (месячная)	Растительное масло в литрах (месячная)	Сахар в граммах (месячная)	Мануфактура в метрах (месячная)	Мясо (в граммах в сутки на чел.)
1 категория:						
пайщики	1	25	0,25	600	6	150
непайщики	1	-*	-	600	3	150
2 категория:						
пайщики	0,8	25	0,25	400	6	100
непайщики	0,8	-	-	400	3	100

-*снабжение по данной группе товаров не полагалось.

Источник: ГАКО. Ф. Р- 5. Оп. 1. Д. 4 . Л. 3.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что список товаров, на которые были установлены нормы отпуска в Котельническом округе, значительно расширился. По карточкам теперь отпускались чай, растительное масло, сахар, мясо и мануфактура (ткань). Преимущества в снабжении получили рабочие-пайщики кооперации, для них были установлены повышенные нормы снабжения сахаром и мясом.

Первый год существования карточек дал противоречивые результаты. С одной стороны, в крупных городах рост потребления хлеба приостановился. Первоначально, даже исчезли очереди перед булочными и кооперативами, сократилась спекуляция хлебом[127]. В донесениях ОГПУ отмечалось, что рабочие в массе приняли карточки спокойно и даже с удовлетворением: «Крестьяне перестанут таскать мешками хлеб из города»[128].

В протоколе заседания Президиума Вятского окрисполкома от 18 октября 1929 г. отмечалось, что «проведенная система заборных книжек, несмотря на значительную прослойку крестьянства на заводах и фабриках, встречена в большинстве одобряюще, и дала экономию, в частности, в

[127] Вопросы торговой практики // Советская торговля. 1929. № 12. С. 16.
[128] Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». С. 66.

Слободском городском Потребительском обществе в 13 вагонов хлеба»[129]. На пленарном заседании 25 мая 1929 г. Котельнического горсовета отмечалось, что переход на отпуск дефицитных товаров по заборным книжкам в начале введения таковых себя оправдал: были изжиты очереди, и население снабжалось бесперебойно[130].

С другой стороны, система распределения в таком виде равномерно охватила практически все население городов, распыляла средства и не позволяла тем самым достичь главной своей цели – обеспечить благоприятные условия для развития индустриальных центров и полноценного снабжения продуктами питания рабочего класса. Товарных ресурсов у государства для этого было все еще недостаточно. В результате в конце 1929 г. сложившееся положение в сфере снабжения рабочих продуктами питания в регионе по-прежнему оценивалось, как продовольственный кризис[131]. Ситуация требовала от власти дальнейших шагов.

1930-й стал годом, когда продовольственное снабжение стало всерьез беспокоить И.В. Сталина. Вопрос о рабочем снабжении часто ставился на повестку дня Политбюро. По словам самого Сталина, к концу 1930 г. снабжение рабочих являлось одним из самых «боевых вопросов», а Наркомторг – «самым сложным наркоматом». Осенью 1930 г. Сталин сам возглавил комиссию по рабочему снабжению вместо С.И. Сырцова, которым был недоволен[132].

22 ноября 1930 г. Народный комиссариат внешней и внутренней торговли был разделен на Народный комиссариат снабжения и Народный комиссариат внешней торговли[133], что как бы символизировало конец торговли периода нэпа и начало эры централизованного распределения.

---

[129] ГАКО. Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 162. Л. 10.
[130] Большаков С. Д. Указ. соч. С.45.
[131] К итогам первой окружной Партконференции // Спутник большевика. 1929. № 14. С. 1–2.
[132] Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». С. 71.
[133] Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители 1923–1991 гг. Историко-биографический справочник / Сост. В.И. Ивкин. М., 1999. С. 126.

Пытаясь обеспечить индустриальный авангард, Политбюро и местная власть снимали с централизованного снабжения все новые и новые группы потребителей. На заседании бюро Нижегородского крайкома ВКП(б) от 29 мая 1930 г. было принято решение о необходимости обязать партийное краевого управление торговлей, обкомы и окружкомы ВКП(б) установить «жесткое экономное расходование хлеба по всему краю, снять со снабжения потребителей, связанных с сельским хозяйством и имеющих свой хлеб». Эти меры были необходимы для обеспечения лучшего снабжения рабочих районов, так как установленные нормы там к тому времени уже систематически не выполнялись[134].

В результате исполнения данного распоряжения с 1 октября 1930 г. в городах Вятского округа права на получение карточек лишились многие жители: «лица, занятые кустарными и ремесленными промыслами; лица, занятые розничной торговлей и облагаемые налогом выше первого разряда; беспатентные торговцы; лица, содержащие тиры, купальни, карусели и прочие…; все лица, работающие по найму в частных торговых предприятиях; семьи лиц, прибывших из деревни, не работающих и имеющих земельный надел; лица, не имеющие определенного источника дохода, в том числе, если они лишены избирательных прав; владельцы и арендаторы домов, живущие исключительно на доходы от владения и аренды дома; лица, живущие на доходы от денежных капиталов; бывшие члены царской жандармерии, полиции; служители культов всех вероисповеданий и толков; находящиеся в больницах и домах заключения; лица, лишенные избирательных прав; административно высланные граждане, как органами ОГПУ, так и по решению суда»[135].

Изменения коснулись и порядка выдачи заборных документов. Выдача и обмен карточек рабочим с 1 октября 1930 г. осуществлялась уже через домоуправления, которые были уполномочены вести точный учет

[134] ГАСПИ КО. Ф. П-2. Оп. 1. Д.151. Л. 158.
[135] ГАКО. Ф. Р-2922. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.

заборных книжек, находящихся в пользовании жильцов дома. Они обязаны были изымать их в случаях выезда жильца на срок более месяца за пределы Вятки, в случае его смерти, или незаконного пользования книжкой лица, не имеющего на это право[136].

Учреждения и предприятия, имеющие постоянных и сезонных рабочих, обязывались при выдаче сезонникам заборных карточек проверять данные о прописке и требовать предъявления справки о сдаче заборных книжек с прежнего места работы, отбирать карточки при увольнении и давать об этом справки. На администрацию торговых предприятий города Вятки возлагалась ответственность за правильный отпуск товара рабочему населению[137].

Так, заборная книжка постепенно становилась для рабочего населения бывшей Вятской губернии первым по значимости документом, а для местных властей – инструментом контроля над ним.

Для упрощения системы выдачи продуктов по карточкам по решению президиума Нижегородского крайисполкома с 1 декабря 1930 г. все подлежащее снабжению население прикреплялось к магазинам. Переход от одного магазина к другому с этого момента был ограничен и допускался лишь в том случае, если прикрепленный менял свое место жительства, или прикрепление к данному магазину было явно ошибочно и затрудняло получение товаров потребителем[138].

Второй год действия карточной системы стал для рабочих бывшей Вятской губернии периодом очередей и дефицита. Карточная система хотя и давала им определенные преимущества в получении части продуктов, но часто давала сбои, и преимущества становились все более призрачными. Продукты, отпускаемые по карточкам, завозили в магазины нерегулярно. Информацию о появлении того или иного

[136] ГАКО. Ф. Р-2922. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.
[137] Там же. Л. 28.
[138] Вятская правда. 1930. № 277. 30 ноября. С. 3.

дефицитного товара в магазине даже стали печатать в газете. К примеру, в «Вятской правде» в номере за 4 января 1930 г. помещено следующее объявление: «С 6 января (1930 г.) из магазинов ЦРК № 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 22, 23 и т.д. будет производиться выдача муки за январь месяц. Цена муки – 19 копеек за кг»[139].

В отчете Вятского окружкома ВКП(б) уже в январе 1930 г. сложившееся в округе положение с наличием необходимых товарных фондов оценивалось как неудовлетворительное. В документе отмечалось, что «кооперация не сумела полностью охватить бюджет рабочего». Особенно сильные перебои происходили с мясом, с молочными продуктами и овощами, завоз которых «ни в коей мере не удовлетворял потребностей рабочих»[140]. В отчете Вятского окружного комитета ВКП(б) за март 1930 г. сообщалось: «Кооперация не снабжает рабочего потребителя продуктами питания в достаточной степени, только 40–50% питания дает кооперация, а остальное приходится покупать на частном рынке. Редко в магазинах ЦРК есть картофель, не говоря уже о других овощах»[141].

Продовольственные затруднения испытывали в 1930 г. на себе рабочие и других округов. Газета Нолинского Окружкома ВКП(б) – «Новая деревня» – в июне 1930 г. писала, что рабочие и служащие Аркульского затона регулярно снабжаются только хлебом. Снабжение их молоком, маслом, овощами, яйцами оценивалось, как неудовлетворительное[142].

Одной из причин недостаточного снабжения было отсутствие четкого планирования в деле снабжения населения продуктами и промтоварами в масштабах всей страны. Ни одна организация не располагала точным цифровым материалом о количестве различных категорий и групп

[139] Вятская правда. 1930. № 4. 4 января. С. 4.
[140] ГАСПИ КО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 151. Л. 153; ГАСПИ КО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 142. Л. 40.
[141] Вятская правда. 1930. № 64. 20 марта. С. 2.
[142] Новая деревня. 1930. № 46. 1 июня. С. 4.

снабжаемого населения – отсюда планирование с грубейшим приближением заявки, снабжение на «авось». Отсюда такие нелепости, как выдача в Москве заборных книжек первой категории на 600 тыс. человек при численности промышленного пролетариата в 250 тыс.[143]

Неудовлетворительное продовольственное снабжение рабочих Вятского региона было связано также с недобросовестной работой снабжающих округа организаций. Еще в 1929 г. в Вятском округе сложилась критическая ситуация со снабжением рабочих мясом и мясопродуктами. В связи с этим расход мяса был сокращен окружным исполнительным комитетом на 50% против установленных норм[144]. На заседании президиума Вятского городского Совета в январе 1930 г. даже было принято решение о том, чтобы ввести запрет на вывоз мяса за пределы округа и ограничить его закупку на местном рынке частными лицами[145].

Причины сложившегося положения указывались в письме Вятского окружного торгового отдела от апреля 1930 г., адресованного в Нижегородское Краевое управление. В нем руководство местного торготдела жаловалось на неудовлетворительную работу снабжающих округ организаций – «Нижмясоовощь» и «Крайживотноводсоюза». В документе сообщалось, что эти организации всячески завышали в своих отчетах объемы поставляемого в Вятский округ мяса. Так, с ноября 1929 г. по апрель 1930 г., согласно их данным, представленным в Крайисполком, в округ было поставлено 3005 т мяса, хотя фактически округ получил только 1952 т. Также в ходе заготовок мяса в районах Вятского округа представители этих организаций старались, как можно больше вывезти за

[143] Соколов Н. Снабжение рабочего населения // Нижегородский край. 1930. № 4. С. 72.
[144] Телеграмма в Нижкрайисполком Пахомову от председателя Вятского Окрисполкома Колпакова (11 января 1929 г.) // ГАКО. Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 150. Л. 10.
[145] Доклад заведующего Окрторготделом Вятского Окружного исполнительного комитета Шалаева на заседании президиума Вятского городского совета XIV-ого состава 17 января 1930 г. // ГАКО. Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 150. Л. 17-а.

его пределы в Нижний Новгород, не оставляя практически ничего для организации рабочего снабжения на местах.

По документам получалось, что годовой план по снабжению Вятского округа мясом «Нижмясовощь» и Крайживотноводсоюз» выполнили. На совещании краевого управления торговлей в апреле 1930 г., представителями этих организаций было официально заявлено, что «Вятский округ израсходовал всю годовую плановую потребность в мясе (3500 т), вследствие чего дальнейший отпуск мясопродуктов туда они прекращают совершенно». За подобное «безучетное расходование мясопродуктов» заведующего Вятским окружным торготделом Уткина чуть было не привлекли к уголовной ответственности. Но последним был заявлен протест и представлены доказательства того, что к кризисной ситуации с мясом в округе привела как раз недобросовестность краевых снабжающих структур[146].

Для обеспечения рабочего снабжения местные власти иногда вынуждены были идти на крайние меры. В документах описан случай, когда в апреле 1930 г. по приказу Вятского окружного торготдела самовольно был задержан груз с 7 т мяса, следовавший из Нолинска в Нижний Новгород. Причиной подобных действий стало то, что на складах Вятского ЦРК и ТПО (транспортное потребительское общество) на тот момент не оставалось ни одного кг мяса и нечем было снабжать даже рабочие столовые[147].

Решением проблемы улучшения снабжения промышленных рабочих активно занимались и местные профсоюзные органы. Так, на Вятском окружном съезде профсоюзов 5–8 января 1930 г. обсуждались практические мероприятия, которые могли бы способствовать изменению ситуации в этой сфере. В итоге съездом предлагались следующие меры: 1) торготделу совместно с торговыми и заготовительными организациями

[146] ГАКО. Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 150. Л. 25.
[147] Там же.

рекомендовалось «составить конкретные планы снабжения, которые помогли бы обеспечить в полной мере торговые организации продуктами питания в количестве, необходимом для нормального снабжения населения города Вятки и прикрепленных к нему заводских районов»; 2) кооперативным организациям ЦРК, ТПО, инвалидной кооперации предписывалось «усилить заготовку картофеля, довести её до 4700 т, проработать вопрос о создании собственного пригородного овощного хозяйства»; 3) для решения проблемы снабжения рабочих мясом Торготделу и Вятскому представительству «Нижмясовощ» рекомендовалось снабдить кооперативные организации Вятки мясом, за счет местных ресурсов и путем завоза, в объеме до 2700 т; ЦРК должен был «принять меры к расширению ассортимента реализуемого мяса»; 3) просить краевое отделение Госрыбсиндиката увеличить завоз рыбы до 867 т; 4) «усилить снабжение молоком города Вятки до 8000 л. в день путем кооперирования молочных хозяйств района Вятского Рика»; 5) «обратить внимание на усиление общественного питания, как способа более рационально использовать расходуемые продукты, предложить ЦРК предоставить льготы семьям рабочих»[148].

Несмотря на детальную проработку проблемы на съезде, предлагаемые им решения имели скорее лишь рекомендательный и организационный характер. В документах съезда профсоюзов не указывалось, откуда должны были взять уполномоченные органы необходимые дополнительные ресурсы для осуществления намеченных мероприятий, и неисполнение данных решений не влекло за собой для них никакой ответственности. На практике был реализован только последний пункт.

Организация общественного питания действительно значительно экономила не только продукты, но и время работников. В декабре 1930 г.

[148] ГАКО. Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 150. Л. 12.

Нижегородским краевым управлением торговли было принято решение о том, чтобы в рабочих районах края были образованы столовые закрытого типа. У рабочих, которые пользовались в них полным суточным рационом, вырезались из заборных документов талоны на мясо, рыбу, крупу и другие продукты, кроме сахара и промтоваров[149].

Питание в общественных столовых для рабочего стоило от 25 до 60 копеек в 1929 г. [150], в 1935 г. после отмены карточек цена на обед колебалась от 70 до 120 копеек, сумма вполне приемлемая для рабочих[151]. Но дешевые обеды в столовых ЦРК отличались крайне низким качеством. Блюда подавали в грязной посуде, часто уже холодными, нередко в них находили посторонние предметы – волосы, тараканов, очистки и др. Работников столовых за это штрафовали, но на качестве обедов это почти не отражалось[152]. Характерный пример, письмо рабочего завода «Вятский металлист» в 1934 г. в газету «Вятская правда». В нем рабочий жалуется на то, что «столовая завода «Вятский металлист занимается надувательством своих рабочих», «часто под видом телятины столовая продает обеды из конины»[153]. В первом квартале 1931 г. число рабочих столовых в Вятском районе возросло с 11 до 20, все они были преобразованы в столовые закрытого типа[154].

В этот период центральные органы власти, не справляясь с задачей обеспечения необходимыми продуктами всего рабочего населения страны (нормы систематически не выполнялись), постепенно начинают переводить отдельные категории рабочих на преимущественно местное снабжение.

---

[149] ГАКО. Ф. Р-2922. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.
[150] Вятская правда. 1929. № 5. 9 января. С.4.
[151] Постановление президиума Кировского краевого исполнительного комитета «О ценах и нормах закладки продуктов на массовые обеды» от 15 октября 1935 г. // ГАКО. Ф. Р-2168. Оп. 1. Д. 354. Л. 114.
[152] Вятская правда. 1929. № 5. 9 января. С.4; Вятская правда. 1929. № 29. 31 января. С. 4.
[153] Вятская правда. 1934. № 109. 27 мая. С. 4.
[154] Материалы к отчету Вятского горрайкома ВКП (б) на II районной конференции ВКП(б). Вятка, 1931. С. 36.

С самого начала введения карточной системы получила распространение практика деления городов на списки (пояса) снабжения в зависимости от их индустриальной важности. В постановлении «О порядке снабжения населения хлебопродуктами» от 15 февраля 1929 г. упоминаются два списка городов. К первому относились Ленинград и Москва, ко второму прочие города и фабрично-заводские пункты. Кроме того снабжению подлежали также (в основном, за счет местных ресурсов) сельскохозяйственные рабочие, сельская беднота и некоторые другие неземледельческие категории населения села. Последние относились к сельскому сектору снабжения, в некоторых документах он фигурирует как третий пояс снабжения[155]. В результате подобного деления большинство городов бывшей Вятской губернии оказались первоначально во втором списке (поясе) по снабжению.

Ситуация изменилась в конце 1929–начале 1930 г., когда значительная часть территорий бывшей Вятской губернии, как преимущественно земледельческих, решением Нижегородского краевого исполнительного комитета была отнесена к третьему сельскому поясу снабжения. В итоге рабочие и служащие некоторых предприятий цензовой промышленности Вятского, Котельнического округов стали снабжаться по нормам сельского сектора. Это означало, что они снимались с централизованного снабжения по мясу, снижались нормы снабжения по остальным распределяемым продуктам и товарам[156].

Подобные решения привели к незамедлительной реакции со стороны местного руководства Вятским округом. В январе 1930 г. председатель Вятского окружного исполнительного комитета И.П. Колпаков пишет письмо в президиум Нижегородского Крайисполкома с просьбой о

[155] ГАКО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 447. Л. 36.
[156] Соколов Н. Снабжение рабочего населения // Нижегородский край. 1930. № 4. С. 68, 70; Большаков С.Д. В буднях великих строек. Котельнич, 2004. С. 45.

переводе Вятки, Слободского и ряда районов округа из третьего пояса во второй пояс снабжения.

В письме И.П. Колпаковым сообщалось следующее: «По сообщению Вятского ЦРК Вятский округ в целом переведен по снабжению промтоварами и продуктами питания к третьему поясу. Хотя уведомления по этому вопросу по линии Крайторготдела нет, но фактическое положение дела со снабжением с полной очевидностью подтверждает это обстоятельство.

Вопрос со снабжением округа промтоварами, а рабочих районов продуктами питания в январе месяце обострился до крайних недопустимых пределов: рынок в рабочих районах в полном смысле этого слова оголен – нет совершенно рыбы, животного и растительного масла, чая, кондитерских изделий, при значительно сниженной норме по сахару, консервах, папиросах, обуви, крайне недостаточно круп, мяса и мясопродуктов, совершенно недостаточно продуктов питания для больниц и других закрытых учреждений. Особенно плохо с детским питанием. Полное отсутствие удовлетворенного спроса вызывает явную и скрытую спекуляцию, рост цен на рынке, одновременно вызывая снижение реальной заработной платы, и как следствие падение производительности труда при крайнем недовольстве рабочих.

Мы считаем отнесение рабочих районов Вятского округа в части снабжения к третьему поясу политически неверным и вынуждены против этого категорически протестовать, и одновременно просить президиум Крайисполкама этот вопрос пересмотреть и рабочие районы Вятского округа в отношении снабжения промтоварами и продуктами питания отнести ко второму поясу: г. Вятку, Слободской с прилегающими фабриками и заводами, Омутнинский, Белохолуницкий,

Чернохолуницкий, Песковский заводы, Фосфоритные рудники и станции Мураши и Зуевку»[157].

С подобными ходатайствами перед краевыми и центральными организациями выступили также Вятский окружной центральный Совет профессиональных союзов и Вятский окружной комитет ВКП(б). Для возвращения Вятского округа во второй пояс по снабжению была предпринята поездка в Нижний Новгород и Москву председателя правления Вятского ЦРК Соина[158].

Личное вмешательство местных руководителей в решении вопроса дало положительный результат – город Вятка, Слободской район, заводы Омутнинского и Белохолуницкого районов вновь были отнесены во второй пояс снабжения. Это произошло уже в феврале 1930 г. В связи с этим, Крайторготделу были даны указания о выделении для Вятского округа дополнительного фонда сельхозтоваров. Остальные рабочие Вятского округа по-прежнему получали продукты по нормам третьего пояса[159].

В течение 1930 г. система снабжения населения продуктами и товарами вновь видоизменяется[160]. Приоритеты в снабжении смещаются в пользу рабочих наиболее значимых предприятий и производств. В 1930 г. решением ЦК ВКП(б) было установлено уже *четыре* списка городов и индустриальных объектов, которые подлежали централизованному снабжению. Право преимущественного и первоочередного централизованного снабжения получили рабочие *особого* и *первого* списков.

В *особый* список входили ведущие предприятия Москвы, Ленинграда и других крупных промышленных центров[161].

---

[157] ГАКО. Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 150. Л. 17. (Пунктуация и стиль первоисточника сохранены).
[158] ГАСПИ КО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 142. Л. 40.
[159] Снабжение улучшается (Беседа с председателем ЦРК товарищем Соиным) // Вятская правда. 1930. № 47. 26 февраля. С. 3.
[160] Осокина Е.А. СССР в конце 20-х–первой пол. 30-х гг. Торговля? – Распределение! С. 45−46.
[161] Осокина Е.А. СССР в конце 20-х–первой пол. 30-х гг. Торговля? – Распределение!

Первый список включал предприятия черной и цветной металлургии, авиационные заводы, новостройки, текстильные предприятия Москвы и Иваново, заводы каменноугольной промышленности, электростанции, Аэрофлот, предприятия деревообрабатывающей, лесной, пищевой промышленности.

Во *второй* список промышленных объектов входили предприятия стекольной, фарфоровой, спичечной, писчебумажной промышленности, коммунального хозяйства, хлебные хозяйства, медицинские учреждения, мелкие промышленные предприятия и др. По этому списку централизованное снабжение предполагалось только по хлебу, крупе, сахару, чаю. Остальное снабжение должно было осуществляться за счет формирования специальных фондов Наркомснаба и местных ресурсов.

В *третий* список были включены небольшие предприятия текстильной промышленности, кирпичные заводы, артели, типографии, торговые предприятия, пожарные, младший обслуживающий персонал больниц, кооперативные и общественные организации. Для них также предполагалось централизованное снабжение по хлебу, сахару, крупе, отчасти рыбе, остальное – за счет региона[162]. Таким образом, снабжение рабочих зависело теперь от того, к какому списку снабжения относилось предприятие, на котором они работали.

К первому списку в 1931 г. в Вятском районе было отнесено незначительное число предприятий цензовой промышленности: Машиностроительный завод, депо Вятка №1 и Железнодорожные мастерские; ко второму списку (20% от всех предприятий Вятского района[163]): заводы района им. Коминтерна, Кожзаводы № 1, 2, 3, Совпартшкола, Никольский затон, краевая профшкола; к третьему списку – все остальные предприятия Вятского района[164]. В 1932 г. часть

[162] Там же. С. 45-46.
[163] Отчет о работе Вятского городского совета XV состава за период с 1931 по 1934 гг. Вятка, 1934. С. 57.
[164] ГАКО. Ф. Р-2922. Оп. 1. Д. 2. Л. 103.

предприятий смогли улучшить свои показатели и уже 4,17% промышленных объектов Вятского района снабжались по первому списку[165].

В Котельниче первый список включал только 180 человек – работников связи, а также бывших красных партизан. По второму списку обеспечивались работники промышленных предприятий в количестве 1490 человек и 1245 членов их семей. По третьему списку хлеб получали 450 рабочих «второстепенных» предприятий и 18 членов их семей[166].

В связи с очередными изменениями в системе снабжения поменялись и нормы отпуска хлеба по карточкам. Постановлением Нижегородского крайснаботдела от 21 февраля 1931 г. были установлены следующие (дневные) нормы снабжения хлебом:

особый список – 800 г (для рабочих) и 400 г (для прочих);

первый список – 800 г (для рабочих) и 400 г (для прочих);

второй список – 800 г (для рабочих) и 330 г (для прочих);

третий список – 600 г (для рабочих) и 300 г (для прочих)[167].

Если сравнивать нормы с введенными ранее (600 г хлеба для рабочих и 300 г для остального населения), то налицо их увеличение, но только для рабочих особого, первого и второго списков снабжения. Принцип приоритетности снабжения рабочего класса выполнялся неукоснительно, рабочие хлебные нормы в 2 раза превышали нормы остального, подлежащего снабжению населения.

В январе 1931 г. по решению Политбюро, Наркомат снабжения СССР ввел всесоюзную карточную систему на основные продукты питания и непродовольственные товары. Постановление № 42 «О введении единой системы снабжения трудящихся по заборным книжкам в 1931 г.» было принято коллегией Наркомснаба 13 января

[165] Отчет о работе Вятского городского совета XV состава. С. 57.
[166] Большаков С.Д. В буднях великих строек. С. 49.
[167] ГАКО. Ф. Р-2922. Оп. 1. Д. 2. Л. 63.

1931 г.[168] Фактически основные продукты питания в регионах уже и так распределялись по карточкам. Постановление лишь зафиксировало сложившуюся в стране ситуацию.

Кроме этого с января 1931 г. все население было выделено на три категории, которые различались по нормам снабжения. Снимались со снабжения рабочие, служащие и кустари, связанные с сельским хозяйством и имеющие земельный надел, а также лица, получившие твердое задание по хлебозаготовкам. Теперь, прежде чем получить продовольственную карточку, рабочие должны были представить справку, о том, что они и их семьи не имели связи с сельским хозяйством. [169].

В первую группу входили рабочие, которые в свою очередь подразделялись на индустриальных (А) и прочих (Б)[170].

В городе Вятке в 1931 г. к первой группе по снабжению относились: «рабочие промышленных предприятий, инженерно-технический персонал на производстве, надзиратели мест заключения, шофера, милиция и угрозыск, пожарные, извозчики Союзтранса, работники складов Союзкож, рабочие хлебопекарен ЦРК, ФЗУ Металлистов, транспортные мастерские, электростанция, прачечная больницы, врачи-хирурги, врачи-рентгенологи, ШУМПЫ при кожзаводе и Машстройзаводе, курсанты советской партийной школы и кожполитехникума, грузчики»[171].

Во вторую социальную группу снабжения входили служащие, а также члены семей рабочих и служащих, в третью – дети до 14 лет[172].

Для рабочих устанавливались более высокие нормы снабжения, чем для других групп населения. Об этом наглядно свидетельствуют данные таблицы № 1 (см. прилож. I). Наибольшие преимущества имели рабочие особого списка. Им полагалось централизованное снабжение хлебом,

[168] Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». С. 89.
[169] Обязательное постановление № 6 президиума Горсовета от 2 марта 1931 г. // Вятская правда. 1931. № 51. 3 марта. С. 4; ГАКО Ф. Р-2922. Оп. 1. Д. 2. Л. 65.
[170] ГАКО. Ф. Р-2922. Оп. 1. Д. 2. Л. 168; Рубинштейн Г.Л. Указ. соч. С. 288.
[171] Там же. Л. 103.
[172] Осокина Е.А. СССР в конце 20-х – первой пол. 30-х гг. Торговля? – Распределение! С. 46.

крупой, сахаром, чаем, мясом, рыбой, растительным и животным маслом, яйцами. Нормы отпуска товара для них были установлены самые высокие.

Указанные в постановлении нормы для всех категорий населения были лишь рекомендованными. В реальности на местах они имели несколько иной вид. Обязательному выполнению подлежал лишь принцип снабжения согласно спискам и категориям. Так, рабочие второго списка не должны были снабжаться лучше рабочих первого списка внутри одного региона. Списки предприятий устанавливались Наркоснабом, а решение о включение населения в ту или иную категорию снабжения принималось на уровне местных органов власти.

Нормы снабжения рабочего населения, действовавшие в городах бывшей Вятской губернии в 1931 г., выглядели следующим образом (см. прилож. I, табл. № 2). По сравнению с рекомендованными Наркомснабом более низкие нормы были установлены по хлебу и крупе для рабочих второго и третьего списка предприятий. Для рабочих третьего списка не предусмотрено было снабжение мясом. Но это, отчасти, компенсировалось дополнительным снабжением по муке и повышенными нормами по рыбе (см. прилож. I, табл. № 1 и 2).

Заборные документы в 1931 г. значительно отличались своим внешним видом от карточек начала 1929 г. Теперь карточка состояла из трех заборных продуктовых листов, отдельно на каждый месяц квартала, одного промтоварного листка на три месяца. При пользовании таким документом потребитель отрезал от него тот заборный листок, который был необходим в текущем месяце, остальные листы хранились в безопасном месте, т. к. при утере их листы не возобновлялись[173].

Разделения населения по спискам и группам в тот период было чрезвычайно сложно. В городах, имевших снабжение одновременно по всем четырем спискам снабжения, выдача заборных документов

[173] ГАКО. Ф. Р-2922. Оп. 1. Д. 2. Л. 98.

населению производилась по группам. Причем рабочие, служащие и члены их семей, получали книжки с отличительным знаком того списка, куда были отнесены их предприятия, прочие трудящиеся, не связанные с производством получали заборные книжки, установленные для их группы низшего (третьего) списка[174].

Мероприятия центральной власти, направленные на упорядочение категорий снабжаемого населения по степени значимости для индустриализации, привели к тому, что большая часть рабочих бывшей Вятской губернии отныне должна была обеспечиваться продуктами преимущественно за счет местных ресурсов. Региональные власти старались эту ситуацию изменить, добиваясь отнесения предприятий Вятского края в списки более высокого ранга. Однако даже когда это удавалось, оно не всегда отражалось на улучшении продовольственного и товарного снабжения промышленных рабочих.

Так, в январе 1932 г. часть предприятий Вятского района, благодаря стараниям местного райкома ВКП(б), из третьего списка перекочевала во второй список. Снабжение же рабочих этих предприятий, напротив, изменилось в худшую сторону – несколько месяцев подряд рабочие не получали такие продукты, как крупа, сахар, мясо. Снабжение промтоварами происходило еще хуже: на 1 квартал 1932 г. в централизованном порядке для вятских рабочих не было выделено промтоваров, и даже не были установлены нормы по ним[175].

В регионе началась активная работа по поиску дополнительных источников для выполнения установленных норм рабочего снабжения. Предприятия и кооперация стали самостоятельно вести самозаготовки «в глубинке», заключать договора с колхозами, заводить собственные огороды, свинарники, молочные фермы, фабрики-кухни, столовые. К примеру, Вятский ЦРК в 1930 г. получил задание от Вятского окружкома

[174] ГАКО. Ф. Р-2922. Оп. 1. Д. 2. Л. 98.
[175] ГАКО. Ф. Р-2922. Оп. 1. Д. 17. Л. 11.

ВКП(б) – к 1 октября 1930 г. довести собственную «животноводческую базу до 2500 шт. свиней, организовать молочную ферму до 300 коров, развести питомник кроликов до 200 шт., провести организацию птицеводства, довести площадь посева огородных культур до 650 га, организовать рыбное хозяйство»[176].

На пленуме Нижегородского крайкома ВКП(б) в январе 1931 г. проводимые в 1930 г. местными органами власти меры по поиску новых источников продовольствия были одобрены, поставлены новые задачи[177].

Определенных успехов в этом деле, удалось добиться. Так в Постановлении XII собрания уполномоченных ЦРК Вятского района (1–2 августа 1931 г.) в качестве положительного момента в работе отмечался факт увеличения пригородного хозяйства по сравнению с 1930 г. с 87 га до 1300 га, из них огородными культурами было занято 1060 га[178].

Как уже упоминалось, заборная книжка в этот период была для рабочего документом жизненно важным. Однако, этот документ был плохо защищен от подделки. Поэтому примерно раз в квартал проводились проверки и обмен заборных книжек[179]. В основном выявляли лиц, которые незаконно пользовались преимуществами рабочего снабжения.

О наиболее характерных случаях незаконного использования заборных документов в те годы писала «Вятская правда». В номерах за 1930 г. газета сообщает о коммунисте А.К. Мошкине, который «10 месяцев получал продукты на троих детей и тещу, которые проживали в деревне», о продавце Кассине, отпускавшем незаконно рыбу частнику Казарову, гражданке А.П. Булдаковой, получавшей продукты по

[176] ГАСПИ КО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 151. Л. 230.
[177] Аржанова В. Очерки истории Горьковской организации КПСС. Ч. 2: 1918–1941 гг. Горький, 1966. С. 261.
[178] Постановление XII собрания уполномоченных ЦРК (1−2 августа 1931 г.). Вятка, 1931. С. 4.
[179] Проверим заборные книжки // Вятская правда. 1930. № 233. 8 октября. С. 3.

продуктовой карточке сына, выбывшего из города 2 месяца назад, и других случаях[180].

Довольно распространены были факты подделки карточек, получения продуктов на «мертвых душ», спекуляции продавцов продуктами[181], выдача заборных документов лицам и организациям, не имеющим ничего общего с заводом[182]. В результате проверки заборных книжек в марте 1931 г. комиссией было снято со снабжения 40000 человек, которые получали продукты по карточками Вятского ЦРК незаконно[183].

Для пресечения спекуляций при правлении Вятского ЦРК было организовано массовое бюро расследований на правах товарищеского суда, в состав которого входили два члена правления ЦРК и члены пайщики. В задачи массового бюро расследований входило рассмотрение наиболее серьезных жалоб[184]. В случаях злостных и систематических злоупотреблений, а также за использование заборных книжек в целях их перепродажи нарушители привлекались к уголовной ответственности по статье «мошенничество»[185].

В январских номерах «Вятской правды» за 1930 г. был опубликован целый цикл статей о достаточно известном в те годы уголовном деле, связанном с подделкой заборных книжек. Четверо рабочих вятской типографии, воспользовавшись своим служебным положением, совместно с опытным преступником В. Кочетковым организовали на квартире одного из них «штаб» по подделке заборных книжек. Получаемые с их помощью дефицитные товары подельники продавали на рынке. На вырученные деньги – жили на широкую ногу. Их подвела излишняя

---

[180] Вятская правда. 1930. № 70. 26 марта. С. 4; Вятская правда. 1930. № 17. 21 января. С. 4.
[181] «Дело о подделке заборных книжек ЦРК» // Вятская правда. 1930. № 17. 21 января. С. 4; Вятская правда. 1930. № 19. 24 января. С. 4; «Выставка вредителей» // Вятская правда. 1930. № 17. 21 января. С. 3.
[182] Решение совещания работников по заборным документам гор. Горького и промышленных районов края от 21 марта 1934 года. Горький, 1934. С. 2.
[183] Протокол комиссии по выдаче заборных документов от 9 марта 1931 г. // ГАКО. Ф. Р-2922. Оп. 1. Д. 2. Л. 67.
[184] Массовое бюро ЦРК // Вятская правда. 1930. № 17. 21 января. С. 4.
[185] ГАКО. Ф. Р-2922. Оп. 1. Д. 2. Л. 28.

болтливость одного из преступников. За подделку и незаконное использование карточек все участники были привлечены к разным срокам заключения[186].

В конце 1932 г. произошло еще очередное изменение в области обеспечения рабочих продовольствием и предметами первой необходимости. В декабре 1932 г. (4 декабря и 19 декабря) вышли постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О расширении прав заводоуправлений в деле снабжения рабочих и улучшения карточной системы» и «О практических мероприятиях по перестройке рабочего снабжения[187]. В них была поставлена задача установления более непосредственной зависимости между производством и рабочим снабжением[188]. Эти директивы положили начало административному вытеснению потребительской кооперации из городов и промышленных центров, национализации значительной части ее имущества и созданию на базе отобранного имущества отделов рабочего снабжения (ОРС), являвшихся государственными организациями[189]. В результате, на предприятиях установились две основные формы снабжения, первая из них это отделы рабочего снабжения, которые осуществляли выдачу и отоваривание карточек прямо на предприятиях (наиболее крупных из них).

Отделы рабочего снабжения – это новые торговые организации, подчиненные промышленным Наркоматам. Каждый ОРС представлял собой отдел заводоуправления, подчиненный директору завода и возглавляемый заместителем директора по рабочему снабжению. Это был заводской цех по снабжению рабочих и служащих данного предприятия товарами личного потребления. Тем самым в одних руках была объединена организация производственного процесса и дело снабжения

[186] Вятская правда. 1930. № 17. 21 января. С. 4; № 19. 23 января. С. 4.
[187] Юхневич М. Горсоветы в борьбе за рабочее снабжение // Советское строительство. 1934 г. № 6. С. 59.
[188] XVII съезд ВКП(б) // Советская торговля. 1933. № 6. С. 11.
[189] Вахитов К.И. История потребительской кооперации в России. М., 2007. С. 204.

рабочих. Заборные карточки были именные и аннулировались сразу после увольнения рабочего с завода[190].

В Вятке было создано несколько Отделов рабочего снабжения. В 1934 г. таких было шесть: ОРС учполитехоборудования, ОРС Коминтерна, ОРС северных железных дорог, ОРС Депо Вятка I, ОРС машзавода, ОРС завода «Красная звезда»[191].

Второй и основной формой рабочего снабжения оставалась потребкооперация, которая через закрытые распределители (ЗР), и закрытые рабочие кооперативы (ЗРК), выполнявших роль закрытых магазинов, осуществляла распределение и продажу товаров только среди рабочих того или иного предприятия. Закрытые рабочие кооперативы начали создаваться еще в 1930 г. после декабрьского пленума ЦК, и должны были обслуживать только рабочих своих предприятий. Однако на практике ЗРК до 1932 г. существовали как самостоятельные, органически не связанные с фабрикой и заводом организации, которые снабжали не только рабочих, но другие, не связанные с заводом категории населения[192].

Декабрьским постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР закрытые рабочие кооперативы были подчинены заводоуправлениям. Снабжение становиться одной из функций заводоуправления, а заборная книжка превращалась теперь в орудие борьбы с прогулами, текучестью рабочей силы[193]. Организация при заводе ЗРК была также своеобразной формой поощрения предприятий за ударную работу. Главная задача, которую Политбюро ЦК ВКП(б) поставило перед руководителями предприятий – увязать снабжение с интересами производства. Теперь пайковые нормы зависели от значения цеха и достижений того или иного трудового

[190] Рубинштейн Г.Л. Указ. соч. С. 288.
[191] ГАКО. Ф. Р-2922. Оп. 1. Д. 58. Л. 11, 273.
[192] Юхневич М. Горсоветы в борьбе за рабочее снабжение. С. 58
[193] Гатовский Л. К итогам торговли за первую пятилетку // Советская торговля. 1933. № 1. С. 80−81; XVII съезд ВКП(б) // Советская торговля. 1933. № 6. С. 11.

коллектива и его членов. В итоге появились новые группы: «рабочие-ударники», «рабочие-неударники», «служащие-ударники», «служащие-неударники», рабочие с почетными грамотами и т.д. Все они снабжались по разным нормам. За перевыполнение плана полагалось дополнительное количество продуктов.

С 1931 по 1935 гг. в городах СССР каждое предприятие, учреждение имели свои закрытые распределители, отделы рабочего снабжения. Контроль за деятельностью распределителей и ОРСов на предприятиях должны были осуществлять профсоюзные органы. Профсоюзы занимались также «правильным» (согласно заслугам) распределением дефицитных товаров между группами рабочих в масштабах отдельного предприятия[194].

Закрытые рабочие кооперативы в Вятке были образованы на основании Постановлений СНК РСФСР № 154 от 27 июля 1931 г., Горьковского крайпотребсоюза за № 372 от 16 апреля 1933 г. и Вятского горрабкоопа от 9 мая 1933 г. На основании этих документов, ЗРК были созданы при Вятском деревообрабатывающем комбинате, Вятском мясокомбинате, лесопильном заводе № 2, хромовом заводе № 1, чугунолитейном заводе «Вятский Металлист» и шубно-овчинном заводе[195].

Обследование состояния снабжения на крупных предприятиях Горьковского края показала, что организация ЗРК дала возможность достигнуть некоторого улучшения рабочего снабжения, приблизила аппарат снабжения к рабочим. Однако, как отмечалось в партийных документах того периода, многие возможности по улучшению снабжения ЗРК не использовались. В частности планы снабжения составлялись без

[194] ГАРФ. Ф. Р-5451 Оп.15. Д. 479. Л. 6.
[195] ГАКО. Справочник по фондам. Киров, 2003. С. 234−235.

учета спроса потребителя. Особенно плохо было поставлено дело со снабжением овощами[196].

В тоже время в этот период в связи с дефицитом в некоторых кооперативах края широко использовалась практика принудительного ассортимента. В документах описываются случаи, когда в Нижнем Новгороде, например, при покупке мыла по 60 копеек покупателю давался в нагрузку речной песок стоимостью 50 копеек. Магазин водников торговал так: если покупатель хотел приобрести 2–3 м ситца по 2 рубля 25 копеек, то ему давали еще 2 м сатина по 9 рублей 90 копеек за метр в нагрузку. Если покупатель отказывался от сатина, ему не давали ситца. В Котельниче давали к курительной бумаге акварельные краски, к подошве – кожаный лоскут по коммерческой цене, к махорке – круглый ламповый фитиль, к сахарному песку – сухой квас[197].

Кроме организации закрытых распределителей широкое распространение в условиях карточной системы получила ордерная система отпуска товара рабочим фабрик и заводов из распределителей или из обычных магазинов. Обувь, готовое платье, белье и т.д. отпускались только по ордерам[198]. Срок действия ордера согласно директиве Центросоюза устанавливался в 10 дней. При распределении ордеров предприятие должно было учитывать сумму зарплаты, сроки её выдачи, чтобы избежать неиспользования ордеров. Распределение ордеров осуществляли низовые профсоюзные организации на предприятиях[199].

Но даже по ордерам одежду в СССР сложно было достать. Писатель Д. Гранин вспоминал: «Длинные очереди стояли за пальто … за сапогами, за чулками. На дефицитные товары выдавались ордера, но и по ордерам

[196] Материалы к отчету КрайКК-РКИ на третьей краевой партконференции (июль 1930–декабрь 1931 года). Н.Новгород, 1932 . С. 58.
[197] Материалы к отчету КрайКК-РКИ . С. 55.
[198] Ников А. Рационализация рабочего снабжения // Советская торговля. 1930. № 3. С. 10.
[199] ГАКО. Ф. Р-2922. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

были очереди. В очереди становились с ночи. В очередях стояли семьями, сменяя друг друга»[200].

1932 г. был сложным годом в плане снабжения для страны в целом, и Вятского региона в частности, когда нормы снабжения не выполнялись в полной мере. В Вятке по централизованному снабжению за первые три квартала 1932 г. полностью была не выполнена норма по мясу. Рыба выдавалась не всеми торгующими организациями и не в полной мере. По хлебу нормы были выполнены, частично за счет хлебных запасов, созданных заблаговременно[201].

Для рабочих Котельнического района 1932 г. также оказался непростым. Контингент городского населения, получающего обеспечение по карточкам, Нижегородским крайисполкомом был сокращен, а норма расхода хлеба уменьшена до 40 т в месяц. В связи с этим президиум Котельнического райисполкома 5 февраля 1932 г. ввел ограничения по снабжению хлебом для рабочих, занятых в производстве, до 500 г в сутки, для рабочих второстепенных предприятий, не связанных с сельским хозяйством, до 300 г, рабочие, связанные с сельским хозяйством, со снабжения снимались[202].

Дальнейшая работа велась и по изысканию дополнительных продовольственных ресурсов. Для решения этой проблемы в апреле 1932 г. постановлением Бюро горкома ВКП(б) и президиума городского Совета была создана пятерка из представителей Горплана (Чарушин), Райзо (Москалев), Районного колхозного союза (Беневицкий), Городского профсовета (Петухова), городского отдела снабжения (Перов)[203]. Совместно было принято решение о том, что такие торговые организации, как: государственное объединение розничной торговли (ГОРТ),

[200] Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии.1920–1930-е гг. Спб., 1999. С. 218.
[201] ГАКО. Ф. Р-2922. Оп. 1. Д. 17. Л. 120−121.
[202] Большаков С.Д. Указ. соч. С. 46−48.
[203] ГАКО. Ф. Р-2922. Оп. 1. Д. 17. Л. 49.

Городской рабочий кооператив, Транспортное Потребительское Общество (ТПО) и др. прикреплялись к определенным глубинным пунктам Вятского района, где им вменялась обязанность вести самозаготовки. Не относящиеся к Вятскому району организации на его территории к самозаготовкам не допускались[204].

Кроме собственной наличности, торгующие организации могли использовать на самозаготовки специальные ссуды, которые выдавались отделением Госбанка на эти цели. Так, например, за период с июля по октябрь 1932 г. было выдано таких ссуд: Горрабкоопу – 109,7 тыс. рублей, ГОРТу – 10 тыс. рублей, ЗРК Коминтерна – 5 тыс. рублей, ЗРК Берегового района – 7 тыс. рублей[205].

Кроме этого все водоемы Вятского района были распределены между отдельными кооперативными и торговыми организациями и предприятиями. Каждой организации был дан план вылова и указание о порядке лова. Однако, как показала практика, этот дополнительный источник рабочего снабжения использовался недостаточно. Основной причиной подобного положения стал тот факт, что руководители организаций и предприятий считали вопросы снабжения второстепенными, в сравнении с производственными, и уделяли им мало внимания[206].

Проблеме самозаготовок была посвящена продовольственная конференция, созванная в Вятке в 1932 г. на Вятском машиностроительном заводе. В конференции участвовало около 500 представителей разных предприятий Вятки. Конференция наметила программу борьбы за мобилизацию дополнительных местных ресурсов для улучшения рабочего снабжения[207].

---

[204] ГАКО. Ф. Р-2922. Оп. 1. Д. 17. Л. 123.
[205] Там же.
[206] Там же. Л. 127.
[207] Бернштейн К. Продовольственная конференция на Вятском машиностроительном // Нижегородский ударник. 1932. № 6−7. С. 9.

Подобная практика закрепления за промпредприятиями и кооперативными торговыми организациями определенных районов для осуществления самозаготовок продовольственных товаров проводилась на всей территории Горьковского края. К продуктам, которые разрешалось закупать в районах подобным образом, относились: мясо, рыба, молоко, яйца, птица, овощи, фрукты, грибы, ягоды, картофель, масло[208].

Внутри рабочей происходила дальнейшая дифференциация снабжения в рамках официально установленных групп (лучшие цеха, ударники, неударники и т.д.). Существовали специальные магазины, к которым прикреплялись лучшие цеха. Проводились соревнования за право быть прикрепленными к магазину. Для ударников осуществлялась доставка товаров на дом. По инициативе профсоюзов широко применялась практика осуществления дополнительного снабжение за досрочное выполнение плана. Ордера на одежду и обувь имели большую ценность, нежели денежное вознаграждение[209]. Характерный пример этого времени − на городском слете ударников в 1934 г. в городе Котельниче дирекция лесотрестами отметила лучших из них: рабочий П.Т. Овчинников был премирован комодом, а рабочий П.Ф. Комаров− ватным пальто[210].

Прогульщиков на общем собрании, напротив, могли лишить карточки или перевести в низшую группу снабжения[211]. Подобная политика проводилась и на всех предприятиях бывших Вятского, Котельнического и Нолинского округов.

---

[208] Постановление № 192 Президиума Горьковского краевого исполнительного комитета «О развертывании самозаготовок незерновых сельскохозяйственных продуктов в крае для улучшения снабжения рабочих» от 28 февраля 1933 г. // ЦАНО. Ф. Р-2626. Оп. 1. Д. 1564. Л. 61.
[209] Осокина Е.А. СССР в конце 20-х–первой пол. 30-х гг. Торговля? – Распределение! С. 49.
[210] Ударник. 1935. № 3. 3 января. С. 4.
[211] Вятская правда. 1933. № 252. 1 ноября. С. 4; Решение совещания работников по заборным документам гор. Горького и промышленных районов края от 21 марта 1934 года. Горький, 1934. С. 6.

Однако существовали в этот период дефицита и островки продуктового изобилия. Особым явлением периода карточной системы 1930-х гг. XX в. стали магазины Торгсина.

Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами – сокращенно Торгсин – был вначале небольшой конторой Наркомторга, которая существовала в СССР с 1930 г. и занималась обслуживанием только иностранцев, приезжавших в страну на короткое время. Вход советским гражданам в эти магазины был закрыт[212]. В 1931 г. ситуация изменилась. С осени 1931 г. магазины Торгсина стали обслуживать не только иностранцев, но и советских граждан, которые могли покупать там товары в обмен на имевшиеся у них валюту и золото (ювелирные изделия, утварь, монеты старого чекана), а с октября 1932 г. – и на серебро[213].

Появление Торгсина для советских людей произошло в условиях дефицита и карточной системы, поэтому идея продажи продуктов и товаров за валюту и золото имела ошеломляющий успех[214]. Уже не маленькая контора с десятком магазинов, а полторы тысячи магазинов внутри страны и широкое представительство за рубежом – таким стал Торгсин в период своего расцвета[215].

Вятское отделение Нижегородской краевой конторы Торгсин было создано в июне 1932 г.[216] Его директором был назначен Белобородов Михаил Васильевич[217]. Под его руководством на территории бывшей Вятской губернии была создана сеть торговых учреждений Торгсина. Первый Торгсин появился в городе Вятке 27 июня 1932 г.[218] Это был универмаг № 3, который располагался в доме № 6 на улице Коммуны[219]. В марте 1933 г. открылся магазин № 32 в Вятке, в том же 1933 г. были

[212] Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». С. 160.
[213] Павлова И.В. Торгсины в Западно-Сибирском крае // Журнал ЭКО (Экономика и организация). 2003 № 3. С. 163.
[214] Там же. С. 164.
[215] Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». С. 161.
[216] ЦАНО. Ф. Р-910. Оп. 1. Д. 61. Л. 18.
[217] ГАКО. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 1. Л. 34.
[218] ЦАНО. Ф Р-910. Оп. 1. Д. 61. Л. 18.
[219] ГАКО. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

организованы торговые точки в Халтурине, Слободском, Зуевке, Омутнинске, Нолинске, Советске, Малмыже и Уржуме. В декабре 1932 г. появилась торговая точка (впоследствии преобразованная в универмаг № 8) в Котельниче, в январе 1933 г. – универмаг № 21 в Вятских Полянах.

Под универмагом подразумевалось предприятие, торгующее всем ассортиментом товаров Торгсина, под магазином – торговое предприятие по продаже однородных товаров, под торговой точкой – предприятие небольшого размера, отчетное ближайшему территориально расположенному универмагу или магазину, торгующее однородным товаром или товарами расширенной номенклатуры.

Снабжение торговых учреждений осуществлялось через краевые базы, где были склады с товарами и продуктами. Такие базы имелись в городах Вятке, Котельниче, а также в Вятских полянах[220].

Деятельность торговых учреждений Торгсина в Вятском регионе на первом этапе показала различную популярность их у населения, которая зависела от месторасположения. В городе Нолинске руководству магазина для привлечения покупателей приходилось прибегать к «разъяснительной работе» среди населения и выездной торговле. В Советске, напротив, с первых дней работы торговой точки отмечался ажиотаж и очереди[221].

После сдачи золота или валюты сдатчик получал ордер или талон для приобретения товаров. Подделать его было несложно, и случалось это регулярно. Характерный пример: в 1933 г. в городе Вятке кассир Швецов выдал талоны на получение товара в универмаге № 3 без соблюдений необходимых правил безопасности, в связи с чем они были подделаны. В итоге, по ним было выдано товаров на 28,11 рублей, тогда как ценностей было сдано всего на 1 рубль 40 копеек[222].

[220] ЦАНО. Ф. Р-910. Оп. 1. Д. 61, 18, 22–23.
[221] Там же. Оп. 1. Д. 6. Л. 4, 6, 167.
[222] ГАКО. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

Что же покупали в магазинах Торгсина? – Статистика показывает, что более 80% товаров, проданных Торгсином в 1933 г., составляли продукты. Львиная доля (более 60%) приходилась на хлеб[223].

Появление и деятельность Торгсина являлось уникальным фактом в советской действительности 1930-х гг. Подобное учреждение могло возникнуть только в условиях индустриализации и карточной системы, когда с одной стороны государству нужны были валюта и драгоценный металл для покупки станков и машин за границей, а населению, с другой стороны – дефицитные продукты и товары[224].

В целом следует признать, что для рабочего населения городов бывшей Вятской губернии, а затем Горьковского края период действия карточной системы оказался не простым временем. Очереди, давки в магазинах, крайне ограниченный ассортимент продуктов и товаров в магазинах – приметы этого времени.

Отсутствие крупной всесоюзного значения промышленности в городах Вятского края отрицательно сказалось на снабжении рабочих цензовой промышленности. Нормы снабжения для вятских рабочих были значительно ниже, чем, например, для рабочих московских заводов. Кроме того они систематически не выполнялись. К примеру, в Вятке не всегда исполнялись даже хлебные нормы, вследствие неспособности местных хлебопекарен выпекать необходимое количество хлеба. Взамен печеного хлеба выдавалась мука иногда тоже не должного качества, что создавало серьезные неудобства для полноценного питания рабочих региона[225].

К середине 1930-х гг. экономическая ситуация в стране несколько изменилась. В связи с развитием производства предметов потребления и укреплением колхозов, товарные ресурсы государства к 1935 г.

[223] Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». С. 162.
[224] Осокина Е.А. Золота лихорадка по-советски. С. 116.
[225] ГАКО. Ф. Р-2922. Оп. 1. Д. 17. Л. 11

значительно возросли. За 2 года (с 1933 по 1935 гг.) валовая продукция сельского хозяйства увеличилась более чем на 17%, а валовая продукция легкой и пищевой промышленности – более чем на 30%. Это позволило государству перейти в 1935 г. от закрытой нормированной торговли и множественности цен к открытой торговле по единым ценам с упразднением коммерческой торговли[226].

Карточная система, призванная экономить продовольственные ресурсы страны для преимущественного снабжения промышленного рабочего перестала быть необходимостью. Продуктов теперь должно было хватить на всех. Уже в конце 1931 г. Сталин говорил о возможной ее отмене, но неурожайные 1932–1933 гг. помешали это сделать. 1934 г. был урожайным, это позволило государству начать подготовку к отмене карточной системы[227].

Были и другие причины, почему советское руководство отказалось от карточек. Карточная система провоцировала спекуляцию и преступления. Продовольственные карточки продавались и покупались, спекулянты переправляли товары, распределяемые по карточкам себе в карман. В начале 1934 г. через ОГПУ/НКВД в месяц проходило около 10 тыс. дел о случаях спекуляции. В 1935 г. за спекуляцию в стране было привлечено к ответственности около 105 тыс. человек[228]. Карточная система не смогла обеспечить, несмотря на все установленные преимущества, высокий уровень потребления даже среди рабочих приоритетных отраслей промышленности крупных городов страны, не говоря уже о рабочих менее значимых производств.

Отрицательные стороны карточной системы заключались и в механическом распределении товара: торговый аппарат при карточной

[226] Караваева И. В. Эволюция теории и практики социалистической индустриализации // Экономическая история СССР: очерки / Рук. авт. колл. Л. И.Абалкин. М., 2009. С. 117.
[227] Тюрин А. О. Социальная политика Советской власти в Нижневолжском регионе в 1928–1941 гг. Астрахань, 2009. С. 79.
[228] Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008. С. 130−131.

системе разучился торговать, потерял вкус к ассортименту и количеству товаров, что спровоцировало чрезвычайно низкую культуру обслуживания рабочих в учреждениях торговли[229].

1 января 1935 г. на основании постановления СНК СССР от 7 декабря 1934 г. № 2684 «Об отмене карточной системы по печеному хлебу, муке и крупе и системы отоваривания хлебом технических культур» в стране была отменена карточная система по снабжению хлебом, мукой и крупами и установлена открытая продажа этих продуктов из сети государственных и кооперативных магазинов по единым твердым государственным ценам[230]. Система распределения товаров была заменена свободной продажей товаров.

Этому событию предшествовала большая организационная работа. Если судить по публикациям в местной прессе, то планировалось не просто отменить карточки на продукты, но и перестроить в целом систему обслуживания рабочего населения в магазинах кооперации и ОРСах: увеличить количество продавцов и ассортимент продаваемых товаров, привести в порядок внешний вид торговых помещений: отремонтировать прилавки, витрины и т.п. Считалось, что данные меры должны были привести к исчезновению извечных спутников торговли тех лет – очередей и дефицита[231].

В котельнической газете «Ударник» в нескольких номерах публикуется принятая 26 ноября 1934 г. резолюция пленума ЦК ВКП(б) по докладу В.М. Молотова «Об отмене карточной системы по хлебу и некоторым другим продуктам»[232]. Таким образом горожан готовили к жизни без карточек.

Для Вятского региона отмена карточной системы совпала с организацией Кировского края. На основании постановления Президиума

---

[229] Болотин З.С. Вопросы снабжения. М.−Л., 1935. С. 6−7.
[230] Историческое решение // Советская торговля. 1935. № 9. С. 3−4.
[231] Например: Вятская правда, номера за декабрь 1934 г.
[232] Большаков С.Д. Указ. соч. С. 50.

Всероссийского центрального исполнительного комитета от 7 декабря 1934 г. «О разделении Горьковского края», Горьковский край был поделен на Горьковский и Кировский край. Центром Горьковского края стал город Горький, Кировского края – город Киров[233].

В «Кировской правде» 1 января 1935 г. публикуются статья с говорящим названием «Первый день широкой торговли хлебом». Из нее следовало, что первым днем свободной продажи хлеба в Вятке стало 2 января 1935 г. В газете был опубликован также список «хлебных магазинов», где была организована продажа хлеба[234]. В Котельниче свободная торговля хлебом была организована горсоветом в 20 магазинах также со 2 января 1935 г.[235]

Серьезные изменения произошли также в торговле на колхозных рынках и базарах. На основании постановления Кировского крайисполкома и Кировского крайкома ВКП(б) от 31 декабря 1934 г. колхозам, колхозникам и трудящимся единоличникам Кировского края разрешалось производить беспрепятственную продажу своего хлеба как государственным и кооперативным организациям, так и на базарах и на станциях железных дорог[236]. Все перечисленные мероприятии в сфере торговли, значительно упростили доступ рабочих Вятской губернии / Кировской области к товарам и продуктам повседневного спроса.

Постановлением об отмене карточной системы на хлеб устанавливались также новые цены на хлеб, крупы и муку. В отмену действовавших высоких коммерческих и слишком низких нормированных розничных цен на печеный хлеб, муку и крупу с 1 января 1935 г. устанавливались единые поясные государственные розничные цены на эти продукты. В законе от 7 декабря были перечислены 8 поясов. Кировский

[233] Постановление Президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета «О разделении Горьковского края» от 7 декабря 1934 г. // Консультант Плюс. Законодательство. Документы СССР [Электронный ресурс] / АО «Консультант Плюс». М., 2011.
[234] Кировская правда. 1935. № 1. 1 января. С. 4.
[235] Большаков С.Д. Указ. соч. С. 45.
[236] Кировская правда. 1935. № 1. 1 января. С. 4.

край был отнесен (в документе он еще по-прежнему числился в составе Горьковского края) к третьему поясу. В целях недопущения спекуляции временно было установлено ограничение на продажу печеного хлеба в одни руки не свыше 2 кг, а муки не свыше 1 кг независимо от социального положения покупателя. В Свердловской, Челябинской и Ивановской областях и Горьковском крае, ввиду особой отсталости государственно-кооперативного хлебопечения, допускалась продажа муки в одни руки до 2 кг[237].

О том, как прошли первые дни без карточек на хлеб в городах Кировского края можно судить из местных газет. Как отмечалось в «Кировской правде», в городе Кирове торговля хлебом 2 января 1935 г. была организована плохо. Руководители городского рабочего кооператива (Семаков и Жуйков) и городского отдела розничной торговли (Швецов) не проследили за тем, чтобы во всех магазинах были вывески «Здесь торговля хлебом». В результате в некоторых магазинах ГОРТа при открытии были очереди, а в магазинах Городского кооператива продавцы «не знали чем заняться, так как не было покупателей»[238].

В городе Слободском ряд магазинов 2 января 1935 г. окрылись с определенным опозданием. Большой спрос был на серый хлеб, в магазинах его не хватало на всех. В Котельниче «первый день широкой продажи хлеба» прошел организованно: все магазины открылись вовремя, но ни в одном не было в продаже серого хлеба, был только черный[239].

Вскоре вслед за отменой карточек на хлеб 25 сентября 1935 г. было опубликовано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О снижении цен на хлеб и отмене карточной системы на мясо, рыбу, сахар, жиры и

[237] Постановление СНК СССР № 2684 «Об отмене карточной системы по печеному хлебу, муке и крупе и системы отоваривания хлебом технических культур» от 7 декабря 1934 г. // СПС Консультант Плюс. Законодательство. Документы СССР [Электронный ресурс] / АО «Консультант Плюс». М., 2011.
[238] Кировская правда. 1935. № 2. 2 января. С. 1.
[239] Кировская правда. 1935. № 4. 4 января. С. 4.

картофель», означавшее ликвидацию с 1 октября 1935 г. карточек и на другие продовольственные товары[240].

Введение единых розничных цен и отмена карточной системы привели к снижению цен на продукты питания на рынке на 40–60%[241]. Базарные цены на продукты быстро пошли вниз и примерно опустились до уровня государственных розничных цен с незначительным отклонением в ту или иную сторону[242].

Таким образом, в конце 1920-х – первой пол. 1930-х гг. в Вятском регионе, как и во всей стране, господствующей формой товарооборота было нормированное распределение продуктов питания и товаров первой необходимости. Причиной введения товарных карточек стала нехватка жизненно важных товаров. Нормированное снабжение было призвано обеспечить определенной нормой продуктов по низким ценам в первую очередь рабочих – строителей индустриализации. Снабжение товарами по низким ценам в дополнение к зарплате должно было оказывать существенное влияние на поддержание более высокого уровня их жизни по сравнению с остальным населением городов. Однако на практике осуществить это не удалось.

Организовать полноценное централизованное снабжение всего рабочего класса государство не смогло, поэтому оставило за собой обязанность в полной мере обеспечивать продуктами и товарами только часть рабочих, относившихся к наиболее значимым индустриальным объектам. В Вятском регионе не было крупной промышленности, и обеспечение продуктами рабочего класса осуществлялось в основном за счет собственных ресурсов. Местные органы власти предпринимали различные меры, чтобы наладить рабочее снабжение в регионе – от попыток повысить индустриальный статус края и добиться за счет этого

[240] Девис Р.У., Хлевнюк О.В. Отмена карточной системы // Отечественная история. 1999. № 5. С. 102.
[241] Историческое решение // Советская торговля. 1935. № 9. С. 3−4; Колчинский Вопросы хлебной торговли // Советская торговля. 1935. № 8. С. 9.
[242] Пальчиковский Г. Продовольственная торговля без карточек // Советская торговля. 1936. № 1. С. 41.

увеличения получаемых централизованно товарных фондов, до проведения самозаготовок и организации закрытых рабочих столовых. Однако большого успеха эти действия не принесли – нормы хронически не выполнялись. Это вынуждало рабочее население, в дополнение к государственному снабжению, идти на рынок, где цены за годы первых пятилеток выросли в десятки раз. В итоге почти все продовольственные товары стали для рабочего Вятской губернии / Кировской области за годы действия карточной системы менее доступными, чем в начале 1928 г.

1.2. Зарплата и цены: уровень покупательной способности рабочего населения городов Вятской губернии / Кировской области в 1928−1397 гг.

Одним из наиболее значимых критериев для оценки материального благосостояния общества является уровень покупательной способности населения. Покупательная способность населения определяется как количество товаров и услуг, которые люди способны приобрести в соответствии с имеющимися у них денежными средствами и при уровне цен на товары и тарифов на услуги, сложившемся в стране. Этот показатель зависит от уровня доходов населения и той их части, которая может быть выделена на покупки, но не в меньшей степени обусловлена величиной цен и тарифов на услуги.

Главным источником доходов для рабочего цензовой промышленности в 1930-е гг. XX в. была заработная плата. Динамика заработной платы и её соотношение с индексом розничных цен на основные товары потребления в годы первых пятилеток являлись важными характеристиками социально-экономического положения рабочих Вятской губернии / Кировской области. Период 1928–1937 гг. с точки зрения анализа покупательной способности рабочих Вятского края удобнее разбить на 2 этапа:

1. 1928–1935 гг. – период действия карточной системы, период множественности цен и нормированного снабжения населения продуктами и товарами.
2. 1935–1937 гг. – период после отмены карточной системы, введение единых государственных розничных цен на продукты и товары.

На первом этапе существенное влияние на динамику изменений доходов населения Вятского региона оказывала карточная система распределения основных продуктов питания.

В начале 1928 г. в городах Вятской губернии продукты питания и другие необходимые товары потребления рабочие могли приобрести как в государственных, кооперативных магазинах, так и на рынке, куда привозили на продажу свою продукцию крестьяне.

Потребительская кооперация являлась важнейшей товаропроводящей системой в СССР и в Вятском регионе. На начало 1928 г., по данным отчета Вятского губкома ВКП(б), кооперация составляла 68,2% торгового оборота розничной сети в Вятской губернии[243]. В городах кооперативная торговля осуществлялась через городские потребительские общества (ГорПо, ЦРК, ТПО и др.). Ассортимент продаваемых кооперацией товаров состоял в основном из тех продуктов и товаров, какие удавалось заготовить у местных производителей: крестьян, кустарей, промышленных предприятий и др., а также часть товарного фонда поступала в кооперацию централизованно. Торговля печеным хлебом и хлебопродуктами занимали главное место в торговом обороте потребкооперации.

Государственная торговля в городах производилась через магазины: торги и горты. В Вятском регионе госторговля большого распространения первоначально не получила. В 1929 г. снабжение населения продуктами питания в городе Вятке производиться исключительно кооперацией, без участия государственной торговли[244]. В основном через государственные магазины реализовывались товары промышленного производства: одежда, обувь, орудия труда и прочее. Удельный вес госторговли в товарообороте Вятской губернии на 1928 г. был равен 13,9%[245]. Это отражало общую картину по стране – система госторговли имела до 1931 г. небольшой

[243] Материалы к отчету Вятского губкома на XIX губернской партийной конференции ВКП(б). Вятка, 1929. С. 31.
[244] ГАСПИ КО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 151. Л. 18−19.
[245] Материалы к отчету Вятского губкома на XIX губернской партийной конференции ВКП(б). С 31.

удельный вес в общем розничном товарообороте. Только с 1932 г. она превращается во вторую мощную товаропроводящую систему[246].

Крестьянский рынок снабжал рабочих в основном сельскохозяйственной продукцией: мясом, молоком, овощами и др.

Цены на рынке и в магазинах различались, но в 1928 г. эта разница была не существенна. К примеру, цены на мясо и муку были приблизительно равными. На некоторые товары цены частного рынка были ниже кооперативных (см. прилож. I, табл. № 3). К примеру, в городе Халтурине кг говядины на рынке стоил на 3 копейки дешевле, чем в кооперации. Цены на продукты в разных городах Вятской губернии также отличались незначительно. Значительная разница (в несколько рублей) была только на готовую обувь, валенки.

Что касается ассортимента товаров, то в начале 1928 г., он не вполне удовлетворял запросам промышленных рабочих Вятского региона. В 1928 г. в число дефицитных товаров в Вятке входили: хлопчатобумажные ткани, шерстяные ткани, гвозди, кожтовары, мука, мыло, стекло и др. В достаточном количестве пока еще оставались сахар, рыба, соль, керосин, спички, махорка, бумага, хлебное вино[247]. Недостаточный завоз промтоваров не создавал стимула для выброса на рынок сельскохозяйственной продукции[248].

Дефицит товаров привел к росту цен. Рост цен был зафиксирован Вятским губстатотделом как в кооперативном секторе торговли, так и на рынке уже в конце 1928 – начале 1929 гг. Сложившая ситуация негативно отражалась на бюджете рабочих, приводила к снижению их реальной заработной платы[249]. Согласно данным губернского статистического отдела Вятского исполкома Советов, примерно половина среднегодового

[246] Шинкаревский Н. Госторговля в 1932 г. и первой половине 1933 г. // Советская торговля. 1933. № 4. С. 57−58.
[247] Отчет Вятского губернского исполнительного комитета. Вятка, 1929. С. 101.
[248] Там же. С. 103.
[249] ГАСПИ КО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 151. Л. 13.

бюджета рабочего в 1928 г. приходилась на продукты питания[250]. Это был довольно низкий показатель.

Выход из сложившегося в стране продовольственного кризиса виделся в организации системы нормированного снабжения населения основными продуктами питания, которая должна была перераспределить имевшиеся товарные ресурсы в пользу рабочих.

После введения карточек ситуация в сфере ценообразования существенно изменилась. Вслед за нормированным снабжением населения Советское государство ввело дифференцированную систему розничных цен на товары в обобществленной торговле. Для рабочих цензовой промышленности главное значение имели:

1) Розничные цены «нормированного фонда» города – наиболее низкие и стабильные цены, по которым продавались товары, отпускаемые по карточкам[251]. Этот вид цен регулировался на уровне региональных властей.

2) Цены крестьянского торга. Наиболее неустойчивые, почти не регулируемые цены. Крестьянский (колхозный) рынок играл важную роль в снабжении рабочих Вятского региона продуктами и товарами первой необходимости. Главное место в рыночной торговле занимали товары, которые практически не распределялись по карточкам: мясо, молоко, яйца, овощи. Цены рынка были значительно выше пайковых.

Решение губкома ВКП(б) о введении карточек на хлеб в Вятском регионе не привело к снижению цен. Повышение цен на продукты и товары продолжалось как на рынке, так и в магазинах кооперации. Систематический рост цен не позволял губернским органам власти эффективно проводить политику, направленную на повышение или хотя бы стабилизацию уровня жизни населения региона, не давал возможности выполнить директиву ЦК о повышении реальной заработной платы

[250] Вятская правда. 1929. № 53. 6 марта. С. 3.
[251] Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.). М.: Мысль, 1964. С. 146.

рабочего на 12%. Все эти обстоятельства подтолкнули органы местной власти к проведению активных мероприятий по регулированию цен.

Мысль о необходимости скорейшей выработки механизма регулирования цен в пределах губернии была высказана председателем губисполкома Ф.Т. Недзвецким в докладе на губернском съезде Советов, состоявшемся 10 апреля 1929 г.[252] На XIX Вятской губернской конференции ВКП(б) была поставлена задача «систематически проверять движение цен на продукты промышленности и сельского хозяйства» и принимать меры к их снижению, главным образом, за счет рационализации торгового аппарата и сокращению торговых и накладных расходов[253].

Попытка установить ограничить рост цен административными методами началась с кооперации и госторговли. Эти торговые учреждения были наиболее легко управляемы со стороны местной власти. В контексте новой концепции политики губернских властей после введения карточной системы распределения хлебопродуктов Вятскому губернскому отделению Рабоче-Крестьянской инспекции было поручено провести проверку движения розничных цен в магазинах Вятского Центрального рабочего кооператива, Нолинского и Котельнического городских потребительских обществ, в магазинах госторговли и ряда других торговых организациях. Поводом для проведения подобного мероприятия стали многочисленные жалобы со стороны покупателей на значительное повышение цен на товары и продукты[254].

К проведению проверки были привлечены представители губернского статистического отдела губисполкома Советов, губернского

[252] Губернский исполнительный комитет отчитывается перед съездом Советов. Доклад тов. Недзвецкого // Вятская правда. 1929. № 83. 13 апреля. С. 3.
[253] Резолюции о постановления XIX Вятской губернской конференции ВКП(б). Вятка, 1929. С. 15.
[254] На борьбу с повышением розничных цен // Вятская правда. 1929. № 76. 5 апреля. С. 2.

торготдела, секции Советов женотдела комсомола, контрольно-лавочной комиссии и профсоюзного актива[255].

Проверке предшествовала значительная организационная работа, проводимая Вятским губкомом ВКП(б). Заранее всем кооперативным организациям и органам госторговли была разослана директива от 4 апреля 1929 г. озаглавленная как «Борьба с повышением розничных цен», разработанная секретариатом губкома ВКП(б). Она предписывала всем торгующим кооперативным организациям и органам госторговли незамедлительно прекратить всякое повышение розничных цен на продукты питания и товары широкого спроса и в недельный срок пересмотреть цены в сторону уменьшения. Торготделу поручалось проследить за исполнением настоящей директивы. В случае её невыполнения в срок, согласно тексту документа, виновных надлежало привлечь к ответственности за срыв государственной политики цен[256].

В плане реализации данной директивы и была организована проверка движения розничных цен. Главной её целью стало желание местных органов управления вскрыть причины роста розничных цен в магазинах кооперации и госторговли, выяснить истинную себестоимость товаров и добиться снижения цен[257].

За период с 8 апреля по 10 мая были обследованы 68 наименований товаров, из них 33 товара, входящих в бюджетный индекс статистики Труда и Госплана. В результате был установлен факт роста цен на предметы первой необходимости и широкого потребления на 20% по городу Вятке, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, по всем без исключения торгующим организациям. Причинами повышения цен были признаны: рост заготовительных цен, увеличение накладных расходов и наложения в товаропроводящей сети.

---

[255] Вятская правда. 1929. № 76. 5 апреля. С. 2.
[256] ГАКО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 444. Л. 255.
[257] На борьбу с повышением розничных цен // Вятская правда. 1929. № 76. 5 апреля. С. 2.

По Вятторгу, Вятпромсоюзу, ЦРК было установлено наличие крупных сомнительных долгов, наличие растрат, хищений и элементов бесхозяйственности. «Отдельные искривления», как отмечалось в отчете, подготовленном губРКИ, были допущены Котельническим Горпо, Вятским и Котельническим райсоюзами. Данные организации хотя и не повышали цены, но и не использовали имеющиеся возможности для дальнейшего снижения цен. По результатам проверки губернская рабоче-крестьянская инспекция поставила перед всеми торгующими организациями задачу довести розничные цены до уровня 1 октября 1927 г. По Вятпромсоюзу было принято решение о привлечении к уголовной ответственности администрации данной организации «за наложение на цены до 49% на себестоимость»[258].

Подобные ревизии цен по инициативе органов местной власти с апреля 1929 г. стали регулярными, и проводились по мере необходимости 2-3 раза в год. Такого рода мероприятия позволяли региональным властям держать под контролем цены обобществленного сектора торговли. Благодаря этому цены в магазинах кооперации и госторговли на основные товары потребления за годы действия карточной системы в Вятском крае были относительно стабильны и доступны для рабочего населения.

Хотя полностью исключить рост цен в этом секторе все же не удалось. Об этом наглядно свидетельствуют данные таблицы № 4 (см. прилож. I). В таблице приведены средние цены кооперации за 1929 и 1932 гг. На основной продукт питания − хлеб даже удалось добиться снижения цены на несколько копеек – с 10,3 копеек в 1929 г. до 9 копеек в 1932 г. Упала цена на сахар (с 64 до 62 копеек). На муку, керосин цена за этот период выросла, но незначительно, всего на несколько копеек. Значительный рост цен (почти в 2 раза) произошел на такие продукты

[258] Вятская правда. 1929. № 123. 4 июня. С. 4.

питания как мясо, масло, молоко. Эти продукты являлись дефицитными и часто закупались кооперацией на местном рынке у крестьян.

Серьезное повышение цен нормированного фонда было проведено в 1934 г. накануне отмены карточной системы. Горьковским Крайснаботделом с 1 июня 1934 г. на основании постановления правительства были установлены новые розничные цены на нормируемые (пайковые) хлеб и муку.

Таблица № 3.
Новые розничные цены на нормируемые хлеб и муку по Горьковскому краю на 1 июня 1934 г.

продукт	**Цена (в рублях)**
Ржаной кислый хлеб	**0,50**
Заварной украинский пшеничный хлеб (96%)	**0,60**
Пшеничный хлеб (85%)	**1,20**
Пшеничный хлеб (75%)	**1,60**
Мука ржаная (95%)	**0,66**
Мука пшеничная (95 %)	**0,72**
Мука пшеничная (85%) и пеклеванная (50%)	**1,50**
Мука пшеничная (75%)	**1,90**
Мука пеклеванная (45%)	**1,70**

Источник: ГАКО. Ф. Р-2922. Оп. 1. Д. 54. Л. 96.

Цена на ржаной хлеб увеличилась в 5 раз по сравнению с 1929 г. (с 10 до 50 копеек), на ржаную муку почти в 6 раз, на пшеничный хлеб в 7 раз. Такое резкое повышение цен на хлеб и муку было связано с тем, что кооперация в городах Горьковского края давно уже продавала хлеб рабочим гораздо ниже его себестоимости, торговала себе в убыток, что привело к упадку хлебопечения. Вместо хлеба рабочим часто выдавали муку. Хлебные нормы систематически не выполнялись. Качество хлеба, также оставляло желать лучшего. По свидетельствам покупателей в нем нередко попадались куски веревки, мочало и мышьи хвосты[259].

[259] Вятская правда. 1929. № 29. 31 января. С. 4.

Повышение цен стало необходимо. Тем более, что даже такой рост цен не был сопоставим с тем, что происходило на рынке.

Цены нормированного фонда внутри региона отличались от цен на аналогичные товары в других областях и средних по стране. Они устанавливались кооперацией в зависимости от закупочных цен и в соответствии с директивами органов местного управления. Централизованно цены не регулировались. Такой вывод можно сделать, если сравнивать цены Вятского ЦРК на основные продукты со средними по стране за годы действия карточной системы (см. прилож. I, табл. № 5). В 1929 г. в Вятской губернии цена на хлеб была на несколько копеек выше средней по стране, в 2 раза дороже стоили яйца и молоко, зато цены на картофель и говядину были в 2 раза ниже. В 1932 г. ситуация изменилась. Цены на самые популярные продукты: картофель, хлеб, мясо, сахар, масло в Вятском регионе были гораздо ниже средних по СССР. Это давало определенные преимущества рабочим местной промышленности, но только в том случае, если необходимые товары были в наличии в магазинах, а такое происходило редко.

Цены рынка в период действия карточной системы по сравнению с ценами обобществленного сектора торговли колебались более резко. Между тем они также оказывали значительное влияние на уровень покупательной способности рабочего в те годы. Анализ бюджетов рабочих за разные годы действия карточек, показывает, что такие продукты, как мясо, молоко, картофель, масло, яйца приобретались ими в основном у крестьян на частном рынке[260]. К этому виду торговли применить административные меры ценового регулирования было достаточно сложно. Между тем такие попытки со стороны региональных органов власти предпринимались.

[260] ГАКО. Ф. Р-1054. Оп. 1. Д. 126. Л. 76; ГАКО. Ф. Р-1998. Оп. 5. Д. 9. Л. 78.

Наиболее ранний пример вмешательства местной власти в частную торговлю содержится в тексте постановления № 491013 Вятского губернского отдела торговли от 6 февраля 1928 г. В постановлении отмечалось, что в городе Вятке «обнаружилась крайне вредная для государства спекулятивная деятельность частника» в сфере торговли хлебными товарами (рожь, овес, мука), которая проявлялась в форме взвинчивания цен на эти товары. Далее из текста документа следовало, что торготделом была проведена кропотливая работа по сбору материалов, подтверждавших факты завышения цен на частном рынке. Все собранные материалы были переданы губернскому прокурору, который обязан был привлечь всех частных торговцев, виновных в повышении цен на рынке, к ответственности[261]. Однако ни эта, ни другие ей подобные попытки мерами административного принуждения ограничить рост цен на рынке успеха не имели.

Вместе с началом политики ускоренной индустриализации одним из направлений государственной политики в сфере торговли становится вытеснение частной мелкой розничной торговли из товарооборота. В соответствии с решениями XV съезда ВКП(б), на котором обсуждались перспективы первого пятилетнего плана, вытеснение частника должно было проходить постепенно, чтобы не образовалась брешь в товаропроводящей сети и не возникли перебои в снабжении рабочих необходимыми продуктами и товарами. Однако, начавшаяся форсированная индустриализация нарушила эти планы.

Процесс вытеснения частника из торговли подхлестнуло постановление СТО от 26 августа 1927 г. «О государственной розничной торговле», в котором говорилось о необходимости увеличения доли кооперативной и государственной розничной торговли за счет частной[262].

---

[261] ГАКО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 445. Л. 16.

[262] Постановление СТО «О государственной розничной торговле» от 26 августа 1927 г. // СЗ СССР. 1927. № 33. Ст. 347.

Вслед за постановлением меры по вытеснению частника с рынка в регионах значительно оживились.

В Вятской губернии была упразднена Алексеевская ярмарка (проводилась в городе Котельниче). Последний раз она была проведена как раз в 1927 г.[263] Вопрос о борьбе с частным капиталом в торговле, как один из важных для региона, активно обсуждался на XIX губернской партийной конференции ВКП(б) в 1929 г.[264] и на губернском съезде Советов в апреле 1929 г.[265]

После ликвидации губернии политика по борьбе с частной торговлей была продолжена на краевом и окружных уровнях. На Нолинском окружном съезде Советов была поставлена задача полностью вытеснить из торговой сферы «частнокапиталистический элемент»[266]. На Вятском и Котельническом окружных съездах Советов, которые прошли в июле 1929 г., задача – «свести частный сектор торговли к нулю», также фигурировала[267]. Этот процесс шел достаточно интенсивно. К 1930 г. доля частной торговли в общем розничном товарообороте на территории Вятского региона составляла уже только 3%, тогда как в 1928 г. этот показатель был равен 17,9%[268].

Подобная политика, при крайне скудном ассортименте товаров в кооперативах, привела к тому, что продукты и товары рабочим стало трудно купить даже на рынке. Цены частного рынка за период с 1928 по 1935 гг. повысились в несколько раз. Между тем ассортимент продаваемых на рынке товаров в этот период был удивительно разнообразным особенно зимой и осенью. В январе 1931 г. на частном рынке в городе Вятке, согласно наблюдениям городского статистического

[263] Большаков С. Д. В буднях великих строек. Котельнич, 2004. С. 16.
[264] Материалы к отчету Вятского губкома на XIX партийной губконференции ВКП(б). С. 31.
[265] Вятская правда. 1929. № 83. 13 апреля. С. 2.
[266] Постановления Первого Нолинского окружного съезда Советов РК и КД. Нолинск, 1929. С. 19.
[267] ГАКО. Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 1. Л. 6; ЦАНО. Ф. Р-2626. Оп. 1. Д. 36. Л. 15−16.
[268] 200 лет Вятской губернии. 60 лет Кировской области. Статистический сборник. Киров, 1996. С. 208; Материалы к отчету Вятского губкома на XIX партийной губконференции ВКП(б). С. 31.

отдела, «можно было купить все, чего не было в магазинах ЦРК», от хлеба и хлебопродуктов, до промтоваров[269].

Резкий скачок цен в частном секторе произошел с 1 октября 1929 г. по 1 марта 1930 г. На II Вятской Окружной конференции ВКП(б) отмечалось, что рыночные цены в этот период выросли в 7,4 раза, в основном за счет роста цен на мясо, молоко, яйца, овощи[270]. Рост цен на рынке оказывал крайне отрицательное влияние на положение рабочих региона.

Еще в конце марта 1929 г. методы сдерживания рыночных цен, стремительно взлетевших вверх после введения карточек, активно обсуждались в секретной переписке между губкомом ВКП(б) и Вятским губернским отделом торговли. Единственным эффективным решением этой проблемы, по мнению губторготдела, могла стать заброска хлебопродуктов в кооперативы. Однако, как отмечалось, эта операция в тот момент была невозможна, по причине ограниченности ресурсов[271]. Ввиду невозможности снизить цены на рынке путем конкуренции с кооперацией, местным органам власти по необходимости оставался лишь один способ воздействия на частника – прямое административное давление.

В октябре 1929 г. президиум Вятского горсовета издает обязательное постановление № 21 «О порядке и времени торговли в городе Вятке». Постановлением, в частности, ограничивалось число мест в городе Вятке, где допускалась частная торговля. Официально частнику разрешено было продавать свои товары вне магазина, ларька или киоска, всего в трех местах: на площади Революции, на площади Труда, и на молочном (нижнем) рынке[272].

---

[269] Сведения о состоянии базарной торговли по городу Вятке. Январь, 1931 г. // ГАКО. Ф. Р- 1898. Оп. 5. Д. 9. Л. 1,7.
[270] Материалы к отчету Вятского окружкома на II окружной конференции ВКП(б). Вятка, 1930. С. 35−37.
[271] ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 7. Д. 10. Л. 22.
[272] Вятская правда. 1929. № 244. 25 октября. С. 4.

Постановление было использовано городскими органами управления для проведения массовых проверок частных торговцев. При проверках часто их принуждали продавать товары по невыгодным для них ценам. Иногда продукты и товары просто изымались[273].

Однако подобные меры положение дел на рынке лишь усугубили. На II Вятской окружной конференции ВКП(б) такие мероприятия были признаны неэффективными. Цены продолжали расти, особенно на сельскохозяйственные продукты[274].

В постановлении президиума Нижегородского Крайисполкома от 5 марта 1930 г. «О регулировании рынка» подобные административные меры по регулированию крестьянского привоза и вытеснению частника с рынка, оценивались как необоснованные и незаконные. «Подобные действия, – отмечалось в постановлении, – и привели к исчезновению продуктов с рынка и их удорожанию». Для исправления ситуации Нижегородский крайисполком в марте 1930 г. постановил воспретить всем местным советским органам края изъятие продуктов питания у лиц, торгующих ими, категорически пресечь все попытки со стороны низовых соответствующих органов задерживать на базарах крестьян, привозящих свою продукцию для продажи без достаточных на то законных оснований[275].

Осознав тот факт, что в деле снабжения рабочего населения продуктами питания без частной торговли пока невозможно обойтись, государство временно прекратило попытки давления на рынок. Одновременно с организацией колхозов возникает новая форма частной торговли – колхозная розничная торговля. Развитию колхозной торговли способствовали три постановления СНК и ЦК ВКП(б), вышедшие в мае 1932 г. Колхозная рыночная торговля становилась сферой относительно

[273] ГАКО. Ф. Р-4. Оп. 4. Д. 3. Л. 125.
[274] Материалы к отчету Вятского окружкома на II окружной конференции ВКП(б). С. 35.
[275] Постановление президиума Нижкрайисполкома «О регулировании рынка» от 5 марта 1930 г. // Вятская правда. 1930. № 64. 20 марта. С. 4.

свободной торговли. В них указывалось, что колхозы и единоличники после выполнения обязательных поставок имели право продавать излишки продукции на колхозных рынках по свободно складывающимся ценам[276].

Однако привлечь вятских крестьян на рынок вновь оказалось не так просто. Они были уже достаточно напуганы прежними запретительными мерами в отношении частной торговли, поэтому везти свой товар на рынок не спешили. На местах пришлось прибегнуть к разъяснительной работе. В Вятском крае контроль за реализацией постановлений о развертывании колхозной торговли был поручен органам КК РКИ (контрольной комиссии рабоче-крестьянской инспекции) ВКП(б). Согласно постановлению пленума краевой контрольной комиссии ВКП(б) «О работе органов КК РКИ в области снабжения и развертывания колхозной торговли» от 20–22 июня 1932 г., им поручалось довести до населения содержание директив о развертывании колхозной торговли и привлекать к ответственности всех лиц, которые мешали реализации этих постановлений[277].

«Разъяснительная работа» с населением в течение нескольких месяцев дала свои результаты, и уже в августе 1932 г. подвоз сельскохозяйственных продуктов на городские базары, как сообщалось в отчетных документах краевой КК РКИ ВКП(б), значительно увеличился. Были организованы новые базары в промышленных центрах Горьковского края[278]. В последующие годы стали проводиться даже колхозные ярмарки, которые казались уже совершенно невозможным явлением. Так, за 1934 г.

---

[276] Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 года» от 6 мая 1932 г. // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1932. № 31. Ст. 190; Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О плане скотозаготовок и о мясной торговле колхозов, колхозников и единоличных трудящихся крестьян» от 10 мая 1932 г. // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1932. № 31. Ст. 195; Постановление ЦИК и СНК СССР «О порядке производства торговли колхозов, колхозников, и трудящихся единоличных крестьян и уменьшении налога на торговлю сельско-хозяйственными продуктами» от 20 мая 1932 г. // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1932. № 31. Ст. 233

[277] ГАСПИ КО. Ф. П-99. Оп. 4. Д. 3. Л. 135.

[278] Там же. Л. 146.

только в городе Вятке было проведено две колхозные ярмарки и два колхозных базара, один из которых прошел в рабочем районе имени Коминтерна[279].

Таким образом, можно констатировать, что рынок за время существования карточной системы действовал преимущественно по законам спроса и предложения и слабо поддавался влиянию со стороны органов власти. В условиях явно недостаточной заброски товаров и продуктов питания в магазины кооперации и госторговли, частные торговцы могли устанавливать цены на свою продукцию на уровне в десятки раз превышающем цены кооперации. Это оказывало существенное влияние на уровень потребления рабочего населения городов, так как в условиях недостаточного государственного снабжения они были вынуждены приобретать продукты на рынке по любой предложенной цене.

Динамика рыночных цен за период действия карточной системы снабжения в Вятском регионе приводиться в таблице № 6 (см. прилож. I). Как можно заметить, рост цен на все продукты в частном секторе торговли был значительным. Цены за период действия карточной системы в среднем повысились в 5–13 раз. На мясо цена выросла в 7−11 раз, на молоко в 7 раз, на яйца в 80 (!) раз, на масло сливочное в 2,5 раза.

Чтобы оценить какое значение для рабочих в те годы имело продовольственное снабжение по карточкам, сравним рыночные цены со стоимостью товаров в кооперации за 1932 г. (см. таблицу № 4 и № 6 прилож. I). Хлеб на рынке стоил в 10 раз дороже чем в обобществленной торговле (90 и 9 копеек, соответственно), мясо (говядина) − в 5,4 раза (6 и 1,11 рублей), молоко − в 5,1 раза, масло (сливочное) − в 7,3 раза, картофель – в 7 раз. Если бы все необходимое рабочие Вятского региона

[279] Отчет о работе Вятского городского совета XV состава за период с 1931 по 1934 годы. Вятка, 1934. С. 57.

имели возможность покупать по карточкам, то они могли бы существенно экономить на продуктах питания.

Вместе с тем, следует заметить, что в некоторых крупных городах СССР цены крестьянского (колхозного) рынка были еще более высокими, чем в городах Вятского региона (прилож. I, табл. № 7). К примеру, в 1932 г. килограмм говядины на частном рынке в Москве и Горьком стоил 13,8 рублей, в Вятке – 6 рублей, масло топленое продавалось в Москве по 51 рубль за кило, в Вятке – по 35 рублей и т.д. На некоторые товары цены отличались в 2 и более раза. Однако это вовсе не означало, что рабочий Вятского региона имел больше возможностей при покупке товара на рынке. Как правило, рабочие крупных городов и по уровню дохода значительно превосходили вятских.

Успешное выявление покупательной способности населения недостижимо без анализа уровня его доходов. Для рабочего цензовой промышленности в 1930-е гг., как уже отмечалось ранее, основным источником дохода была заработная плата. Применяемая до 1935 г. карточная система снабжения населения товарами и услугами ограничивала роль заработной платы, как материального стимула, но, не исключала её вовсе[280].

Государство с помощью карточного распределения товаров на фоне высоких цен рынка обеспечивала рабочих наиболее важных отраслей промышленности продуктами по твердым значительно пониженным ценам[281]. Система нормированного снабжения должна была экономить средства рабочего и тем самым повышать его покупательную способность на рынке. Но, поскольку государственное товарное предложение в годы карточного распределения продуктов и товаров несколько отставало от покупательского спроса, неизменными спутниками советской обобществленной торговли в те годы стали длинные очереди, а нередко

[280] Очерки истории Кировской организации КПСС. Ч. 2: 1918–1968 гг. Горький, 1969. С. 224.
[281] Болотин З.С. Вопросы снабжения. М.−Л., 1935. С. 5.

отсутствие товаров в магазинах[282]. Из-за хронического дефицита товаров рабочий своим преимуществом воспользоваться часто не мог.

Начало первой пятилетки в масштабах страны было связано с серьезными изменениями в системе оплаты труда рабочих. Индустриальный скачок конца 1920-х–1930-х гг. привел к своеобразной реформе заработной платы. Реформа включала в себя следующие мероприятия: «борьбу с уравнительностью в оплате труда», обеспечение более высокой оплаты труда рабочим «ведущих производств» (металлургия, добыча полезных ископаемых, машиностроение и т.д.), во всех производствах вводилась сдельная оплата[283].

Одним из методов ликвидации «уравниловки» в заработной плате на местах стало повышение роли тарифной ставки в оплате труда. На необходимость подобных изменений указывал, в частности еще VII съезд профсоюзов (декабрь 1926 г.), который принял решение пересмотреть принципы тарификации[284]. В Вятской губернии на прошедшем в феврале 1928 г. съезде профсоюзов также много внимания было уделено тарифно-экономическим вопросам. В частности, съезд указал профсоюзным организациям на необходимость правильной организации заработной платы, на регулирование ее в соответствии с ростом производительности труда[285].

В 1932–1933 гг. силами Наркомата труда и профсоюзов была проведена тарифная реформа. Специальные комиссии по отраслям промышленности пересматривали старые справочники, меняя размеры тарифного коэффициента[286].

---

[282] Выцлан, М.А. Сталинский продуктообмен и товарное производство «особого рода» в 1930-е гг. // Экономическая история России XIX−XX: современный взгляд. М., 2001. С. 128.
[283] Ильюхов А. Как платили большевики. Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010. С. 213.
[284] См.: Резолюции VII всесоюзный съезд профессиональных союзов. 6−19 декабря 1926 г. М., 1927. С. 42−44.
[285] Подавалова З.В. Профсоюзная организация в период борьбы за создание фундамента социализма (Индустриализация и коллективизация, 1926–1932 гг.) // Из истории профессионального движения в Кировской области. Киров, 1968. С. 95−96.
[286] Ильюхов А. Указ. соч. С. 259.

В русле проходящей реформы Вятским губисполкомом в первом пятилетнем плане развития Вятской губернии был запланирован рост номинальной заработной платы на 32,6 %. Причем для отдельных категорий труда её рост должен был колебаться в промежутке от 24 до 75%. Планировалось также, что за годы первой пятилетки произойдет выравнивание оплаты труда для работников одинаковой квалификации в разных отраслях хозяйства. При этом уровень зарплаты в промышленности, строительстве и транспорте все же должен был оставаться выше, нежели в остальных отраслях труда[287].

Борьба с уравнительностью в оплате труда на предприятиях бывшей Вятской губернии проходила под бдительным контролем профсоюзных организаций на протяжении всего периода 1930-х гг. Они занимались выявлением фактов несоответствия заработной платы и новой тарифной сетки на предприятиях края.

На практике это выглядело следующим образом. В 1932 г. на Вятской районной конференции ВКП(б) представитель профсоюзов в отчете, посвященном производительности и заработной плате, отметил наличие элементов «уравниловщины» на некоторых предприятиях Вятского района «в деле организации заработной платы». В пример приводились два предприятия города Вятки – фабрика учебных пособий и шубно-овчинный завод. На фабрике учебных пособий токарь 5 разряда за 21 день работы получил 66,92 рублей, токарь 4 разряда (более низкого) за 20,5 дней –113 рублей, слесарь 5 разряда за 21 день – 110,8 рублей, а уборщица за 21 день – 85,36 рублей, т.е. больше токаря 5 разряда. В докладе указывалось на явное несоответствие размера заработной платы разряду рабочего согласно тарифной сетке на предприятии. Ведь работник с более высоким разрядом должен был получать как минимум на 15–20%

[287] Пятилетний план Вятской губернии. Вятка, 1929. С. 187.

больше, но никак не меньше работника с меньшим разрядом или совсем без квалификации.

На шубно-овчинном заводе проблема была сходной. За один час работы рабочий 2-го разряда получал 32 копеек, а рабочий более высокого 4-го разряда – 30,6 копеек, рабочий 6-го разряда получал за час 50,1 копеек, а 7-го разряда – 45,4 копеек. Подобная практика «неправильного» определения заработной платы была осуждена на конференции, а руководителям предприятий было вынесено предписание незамедлительно исправить ситуацию[288].

Для борьбы с «уравниловкой» в оплате труда краевым профсоюзными органами в 1933 г. применялись следующие мероприятия: были введены особые ставки для «горячих» (наиболее важных) работ на 28 предприятиях края, на 5 предприятиях введена повышенная заработная плата квалифицированным рабочим-повременщикам, на ряде заводов введены особые ставки для ведущих профессий[289].

Важным моментом в области заработной платы в 1930-е гг. для советского руководства стало обеспечение опережающих темпов роста оплаты труда рабочих ведущих отраслей тяжелой промышленности. Усилия в этом направлении прилагались на протяжении всего десятилетия. В 1928 г. рабочие важнейших отраслей промышленности по оплате труда находились далеко не на первом месте: каменноугольная, металлургическая, химическая находились соответственно на 14-м, 10-м и 6-м месте. Уже за 1931–1932 гг. ситуацию удалось значительно изменить. В частности, в основных отраслях тяжелой промышленности в 1932 г. зарплата выросла на 24,1% по сравнению с предыдущим годом. По оплате труда каменноугольная промышленность передвинулась с 14 места в 1928 г. на 7-е место в 1932 г. и на 2-е место в 1937 г. Металлургия

[288] Материалы к отчету Вятского горрайкома и горрайкома ВКП(б) на III районной конференции ВКП(б). Вятка, 1932. С. 76.
[289] История индустриализации Нижегородского-Горьковского края (1926–1941 гг.). Документы и материалы. Горький, 1968. С. 246.

соответственно с 10-го места в 1928 г. передвинулась на 2-е место в 1932 г., и осталась на 5-м месте в 1937 г. Нефтяная промышленность в 1937 г. по уровню заработной платы вышла на первое место, когда в 1928 г. занимала лишь 8-ю строку[290].

Например, в Горьковском крае, благодаря инициативе профсоюзных органов, в 1933 г. было проведено повышение ставок заработной платы на ряде предприятий металлопромышленности: на заводе «Вятский металлист» на 16%, на Белохолуницком заводе на 22%[291].

Приведем данные об изменении заработной платы рабочих Вятского региона разных отраслей промышленности за период действия карточной системы.

Таблица № 4.

Динамика заработной платы (месячной) рабочих Вятского региона разных отраслей цензовой промышленности в годы действия карточной системы (в рублях).

Название отраслей промышленности	**1929 г.**	**1932 г.**	**1935 г.**
Всего по промышленности	**68**	**107**	**148**
Черная металлургия	**78**	**121**	**168**
Металлообрабатывающая	**73**	**121**	**150**
Бумажная	**86**	**171**	**123**
Кожевенно-меховая	**72**	**88**	**148**
Химическая	**65,47**		**121,52**
Пищевкусовая	**69**	**103**	**121**

Источник: ГАКО. Ф. Р-2116. Оп. 1. Д. 283. Л. 53; ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 773. Л. 21.

Проанализировав данные таблицы, можно с уверенностью утверждать, что за этот период во всех отраслях промышленности произошел рост номинальной заработной платы. Если брать средние

[290] Ильюхов А. Указ. соч. С. 268−269.
[291] История индустриализации Нижегородского-Горьковского края. С. 246−247.

величины, то заработная плата увеличилась на 57,3%. Наибольший рост был в таких отраслях как металлургическая и металлообрабатывающая.

Что касается реальной заработной платы, то её величина была связана с инфляцией и с индексом цен на основные группы товаров. Снабжение рабочих нормированными продуктами питания происходило до 1935 г. по относительно стабильным ценам, которые находились под контролем местных властей. Эта мера должна была снизить влияние инфляции на реальную заработную плату рабочих. Реализовать в полной мере эту инициативу не удалось. В связи с трудностями снабжения в Вятском крае рабочие не всегда имели возможность приобрести все необходимые продукты по карточкам. По данным бюджетных исследований за 1930 г. (данные за июль месяц) рабочие Нижегородского края 47,4% продуктов питания приобретали в государственных и кооперативных магазинах, а 52,6% – у крестьян и частника[292].

О необходимости приобретать продукты на рынке говорили и сами рабочие. В сводках ОГПУ, характеризующих материальное положение рабочих за 1931 г., приводятся такие данные: «Рабочие заявляют, что их семьи голодают, раздеты, разуты, что зарплата слишком низка, да плюс большие вычеты, в результате они домой денег не приносят, а продукты надо брать на рынке, т.к. кооперация ничем их не снабжает. Электромонтер шубно-овчинного завода Реутов говорил: «Я слишком плохо живу, семья голодает, т.к. её у меня 8 человек, зарплата низка, вдобавок в магазинах ничего не дают, приходится брать на рынке»»[293].

Поэтому для определения реальной заработной платы рабочего в этот период необходимо также учитывать цены крестьянского торга. Рыночные цены в период действия карточной системы выросли более чем в 13 раз. Поэтому повышение реальной заработной платы в промышленности

[292] Аксененко И. Усилить темпы, улучшить качество советской торговли // Нижегородский край. 1931. № 7–8. С. 5.
[293] ГАСПИ КО. Ф. П-99. Оп. 2. Д. 12. Л. 64.

вплоть до отмены карточек не было осуществлено. Реальная покупательная способность рабочего Вятской губернии / Кировской области в этот период была нестабильной и зависела от многих факторов: от выполнения плана снабжения региона продуктами питания, от категории снабжения, к которой принадлежал рабочий, от списка снабжения, к которому относилось предприятие, где он работал. Кроме того, вятский рабочий был более привязан к рынку, нежели рабочий какого-нибудь крупного московского завода, который получал лучший продуктовый паек от государства.

Кроме того существуют подтверждения того, что заработная плата на некоторых предприятиях края в годы действия карточной системы выдавалась рабочим с задержкой до нескольких месяцев. В документах Вятской городской контрольной комиссии есть данные, свидетельствующие о том, что в 1931 г. задолженность по заработной плате перед рабочими имели фабрика «Красный курсант», строительный трест «Вятстрой» и ряд других организаций[294].

Одной из проблем оплаты труда по новым принципам было установление так называемых «ведущих профессий». Рабочие, отнесенные к этой категории, должны были получать повышенную заработную плату. В докладе А.М. Цихона, возглавлявшего в 1930–1933 гг. Наркомат Труда СССР[295], в общих чертах были определены критерии этой категории рабочих: «К ведущим категориям надо относить лишь высококвалифицированных рабочих, которые по выполняемой работе решают успех выполнения производственной программы. Например, в угольной промышленности – забойщик, машинист врубовой машины и др.; в металлургии сталевар, литейщик и др.; в машиностроении

[294] ГАСПИ КО. Ф. П-99. Оп. 2. Д. 12. Л. 57, 59.
[295] Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители 1923–1991 гг. Историко-биографический справочник. / Сост. В.И. Ивкин. М., 1999. С. 155.

– бригадир, инструментальщик, электромонтер, наладчик, инструктор и т.д.» [296].

На практике новая система оплаты труда с учетом «ведущих профессий» выглядела следующим образом. На заводе «Вятский металлист» в 1933 г. в механическом цехе средняя зарплата рабочего была равна 108 рублям, в литейном (литейщики относились к ведущим профессиям) цехе – 115 рублей, т.е. разница в 6% [297]. Хотя имелись факты, когда к «ведущим профессиям» относили даже неквалифицированных рабочих, вследствие их недостатка на том или ином участке работы[298].

Важным нововведением в области заработной платы в 1930-е гг. стало повсеместное распространение сдельной оплаты труда, которое рассматривалось советским руководством как мощное средство для повышения производительности труда. Внедрение сдельной оплаты происходило достаточно трудно. На большинстве предприятий страны в начале 1930-х гг. охват сдельщиной не превышал 50–60%, и это был еще хороший результат[299].

Второй период, который мы выделили для анализа покупательной способности рабочего класса, отличался более эффективной политикой центральных и местных властей в сфере ценообразования. Предпосылками тому послужили отмена карточной системы и накопление государством достаточного объема товарных ресурсов.

В связи с отменой карточной системы распределения товаров потребления с 1 января 1935 г. на территории Кировского края устанавливались новые единые государственные розничные цены (табл. № 8, прилож. I). Они были зафиксированы на среднем уровне между низкими ценами нормированного снабжения и высокими ценами рынка. К примеру, цена ржаного хлеба была установлена в 1 рубль, т.е. в 2 раза

[296] Цихон А. Добьем уравниловку и обезличку. М., 1934. С. 23.
[297] ГАКО. Ф. Р-847. Оп. 1. Д. 136. Л. 8–9.
[298] Там же.
[299] Ильюхов А. Указ. соч. С. 271–272.

выше чем он стоил до отмены карточек в кооперации, но существенно ниже цены хлеба на рынке, которая доходила до 7 рублей (см. прилож. I табл. № 6) .

Цены, согласно постановлению СНК СССР от 7 декабря 1934 г. № 2684 «Об отмене карточной системы по печеному хлебу, муке и крупе и системы отоваривания хлебом технических культур», устанавливались в соответствии с поясом. Контроль над ценами на территории всей страны отныне стал функцией не только местной, но и центральной власти. Вся территория СССР была поделена на 8 поясов. Кировский край (в постановлении он еще был в составе Горьковского края) был отнесен к 3 поясу. В зависимости от пояса цена, например, на хлеб варьировалась от 80 копеек до 1,5 рублей за кг. Самые низкие цены были в 1 поясе, самые высокие – в 8 поясе. Как изменилась цена на продукты питания, можно увидеть из таблицы № 9 (см. прилож. I). Можно заметить, что единые цены централизованно устанавливались только на хлеб, муку и различные виды круп, т.е. на наиболее важные продукты для промышленных рабочих, которые ранее подлежали распределению по карточкам.

Потери денежных доходов рабочих в связи с отменой пайковых цен и переходом к более высоким единым розничным ценам были возмещены государством посредством установления «хлебных» надбавок к заработной плате[300].

По продуктам питания и промтоварам, начиная с 1935 г., неоднократно проводилось снижение цен[301]. В Кировском крае первое из них было осуществлено исполкомом Советов в октябре 1935 г., в результате чего цены на продукты в магазинах обобществленной торговли в регионе понизились в среднем на 15%.

[300] Караваева И.В. Указ. соч. С. 117.
[301] Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 3. М., 1956. С. 425−426.

Таблица № 5.

Новые единые цены на продукты питания (октябрь 1935 г.)

Товар (кг)	Прежняя цена (в рублях)	Новая цена (в рублях)
хлеб печеный ржаной (96 %)	1	0, 85
хлеб пшеничный (85 %)	2	1,70
хлеб пшеничный (96 %)	1,10	1
пшено 1 сорт	2,20	2,10
крупа греч.	4,30	4,30
крупа манная	5	4,50
рис	8	6,50
сахарный песок	6,50	5,40
макароны 1 сорта	4,30	3,50
мука ржаная.	2,10	1,60
мука пшеничная	2,60	2,40

Источник: ГАСПИ КО. Ф. П-1293. Оп. 2. Д. 13. Л. 185.

Снижение цен коснулось только государственной торговли и отразилось на важных для рабочих продуктах питания: хлебе, муке, сахаре, крупах. Цена на хлеб в среднем упала на 9–15%, на муку – на 7–24%, на сахар – на 17%, на крупы – на 10–18%.

Введение утверждённых правительством прейскурантов единых розничных цен явилось мощным фактором укрепления покупательной силы рубля и повышения устойчивости заработной платы рабочих. Розничные цены уже не могли подвергаться колебаниям в зависимости от изменения издержек торговой сети. Введение единых цен на большинство промышленных товаров привело к существенному сближению уровня оплаты труда в разных районах[302].

Политика единых цен повлекла за собой снижение цен в колхозно-крестьянской торговле в городах региона в размере от 35 до 60% (см. прилож. I, табл. № 10). К примеру, стоимость разных видов мяса в 1936 г.

[302] Майзенберг Л. Ценообразование в народном хозяйстве СССР М., 1953. С. 86.

на рынке стала ниже на 36–58% по сравнению с 1932 г., цена на масло упала на 57% (больше чем в 2 раза), на картофель – на 37,5% и т.д. К концу второй пятилетки колхозно-рыночные цены либо соответствовали ценам государственно-кооперативной торговли, либо были ниже их.

Одновременно с переходом к единым ценам на хлеб в централизованном порядке на территории всей страны было проведено повышение заработной платы для всех рабочих, независимо от размера их заработка, на сумму соответствующую вздорожанию хлеба в обобществленной торговле[303].

Однако реализация данного постановления центральной власти на местах порой проходила «со скрипом». «Сверху» первоначально не поступило никаких конкретных указаний о том, как необходимо правильно рассчитывать надбавку. На предприятиях Кировского края были зафиксированы случаи, когда положенную надбавку к заработной плате не выдавали совсем или задерживали на несколько месяцев. В частности, работникам пекарни в городе Котельниче «хлебную надбавку» не выдавали до тех пор, пока они не написали жалобу в местную газету «Ударник»[304].

В дело пришлось вмешаться профсоюзным органам. В январе 1935 г. на заседании президиума Кировского СПС было принято постановление «О проведении надбавки зарплаты в связи с отменой карточной системы на хлеб и некоторые другие продукты», в котором санкционировалась необходимость проведения массовой проверки правильности начисления надбавки к заработной плате на всех предприятиях Кировского края. К проверке были привлечены представители крайкома, профсоюзов и бригады рабочего контроля. Особое внимание предлагалось уделить

[303] Рубинштейн Г.Л. Указ. соч. С. 323.
[304] Ударник. 1935. № 75. 2 апреля. С. 4.

проверке Древокомбината и шубно-овчинного завода, к которым на том момент уже имелись претензии со стороны рабочих[305].

Во втором пятилетнем плане планировалось увеличить размер реальной заработной платы по сравнению с уровнем 1932 г. в 2 раза[306]. Удалось ли это сделать на практике? По мнению исследователя Н.Р. Коровина, в годы второй пятилетки, начиная с 1935 г. даже при снижении цен реальная заработная плата увеличилась на 50%, но при этом лишь подошла к уровню 1928 г. Зарубежный исследователь Филтзер считает, что к 1937 г. реальная зарплата в России достигла лишь 60% уровня 1928 г.[307]

Как эти утверждения соотносятся с конкретными статистическими данными по Вятской губернии / Кировской области? Если сравнивать номинальные показатели заработной платы за период первых пятилеток, то за этот период заработная плата рабочих здесь заметно выросла.

Таблица № 6.

Среднемесячная зарплата рабочих Вятской губернии / Кировской области в августе 1929, 1932, 1937 гг. (в рублях).

Название отраслей промышленности	1929 г.	1932 г.	1937 г.
Всего по промышленности	68	107	181
Черная металлургия	78	121	216
Металлообрабатывающая	73	121	197
Бумажная	86	171	171
Кожевенно-меховая	72	88	186
Пищевкусовая	69	103	167

Источник: ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 773. Л. 21.

[305] Постановление президиума Кировского СПС « О проведении надбавки зарплаты в связи с отменой карточной системы на хлеб и некоторые другие продукты» от 26 января 1935 г. // ГАКО. Ф. Р-495. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.
[306] Молотов В. Задачи 2-ой пятилетки. Доклад на XVII съезде ВКП(б). 3 февраля 1934 г. М., 1934. С. 61.
[307] Иванов Ю.М. Положение рабочих России в нач. 20-х – нач. 30-х гг. // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 38.

Анализируя данные таблицы, можно отметить, что номинальная заработная плата за годы первой и второй пятилетки увеличилась почти в 2,5 раза. Наибольший рост приходился на такие отрасли как черная металлургия (в 2,7 раза) и металлообработка (в 2,6 раза), наименьший на бумажную промышленность (в 1,98 раза).

На некоторых предприятиях Кировской области в период второй пятилетки рост заработной платы был еще более ощутим (см. таблицу № 11, прилож. I). К примеру, на фабрике КУТШО средняя заработная плата рабочего возросла за период с 1932 по 1937 гг. в 2,6 раза, на шубно-овчинном заводе − в 2,5 раза. В расчет не берутся заработки стахановцев и ударников, которые превышали средние величины порой в десятки раз.

Однако нас интересует уровень реальной заработной платы за этот период. Нужно отметить, что общий индекс потребительских цен (и в кооперативном секторе и на рынке) за годы первых сталинских пятилеток в Вятском регионе вырос более чем в 2,5 раза. Особенно существенно то, что цена на хлеб в кооперации выросла с 10,3 копеек в 1928/1929 г. до 1 рубля в 1935 г. (см. табл. № 6 в прилож. I), т.е. почти в 10 раз. На рынке рост цен был еще более значительным. На тот же ржаной хлеб цена на рынке в годы карточной системы доходила до 7 рублей (т.е. выросла в 28 раз по сравнению с началом периода). Та же картина наблюдается, если сравнивать цены на другие наиболее популярные у населения продукты питания: мясо, молоко, картофель.

Таким образом, необходимо констатировать тот факт, что реальная заработная плата рабочего Вятской губернии / Кировской области за годы первых пятилеток не только не выросла, но и снизилась, что было обусловлено ростом цен, дефицитом товаров.

По-прежнему случались факты задержки заработной платы на кировских предприятиях (например, в 1935 г. задолженность по

заработной плате перед рабочими имели такие организации, как Кирлес, Крайпромсовет, Крайлеспросоюз, Крайметаллсоюз и другие)[308]. Местное руководство, как могло, боролось с предприятиями-должниками, порой даже путем привлечения руководителей оных к судебной ответственности. Например, председатель правления Крайпромлессоюза Алтупов в 1935 г. был привлечен к уголовной ответственности за то, что допустил на своем предприятии образование задолженности по зарплате на сумму более 70 тыс. рублей[309]. Стоит заметить, что к концу второй пятилетки наметилась тенденция к увеличению реальной заработной платы. Это было связано с введением единых государственных цен и стабилизацией цен на рынке.

Существенные изменения в годы второй пятилетки произошли и в сфере ассортимента товаров. Постановлением № 35 Кировского краевого отдела внутренней торговли от 21 февраля 1936 г. «Об ассортиментном минимуме для продовольственных магазинов городской розничной сети» для продовольственных магазинов городской розничной сети был введен обязательный ассортиментный минимум товаров, то есть список товаров, которые всегда должны быть в продаже в том или ином магазине.

Было установлено три списка ассортиментных минимумов товаров: № 1 – для продовольственных магазинов города Кирова (включал в себя 88 наименований продуктов), № 2 – для крупных продовольственных магазинов городской сети (52 наименования продуктов), № 3 – для небольших продовольственных магазинов розничной городской сети (37 наименований)[310]. Кроме того, для городской сети магазинов была установлена обязанность торговать товарами повседневного спроса. Под этим понималось наличие в магазине не менее чем 10-дневного запаса сахара, кондитерских изделий, мыла (хозяйственного и туалетного),

[308] ГАКО. Ф. Р-2333. Оп. 1. Д. 29. Л. 119.
[309] Там же. Д. 28. Л. 116.
[310] ГАКО. Ф. Р-2922. Оп. 2. Д. 57. Л. 12−13.

махорки, спичек[311]. Таким способом велась борьба против дефицита товаров.

Таким образом, проанализировав ценовую политику государства и местной власти в Вятской губернии / Кировской области в изучаемый период, можно с уверенностью говорить о том, что регулированию в период карточной системы подвергалась только цена на продукты «нормированного фонда». Рыночные цены в регионе складывались в этот период по законам спроса и предложения и контролю со стороны местных властей не поддавались (хотя подобные попытки со их стороны были). Так как кооперация и госторговля не могли полностью обеспечить рабочего всем необходимым, уровень его материального достатка в значительной степени зависел от рыночных цен на товары и продукты. Заработная плата рабочих цензовой промышленности в годы первых предвоенных пятилеток, несомненно, росла, но таким образом, что рост её лишь в отдельные годы соответствовал росту цен. Во второй половине 1930-х гг. XX в. заработки рабочих позволяли им купить почти тоже количество товаров, какое они могли купить на свою заработную плату в конце 1920-х гг.

[311] ГАКО. Ф. Р-2922. Оп. 2. Д. 57. Л. 22.

1.3 Влияние уровня материального положения на политические настроения рабочих.

Продовольственный кризис в городах Вятской губернии / Кировской области 1930-х гг. не мог не отразиться на политических настроениях рабочего населения, его отношении к центральной и местной власти.

Тяжелые условия жизни в тот период в стране питали антисоветские настроения в среде городского населения, толкали людей на крайние действия. Материалы ОГПУ свидетельствуют о забастовках, эксцессах в очередях, избиениях работников кооперации, самовольном расхищении продуктов и пр. К сожалению, сложно оценить точные масштабы выступлений, хотя известно, что они охватили многие регионы страны. Крупнейшие в период карточной системы стачки прошли на текстильных предприятиях Тейкова и Вычуги Ивановской области в апреле 1932 г. и феврале 1933 г. На Урале в первом квартале 1932 г. по причине плохого снабжения прошло 10 забастовок, в апреле – еще 7. Наиболее значимой из них стала забастовка на Боткинском заводе. В ней участвовало 580 человек. Плохое снабжение стало причиной забастовок, волынок, демонстраций в Донбассе, Нижегородском крае, Черноморском округе и других местах[312].

Подобные явления фиксировались сотрудниками ОГПУ и на предприятиях Вятской губернии / Кировской области. Так, по сводкам 1929 г. рабочие Песковского завода Северо-Вятского горного округа выражали недовольство по поводу недостаточного снабжения продовольствием, в связи с чем отказывались идти на фосфоритные рудники. В частности рабочие требовали повышения нормы выдачи хлеба

[312] Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1999. С. 129.

до 30 кг в месяц. Их требования не были выполнены. В результате часть их них ушла с завода[313].

В сводках 1930 г. отмечался следующий факт: в связи с несвоевременной выдачей основных продуктов питания, в разгар строительного сезона 1930 г. часть рабочих «Вяткомстроя» покинули объекты, чем поставили под угрозу срыва все строительные работы[314].

Одна из значимых забастовок рабочих в крае случилась в 1930 г. на постройке железнодорожной ветки «Вятка-2 – Мясокомбинат – Подошвенный завод». В ней участвовали 75 рабочих, в основном, нацмены-татары из Уржумского района. На общей встрече рабочих с администрацией предприятия, представителями ОГПУ и профсоюза были установлены основные причины забастовки: снижение зарплаты в августе 1930 г. по сравнению с предыдущим периодом (с 3,93–4 рублей в день до 3,50–3,65 рублей в день), невыполнение коллективного договора администрацией (в частности, рабочим не были выданы лапти и рукавицы, они были заменены денежной компенсацией в 48 копеек, для покупки же этих вещей на рынке требовалось около двух рублей), плохое питание (один обед в сутки), дороговизна продуктов, невозможность купить что-либо в кооперации. В ходе проверки все указанные факты подтвердились, более того выяснилось, что многие из числа забастовщиков от места работы жили на расстоянии 10–15 км в деревнях, членами профсоюза не являлись, поэтому дефицитными товарами снабжались в последнюю очередь[315].

Довольно типичными формами открытого проявления недовольства являлись отказы рабочих идти на праздничные демонстрации, участвовать в соцсоревнованиях, демонстративные выходы из кооперативов и из партии. Так отказы участвовать в соревнованиях зафиксированы в 1930 г.

[313] ГАСПИ КО. Ф. П-101. Оп. 2. Д. 23. Л. 48.
[314] ГАСПИ КО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 151. Л. 213.
[315] ГАСПИ КО. Ф. П-99. Оп. 2. Д. 10. Л. 1−3.

на Омутнинском металлозаводе, на Овчинно-Шубном заводе № 3, на Кожзаводе № 2 Вятского округа[316].

Довольно распространенной формой протеста были резкие высказывания и выступления, а также жалобы на установленные нормы рабочего снабжения, на огромные очереди в магазинах, на припрятывание товаров продавцами. Например, в секретном письме ОГПУ, адресованном председателю Вятского губисполкома Недзвецкому от 4 марта 1929 г., сообщалось, что в связи с переходом на карточную систему снабжения хлебом, в промышленных районах губернии, в частности, на Омутнинском металлургическом заводе среди рабочих наблюдалось массовое недовольство и выступления на собраниях. Имели место такие высказывания: «Если сидеть голодом, так того, кто этим руководит, придти и заколоть. Если посадят в тюрьму, так хотя бы хлебом кормить буду». Наибольшее недовольство среди рабочих вызывала деятельность потребкооперации: «Навезут конфет, шоколада, что рабочие не потребляют, а самого главного нет!»[317].

По выступлениям кадровых рабочих нельзя судить о подлинном размахе социального недовольства в городах. Забастовки составляли лишь мизерную часть «продовольственных выступлений», зарегистрированных в эти годы в масштабах страны. Их большую часть представляли эксцессы в очередях. Очереди стихийно превращались в митинги и демонстрации. Крупнейшая произошла в июне 1930 г. в Новороссийске. Причиной ее стал недоброкачественный хлеб и перебои в снабжении[318].

В сводках Вятского отделения ОГПУ описываются многочисленные интереснейшие примеры эксцессов в очередях, связанные с продовольственным кризисом. Некоторые из них были обусловлены не

---

[316] Справка инфо ОГПУ об основных моментах отрицательного характера в развертывании ударного движения (по Нижкраю, УССР) 4 марта 1930 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка-Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 8. Ч. 1. М., 2008. С. 130–131.
[317] ГАСПИКО. Ф. П -1. Оп. 7. Д. 31. Л. 20.
[318] Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». С. 83.

столько продовольственным дефицитом, сколько элементарной нехваткой продавцов. Спецсводка от 26 августа 1929 г. свидетельствует о том, что огромные очереди во всех магазинах ЦРК г. Вятки летом 1929 г., были связаны с отсутствием достаточного количества работников прилавка[319]. «Создающимися очередями рабочие и служащие резко недовольны, недовольство выливается в постоянный шум, скандалы и ругань в очередях. Недовольство достигает такой степени, что приказчикам плюют в лицо»[320].

Распространенной формой выражения возмущения снабжением стали резкие высказывания в адрес местной и центральной властей. Документы хранят яркие примеры подобного поведения. «10 августа 1929 г. Куртеев, токарь чугунно-литейного завода «Вятский Металлист» во время работы второй смены говорил: «Что за власть у нас? Прошло 12 лет, а очереди не убавляются. Чтобы купить пачку папирос, надо простоять час в очереди. Чтоб им провалиться! Если не умеют управлять, лучше бы не брались, а то говорят, мы да мы, а сами как бестолочь, за что не возьмутся – ничего не выходит»[321]. «3 августа 1929 г. рабочий пенсионер фабрики «Красная звезда» Балезин Н., проживающий в слободе Дымково, в группе покупателей говорил: «Сволочи! Махорки нет, и то без книжек не дают, скоро ли война будет, хоть убрали бы эту власть. Житья никому не дает. Дошло уже до того, что ничего не стало ни в магазинах, ни на рынке»[322].

Часто в очередях высказывались претензии к руководству магазинов ЦРК. 20 августа 1929 г. в группе покупателей магазина ЦРК г. Вятки рабочий железнодорожных мастерских говорил: «Частников прижимают, а сами не могут удовлетворить спрос населения. В магазинах решительно ничего нет. Сразу как-то ничего не стало, должно быть это перед войной.

[319] ГАСПИ КО. Ф. П-101. Оп. 2. Д. 23. Л. 47.
[320] Там же.
[321] Там же.
[322] Там же.

Правление ЦРК занимается бюрократизмом, дельного у них ничего нет. Прикрепление потребителей к магазинам не могут урегулировать. К магазину № 1 столько прикреплено, что вечно большие очереди и нехватка товаров. В других магазинах и есть товар, но не дают, говорят – «Не сюда прикреплен» – вот и приходиться бегать по городу. Не знаешь, оставаться ли прикрепленным к магазину № 1, или переходить куда. Засиделись кооператоры, забюрократились, и на постановку дела внимания не обращают»[323].

Свое неудовольствие покупатели могли выражать также в письменной форме. На основании постановления коллегии Наркомторга РСФСР от 28 июля 1928 г. во всех торговых учреждениях в обязательном порядке появились жалобные книги[324]. Получить жалобную книгу покупателю, правда, было нелегко. За каждую жалобу работников торговли и бытового обслуживания, что называется, «наказывали рублем». Приходилось хитрить. Вывешивали, например, в магазине такое объявление: «Книга жалоб и предложений находится у дежурного администратора вышестоящей организации райпищеторга»[325].

Недовольство населения вызывало не только плохое снабжение, но и неравенство в иерархии централизованного распределения. Периферия требовала «снабжать наравне с Москвой». Те, кто работал на небольших предприятиях и неиндустриальных производствах, угрожали оставить свои рабочие места, перейти в отрасли тяжелой индустрии[326]. Крестьяне завидовали рабочим, пользовавшимся государственным покровительством. Те, в свою очередь, злились на крестьян за высокие рыночные цены и желание нажиться на дефиците товаров[327].

---

[323] ГАСПИ КО. Ф. П-101. Оп. 2. Д. 23. Л. 48.
[324] ГАКО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 456. Л. 16.
[325] Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1930–1940-е годы. М., 2008. С. 125.
[326] Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». С. 84.
[327] Лившин А. Настроения и политические эмоции в Советской России 1917–1932 гг. М., 2010. С. 192.

Противоречия между этими категориями населения особенно остро проявлялись, когда крестьяне устраивались на предприятия и вступали в контакт с потомственными рабочими. В документах эти две категории обозначались иногда как «новые рабочие» и «старые рабочие». Бывшие крестьяне были еще достаточно тесно связаны с землей, иногда больше чем с фабрикой, в результате чего считали себя «временными людьми» на предприятиях. С их стороны имели место случаи ухода «на покос», «на жнитво». Это вызывало раздражение «старых рабочих», которые часто относились с пренебрежением к пришельцам. В Вятских железнодорожных мастерских в 1929 г. работавших там крестьян называли «филейскими волками», так как они «не работают, а всё в хозяйство свое смотрят». Со стороны бывших крестьян, когда их собиралось много на одном заводе, отмечались случаи травли рабочих-ударников[328].

Внутри самого рабочего класса также возникали конфликты из-за неравного снабжения. Так в 1929 г. среди рабочих фабрик и заводов города Вятки наблюдалось недовольство лучшим снабжением железнодорожных рабочих и служащих, обслуживавшихся в магазинах «Транспортного потребительского общества» (ТПО). Недовольство нередко переходило в проявления антисоветских настроений[329].

Не всегда доброжелательно рабочие предприятий относились к ударникам, по причине того, что они лучше снабжались дефицитными товарами, а в столовых их кормили хорошим обедом. Рабочий-ударник одного из предприятий города Вятки так высказывался по поводу этой ситуации в 1931 г.: «Хотя я и ударник, но по ударному билету ничего нигде не получаю, так как мне стыдно перед другими рабочими. Мы все рабочие, рядом стоим у станка, а обед выдают разный, в результате питающийся хуже будет смотреть на тебя волком»[330].

[328] ГАСПИ КО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 142. Л. 37.
[329] ГАСПИ КО. Ф. П-101. Оп. 2. Д. 23. Л. 48.
[330] ГАСПИ КО. Ф. П-99. Оп. 2. Д. 12. Л. 67.

Стремясь не допустить перерастания подобного недовольства в крупные конфликты местное руководство накануне знаменательных дат и важных событий, стремилось максимально сгладить ситуацию с дефицитом товаров. Так, например, в октябре 1929 г. от Нижегородского Крайторготдела в Вятский горсовет поступило указание, о том, чтобы в связи с предстоящим перезаключением колдоговоров и приближением праздника 12-годовщины Октябрьской Революции избежать политических конфликтов, органам местной власти необходимо уделить максимальное внимание снабжению рабочих продуктами питания. С этой целью рекомендовалось дать телеграмму-наряд мельнице им. Ст. Халтурина на отпуск дополнительных 14 вагонов муки[331].

Необходимо отметить, что местная власть негативную реакцию рабочих на продовольственные затруднения старалась отслеживать и реагировать. Публичные проявления антисоветских настроений рабочих в связи с проблемами снабжения фиксировались органами ОГПУ и доводились до сведения партийного руководства. Важность фиксации подобного рода настроений объяснялась тем, что недовольные продовольственной политикой слои населения часто пополняли ряды сторонников оппозиционного течения в партии, получившего название «правый уклон»[332].

Меры, которые использовались для борьбы с негативной реакцией населения, в этот период были различны. Перед каждым значительным шагом, который, так или иначе, отражался на продовольственном снабжении рабочих, на предприятиях силами профсоюзного актива устраивались собрания, где разъяснялись цели и суть предстоящих преобразований[333]. Большое распространение в городе Вятке, например, в этот период получили так называемые «вечера вопросов и ответов», на

[331] ГАКО. Ф. Р-4. Оп. 4. Д. 3. Л. 3.
[332] Шарабаров П.Н. «Правый уклон» в социально-политической жизни Вятского региона в 1928–1933 гг.: автореф. …канд. ист. наук. Ижевск, 2010. С. 19.
[333] ГАКО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 444. Л. 201.

которых администрация магазинов и руководство местного торготдела отвечали на вопросы покупателей. Вопросы задавались самые разные: «Почему продавцы ходят в грязных халатах?»; «Правда ли, что в хлебопекарне № 1 добавляют в хлеб опил?»; «Почему продается черствый хлеб, особенно булки?»; «Почему ни в одном магазине города Кирова нет суконных шерстяных костюмов?» и т.д.[334]

Серьезное внимание уделялось ликвидации недостатков обслуживания рабочих в магазинах кооперации. Самый главный недостаток − это очереди, которые создавались за счет неграмотной организации торговли. Еще в декабре 1928 г. при Вятском губторготделе состоялось совещание торгующих организаций по вопросу о рационализации торговли. В этот период в магазинах существовал такой порядок продажи товара: «покупатель у прилавка справлялся о ценах на товары, затем становился в очередь к кассе, и потом, заплатив деньги, вновь становился в очередь за товаром»[335]. Таким образом, чтобы купить любую, пусть даже самую пустяковую вещь в магазине, рабочий был вынужден отстоять в трех очередях.

В очередях часто действовал эффект толпы, когда условия большого скопления народа и длительного ожидания провоцировали всплеск агрессии и антисоветских настроений в их среде. Для решения проблемы очередей использовались такие меры, как правильное распределение товаров по магазинам, расширение помещений самих магазинов, открытие ларьков по торговле дефицитными товарами и организация доставки товаров рабочим на дом[336]. Правда, нужно отметить, что эти меры имели незначительный эффект.

Для борьбы с недовольными использовалось также публичное осуждение их на партсобраниях и через газету, а также меры финансового

[334] ГАКО. Ф. Р-2922. Оп. 2. Д. 2. Л. 5.
[335] Вятская правда. 1929. № 9. 12 января. С. 4.
[336] ГАКО. Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 150. Л. 12.

наказания, такие как лишение премии, хлебной карточки др.

Возможно, благодаря такой реакции скрытые проявления недовольства рабочих властью и его политикой преобладали над открытыми формами, а крупных выступлений в Вятском регионе удалось избежать.

Таким образом, в годы первой и второй пятилеток существенное влияние на материальное положение рабочего класса оказывала карточная система распределения основных продуктов питания. Введенная по причине продовольственных затруднений и призванная защищать интересы рабочего класса в Вятской губернии / Кировской области она привела к дефициту товаров, значительному росту цен на рынке, снижению уровня покупательной способности рабочих и, как следствие, к появлению в их среде признаков недовольства властью и существующим строем. Меры, которые принимались местными органами власти самостоятельно или по указаниям «из центра» для изменения ситуации оказались неэффективны вплоть до отмены карточек. Отмена карточной системы позволила руководящим органам остановить рост цен, наладить снабжение, повысить заработную плату промышленным рабочим. К концу периода второй пятилетки наметилась тенденция на повышение материального благосостояния рабочих региона, хотя уровня конца 1920-х гг. достичь не удалось.

Глава II. Уровень развития жилищно-коммунальной и медицинской сферы в Вятской губернии / Кировской области и его влияние на социальное положение рабочих в 1928−1937 гг.

2.1 Жилищный вопрос и его решение в Вятской губернии / Кировской области.

Потребность в жилье относится к числу естественных материальных потребностей человека, требующих первоочередного удовлетворения, наряду с потребностью в пище и отдыхе. Жилище связано с чувством защищенности и надежности и является одним из наиболее важных критериев уровня жизни человека.

Положение, которое сложилось к концу 1920-х годов в жилищной сфере, можно охарактеризовать, как жилищный кризис. Проблема жилья была одной из главных в 1920–1930-е гг. XX в. для большинства городов советского государства и была связана, с одной стороны, со скудостью жилищного фонда дореволюционной России, с другой – с последствиями 7-летней войны и, наконец, – с большим притоком населения из деревень, в связи с начавшейся индустриализацией. Особенно тяжело было с жильем для рабочих, так как именно в их ряды вливалось большинство новоиспеченных горожан.

Жилищный фонд дореволюционной России был невелик: в 1913 г. в городах он составлял 180 млн. кв. м. К тому же большая часть жилого фонда была неблагоустроенной. Плохие жилищные условия были источником многочисленных заболеваний частых эпидемий, одной из причин высокой смертности среди городского населения[337].

Весь жилой фонд СССР составлял на начало первой пятилетки (1928 г.) 162 460 тыс. кв. м, т.е. был еще меньше дореволюционного[338]. А

[337] Левский А.А. На путях решения жилищного вопроса в СССР // История СССР. 1962. № 4. С. 3−4.
[338] Филин Г. Вопросы жилищного строительства в СССР // Советское строительство. 1934. № 11. С. 37.

общая численность городского населения в тот период (по данным переписи 1926 г.) равнялась 25 748,5 тыс. чел.[339] На одного городского жителя приходилось в среднем около 6,3 кв. м жилплощади. Данные 1929 г. (из доклада председателя Госплана Г.М. Кржижановского) рисуют еще более удручающую картину – 5,7 кв. м на человека, т.е. почти в 1,5 раза меньше установленной «голодной» санитарной нормы в 8 кв. м на человека[340]. Санитарная норма жилой площади была установлена в стране в 1919 г. в размере 8,25 кв. м на одного человека (Постановления СНК от 16 июня 1919 г. «О санитарной охране жилищ»).

Жилищная теснота была не единственным проявлением общего кризиса жилищного хозяйства в стране. Не менее остро стояла проблема качества жилых помещений. Даже в столице в конце 1920-х гг. наличный жилой фонд требовал капитального ремонта и больших вложений. Был велик процент разрушающихся жилищ, в домах, особенно на окраинах, отсутствовали элементарные удобства: отопление, электричество, водопровод[341]. В старых городах коммунальные службы выбивались из сил под гнетом внезапного прироста населения, повышающихся запросов промышленности и скудного бюджета. Новым промышленным городам, приходилось еще хуже, поскольку там коммунальное хозяйство начиналось с нуля[342]. Жилищный кризис особенно больно ударял по рабочим, которые наполнили города в период индустриализации.

В Вятской губернии, как и в целом по стране, жилищная ситуация в городах на начало первой пятилетки была крайне неблагоприятной. Основными проявлениями жилищного кризиса были: жилищная теснота, отсутствие жилья для вновь прибывающих в поисках работы людей,

---

[339] Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека молчания (Всесоюзная перепись 1937 г.) // Социс. 1990. № 8. С. 10.

[340] Кржижановский Г. Основные строительные линии пятилетнего народно-хозяйственного плана // Советское строительство. 1929. № 5. С. 17-18.

[341] Кузнецова Т.В. К вопросу о путях решения жилищной проблемы в СССР. Революционный жилищный передел в Москве // История СССР. 1965. № 5. С. 146−147.

[342] Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. М., 2008. С. 64.

тяжелые бытовые условия, крайняя изношенность жилого фонда, малая благоустроенность жилищ[343]. Рост промышленности и городов обострил жилищную проблему. Строительство велось в основном в городах, где создавались заводы. В начале периода в городах Вятской губернии строилось в основном ведомственное жилье с минимальными удобствами[344].

Об остроте сложившейся здесь ситуации с жильем на начало первой пятилетки свидетельствуют следующие показатели:

Таблица № 7.

Благоустройство городов Вятской губернии в 1928 г.

Типы городских поселений	**На 1 чел. приходится жилой площади (кв. м)**	**На 1 комнату приходится жителей**	**% населения пользующегося водой из домовых ответвлений водопровода**	**% населения, пользующегося электрическим освещением.**
Вятка	**5,3**	**3,1**	**46,9**	**60,9**
Уездные города	**5,9**	**3,1**	**11,1**	**40,5**
Поселения городского типа	**7,7**	**3,1**	**0,6**	**34,6**
По губернии	**5,9**	**3,1**	**24,5**	**47,3**

Источник: Шубин Р.Е. Жилищные условия городского населения Вятской губернии // Вятское хозяйство. 1929. № 3. С. 67**.**

Анализируя приведенные выше данные можно заключить, что вятские рабочие цензовой промышленности в тот период проживали в основном в жилищах неблагоустроенного типа, небольшой площади. Обращает на себя внимание тот факт, что электричеством пользовались менее половины городского населения губернии. Другой элемент благоустройства – водопровод, имелся лишь у четверти населения, и это

[343] Большаков С. Д. В буднях великих строек. Котельнич, 2004. С. 43

[344] Кашина В.М. Индустриализация в Кировском крае (области): замыслы и итоги. // Энциклопедия Земли Вятской. Т.10. Ч. 2: Промышленность. Киров, 2008. С. 149.

были, в основном, жители города Вятки. Особенно неблагоприятным фактором являлась чрезвычайная плотность проживания. Средний размер жилплощади на одного человека по губернии составлял 5,9 кв. м – 64,8% нормы. Другой показатель плотности – число жителей на комнату, также свидетельствовал о перенаселенности квартир: при среднем размере комнаты 17,2 кв. м в ней, как правило, проживала семья в составе трех человек[345]. Если сравнивать жилищные условия рабочих в Вятской губернии 190-х гг. с дореволюционными, то разница была не такой уж большой. По данным обследования рабочих предприятий, подлежавших учету, в Вятской губернии в начале XX в. 40% рабочих жили в заводских казармах, 10% ночевали непосредственно в цехах[346].

В каждом городе и рабочем поселке губернии была своя специфика жилищной проблемы. Самая тяжелая ситуация с жильем была в Вятке, Котельниче и Омутнинске, на тот момент наиболее промышленно развитых городах Вятской губернии. О том, сколько в среднем приходилось жилплощади на жителя различных городов Вятской губернии можно судить по данным таблицы № 1 (см. прилож. II). Из приведенных данных видно, что ни в одном городе Вятской губернии средняя норма жилплощади не соответствовала санитарным требованиям (8 кв. м., согласно постановлению СНК «О санитарной охране жилищ»). Наилучшее положение с жильем было в Яранске (6,1 кв. м. на человека).

В губернском центре на начало 1928 г. проживало 63743 человека, а общая жилая площадь в городе составляла 338076 кв. м[347]. Окраины города Вятки, слободы и другие пригороды, заселенные преимущественно рабочими и их семьями, испытывали наибольшую жилищную тесноту (слобода Кстининская – 3,0 кв. м на человека, слобода Ежовка – 3,5 кв. м, слобода Бобровская – 4,0 кв. м, деревня Шевели 3,7

[345] Шубин Р.Е. Указ. соч. С. 67.
[346] Фельдман М.А. К вопросу о материальном положении рабочих Урала к 1914 г. // Документ. Архив. Современность: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2002.С. 167.
[347] ГАКО. Ф. Р-877. Оп . 1. Д. 126. Л. 55.

кв. м и т.д.). В среднем по городу среди рабочего населения норма жилплощади на человека была равна 4,67 кв. м, из них на одиноких рабочих приходилось 5,13 кв. м, а на семейных – 4,12 кв. м [348].

Так же остро на начало 1929 г. в городе Вятке обстояло дело с водопроводом и электроснабжением. Вятский водопровод был построен более 30 лет назад. Питание его производилось ключами, которые были загрязнены в связи с тем, что в городе отсутствовала канализация. Воды не хватало, так как мощность ключей была недостаточна. Отдельные районы испытывали перебои в водоснабжении. Документы свидетельствуют о том, что даже городская общественная баня (одна на весь город) вынуждена была в середине дня прерывать работу из-за недостатка воды. Не лучше обстояло дело и с электроснабжением. Городская электростанция имела мощность 450 кВт, хотя потребность составляла 1000 кВт[349].

Даже простое поддержание в приличном состоянии уже имеющегося жилищного фонда, пришедшего в упадок еще в годы Первой мировой и гражданских войн, представлялось в это время трудноразрешимой задачей. В отчете о работе Вятского городского совета за 1928 г. сообщалось, что жилищный фонд города Вятки требовал капитального ремонта, который обошелся бы в сумму свыше 1 млн. рублей. Так как указанной суммы в бюджете города не было, ремонтные работы производились только в самых неотложных случаях. Для наилучшей эксплуатации жилищного фонда и, чтобы привлечь население к управлению домовым хозяйством, губернский жилсоюз (жилищный кооперативный союз, объединявший отдельные жилищные товарищества) провел укрупнение жилищно-арендных кооперативных товариществ. Также в целях ослабления жилищного кризиса горсовет осуществил

[348] Отчет Вятского губернского исполнительного комитета. Вятка, 1929. С. 187.
[349] ГАКО. Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 120. Л. 27.

уплотнение некоторых учреждений, и часть из них была перенесена в уездные города[350].

В Котельниче свой вклад в развитие жилищного кризиса внес пожар 1926 г., который уничтожил 2/3 города и оставил без крыши над головой около 7 тыс. человек. Масштаб разрушений даже поставил вопрос о дальнейшей судьбе города – предполагалось оставить его поселком. Находились сторонники строительства города на другом месте, но председатель уездного исполкома В.Г. Ванеев во всех инстанциях добивался незамедлительного восстановления города на том же месте, а также получения максимального количества средств на строительство[351].

По материалу стен и этажности в уездных городах Вятской губернии в 1928 г. преобладали одноэтажные (73,9% от общего числа жилых домов) и деревянные дома (86%). В городе Омутнинске, например, не было ни одного каменного жилого дома[352].

Исторически сложившиеся жилищно-бытовые условия большинства горожан Вятской губернии на этом этапе не выдерживали никакой критики. Так, к началу 1928 г. около 100 рабочих-кожевников завода им. Ленина в Вятке жили прямо в помещении завода, в сырости и грязи. С них даже брали квартплату[353]. Многие располагались в близлежащих деревнях, другие – в сырых и тесных подвалах[354], в переполненных бараках, в которых не хватало воздуха, было грязно и сыро[355]. Построенные по типу временных пристанищ вокруг возводимых заводов и фабрик, часто без необходимой санитарно-гигиенической проверки мест застройки, – бараки стали постоянным местом обитания многих миллионов рабочих семей. Лишь при некоторых заводах были общежития

[350] Горсовет дает отчет: Что сделано для смягчения жилищного кризиса? // Вятская правда. 1929. № 5. 6 января. С. 2.
[351] Большаков С.Д. История города Котельнича. Котельнич, 2006. С. 80.
[352] Пятилетний план Вятской губернии. Вятка, 1929. С. 9.
[353] Загвоздкин Г.Г. Триумф и трагедия 30-х годов. // Энциклопедия земли Вятской. Т. 4: История. Киров, 1995. С. 372.
[354] Вятская правда. 1929. № 51. 8 марта. С. 3.
[355] ГАКО. Ф. Р-1043. Оп. 1. Д. 21. Л. 231.

(кожзавод им. Коминтерна, Вятский Металлист и др.)[356]. Однако мест в общежитиях хватало далеко не всем желающим.

Следствиями и непосредственными проявлениями кризиса стали: «текучесть» кадров на предприятиях и учреждениях[357], отказ участвовать в соцсоревнованиях, резкие высказывания и выступления против власти[358], снижение производительности труда (т.к. часть рабочих вынуждена была добираться на работу за 5–8 км от места работы)[359].

Из спецдонесений ОГПУ: «Жилищный кризис на спичфабрике «Белка» сильно отражается на развертывании соцсоревнования. 12 декабря на собрании по вопросу соцсоревнования рабочие высказывались: «Хорошо соревноваться, но только тем плохо, что нет хороших условий для этого. Пройдешь с квартиры 12-14 верст – утомишься, так тут уж не до соревнований. Лишь бы смену проработать. Надо сначала устроить нас с квартирами, а потом уж мы соревноваться будем»»»[360].

Ужасающие жилищные условия проживания рабочих были характерны не только для Вятской губернии. В соседней Вотской автономной области ситуация с жильем для рабочих была еще более удручающей. В городе Ижевске, к примеру, в декабре 1929 г. на человека приходилось в среднем всего 3,5 кв. м жилой площади[361].

С конца 1920-х гг. решение жилищной проблемы оказалось в числе приоритетных направлений деятельности советского руководства, хотя реальные возможности страны на тот момент пока еще оставались весьма скромными. При разработке первого пятилетнего плана руководящие

---

[356] ГАКО. Ф. Р-1043. Оп. 1. Д. 21. Л. 233.
[357] Большаков С.Д. В буднях великих строек. С. 43.
[358] ГАСПИ КО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 23. Л. 54.
[359] Куклин В.Г. Очерки вятской кожевенной промышленности // Вятское хозяйство. 1930. № 3. С. 12.
[360] Спецсводка «О ходе социалистического соревнования и политических настроениях рабочих, в связи с ними, на предприятиях Вятского округа на 22 декабря 1929 г. // ГАСПИ КО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 23. Л. 54−56. (Пунктуация и стиль первоисточника сохранены).
[361] Бехтерева Л.Н. Личное хозяйство и быт ижевских рабочих в 1920-е гг. (на материалах архивов Удмуртии) // http://www.gasur.ru/events/conferences/2007/01/materials/12.php.

органы исходили из указаний XV съезда партии о необходимости увеличения объема жилищного строительства[362]. Первый пятилетний план обещал повысить жилую площадь городского населения до 6,30 кв. м, а рабочих промышленности – до 7,3 кв. м на человека, планировалось и повышение комфортности жилья[363].

На тот момент существовало три варианта пополнения жилищного фонда страны: государственное, кооперативное строительство, а также оказание государственной помощи в индивидуальном решении этого вопроса, прежде всего, путем предоставления стройматериалов[364].

В принятом 4 января 1928 г. постановлении ЦИК и СНК СССР «О жилищной политике» были сформулированы её основные принципы на предстоящий период: повышение темпов строительства новых жилищ, удешевление жилищного строительства, максимальное накопление средств внутри самого жилищного хозяйства, в частности, за счет квартирной платы, возможно большее привлечение частного капитала, укрепление и развитие кооперативного жилищного строительства[365]. При этом явный акцент делался на последнем пункте.

Осуществлением правительственной политики в области строительства рабочих жилищ, а также наблюдением за выполнением плана рабочего жилищного строительства занимался с 1928 г. Народный Комиссариат Труда Союза ССР и народные комиссариаты союзных республик[366]. Кроме того, на основании приказа ВСНХ СССР № 628 от 12 апреля 1927 г. был образован Строительный комитет (Стройком) при президиуме ВСНХ СССР, который просуществовал вплоть до 9 апреля

[362] Левский А.А. На путях решения жилищного вопроса в СССР. С. 9.
[363] Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк, 1952. С. 125.
[364] Исаев В.И. Быт рабочих Сибири.1926–1937 гг. Новосибирск, 1988. С. 42.
[365] Известия ЦИК, СНК. 1928. № 16. 19 января. С. 1; Бессонова О.Э. Жилье: рынок и раздача. Новосибирск, 1993. С. 74.
[366] Постановление ЦИК и СНК СССР «О жилищной политике» от 4 января 1928 г. // Известия ВЦИК. 1928. № 16. 19 января. С. 5.

1930 г.[367]. В 1928 г. Стройком РСФСР возглавил М. Гинзбург, под руководством которого началось проектирование и строительство новых домов для рабочих. Предполагалось жестко ограничить их типологическое разнообразие[368].

Поиски путей решения жилищного кризиса всерьез занимали руководителей местных органов власти. Проблема поднималась на губернском съезде Советов, на заседаниях губкома ВКП(б), губисполкома на съездах местных профсоюзных организаций. Еще до включения территории Вятской губернии в состав Нижегородского (Горьковского) края в первом перспективном плане развития Вятской губернии были намечены основные пути решения вопроса. Основным из них должно было стать существенное увеличение темпов жилищного строительства, главным образом за счет увеличения объемов государственного и кооперативного строительства жилья[369]. По городу Вятке планировалось достичь нормы 6 кв. м жилой площади на человека[370]. На XIX Вятской губернской партийной конференции ВКП(б) ставилась задача по ускорению процесса вовлечения рабочих в жилищную кооперацию[371].

Была также создана стройная система государственных органов регулирования и контроля на местах в виде комиссии по строительству при СТО (совет труда и обороны), республиканских комитетов и местных управлений строительного контроля[372]. На управления строительного контроля, организованных на основании положения ВЦИК и СНК от 27 февраля 1928 г. вместо прежних управлений губернских инженеров, были возложены очень серьезные задачи такие как: подготовка проектов,

---

[367] РГАЭ. Ф. Р-5751. Оп. 1. Д. 1. Л. 288; Сборник постановлений и приказов по промышленности ВСНХ СССР. Вып. № 13. М.–Л., 1927. С. 51.
[368] Близнакова М. Советское жилищное строительство в годы эксперимента. 1918–1933 гг. // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история / Сост. и ред. У. Брумфилд и Б. Рубл. М., 2001. С. 65.
[369] Пятилетний план Вятской губернии. С. 141.
[370] ГАКО. Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 21. Л . 44.
[371] Резолюции и постановления XIX Вятской губернской конференции ВКП(б). Вятка, 1928. С. 15.
[372] Белоусов В. Основные моменты регулирования строительства // Жилищная кооперация. 1929. № 5. С. 13.

контроль над производством строительных работ и другие[373]. Разработка основных мероприятий по содействию рабочему жилищному строительству была сосредоточена при губернском отделе труда Вятского исполкома Советов. Кроме этого, на последний было возложено наблюдение за правильным поступлением, хранением и использованием средств на рабочее жилищное строительство, отчисляемых из фондов улучшения быта рабочих и служащих промышленными, торговыми, кооперативными, кредитными и другими предприятиями и учреждениями[374].

С момента образования округов (теперь уже в составе Нижегородского края), вновь созданные органы власти также активно занялись поисками путей решения жилищного кризиса. На Вятском Окружном съезде Советов в июле 1929 г. председатель исполкома И.П. Колпаков в докладе, посвященном характеристике региона отмечал, что «квартирный вопрос в округе действительно стоит остро, но не катастрофически». Не отличалась новизной и предлагаемая им мера смягчения этой проблемы – политика уплотнения[375]. Вместе с тем, одним из перспективных направлений по выходу из жилищного кризиса, по мнению региональных властей, оставалось стимулирование процесса развития рабочей жилищной кооперации.

Жилищная кооперация – детище Октябрьской революции. До революции этого вида кооперации не существовало вовсе. Её появление было связано с тем, что ресурсы молодого государства были крайне ограничены, и за счет организации кооперативных товариществ государство рассчитывало привлечь на нужды строительства средства населения[376]. Жилищные кооперативы были основаны на долевом участии

[373] ГАКО. Ф. Р-877 Оп. 1. Д. 122. Л. 31.
[374] Там же. Д. 121. Л. 102.
[375] Там же. Д. 1. Л. 5.
[376] Сатрапинский. На жилищном фронте // Спутник большевика. 1928. № 3. С. 18−19.

жильцов в строительстве и эксплуатации домов. Их возникновение в СССР началось с 1921 г.[377].

Декретом от 19 августа 1924 г. «О жилищной кооперации» было установлено три её вида[378]: 1) жилищно-арендные кооперативные товарищества (ЖАКТ), призванные арендовать жилые дома у местных Советов и предоставлять жилую площадь в этих домах своим пайщикам[379]; 2) рабочие жилищно-строительные кооперативные товарищества (РЖСКТ), имевшие своей целью строительство новых и восстановление разрушенных домов (членами таких кооперативов могли быть только рабочие); 3) общегражданские жилищно-строительные кооперативные товарищества (ЖСКТ), объединяющие все слои населения, которые могли создавать кооперативы без прямой поддержки государства[380].

РЖСКТ (рабочие жилищно-строительные кооперативные товарищества) имели значительные льготы, прежде всего, в получении долгосрочных банковских кредитов от государства на чрезвычайно выгодных условиях[381]. Так государство гарантировало им получение банковских ссуд (долгосрочного кредита) при условии, что кооперация накопит собственных средств в размере 10% по отношению к заемным. На каждый рубль собственного капитала правительство давало 9 рублей долгосрочной ссуды кооперативу[382]. Главная задача жилищной кооперации заключалась в том, чтобы пробудить инициативу широкой общественности, объединить разрозненные усилия и средства, содействуя тем самым ускорению темпов жилищного строительства. Однако жилищные кооперативы не превращалась тем самым в строительные

[377] Хиценко Е.В. Социально-экономические проблемы развития архитектуры кооперативных жилых зданий г. Новосибирска в 1920-е гг. // Известия высших учебных заведений. Строительство. 2006. № 5. С. 99.
[378] Бессонова О.Э. Жилье: рынок и раздача. С. 73.
[379] Горлов В.Н. Жилищный вопрос как социальная проблема. Из истории создания ЖСК // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 1. С. 263.
[380] Бессонова О.Э. Жилье: рынок и раздача. С. 73.
[381] Сатрапинский. На жилищном фронте. С. 19.
[382] Там же. С. 19.

конторы. Основными застройщиками по-прежнему оставались хозяйственные организации и местные Советы[383].

Советское правительство предоставляло рабочим кооперативам значительные льготы в получении кредитов на строительство. РЖСКТ получали ссуды в размере 80–87% стоимости домов, причем на чрезвычайно длительные сроки – до 60 лет. Кроме того, по типовому уставу РЖСКТ, утвержденному 15 сентября 1928 г., паевые взносы членов товариществ могли оплачиваться не только деньгами, но и строительными материалами, строениями, личным трудом и т.п.[384] К тому же жилищно-арендные и рабочие жилищно-строительные кооперативные товарищества освобождались от уплаты подоходного налога[385].

Однако на практике реализация политики стимулирования жилищной кооперации столкнулась с целым рядом проблем. На 1 января 1928 г. в Вятской губернии действовали 7 РЖСКТ и 40 ЖАКТов.

Таблица № 8.

Количество жилищных кооперативов и их членов в Вятской губернии на 1 января 1928 г.

	РЖСКТ	членов	ЖАКТ	членов
Вятка	4	444	39	897
Слободской	-*	-	1	38
Котельнич	2	182	-	-
Омутнинск	1	нет данных	-	-

-* – не было ни одного.

Источник: ГАКО. Ф. Р-877. Оп. 1 Д. 121. Л. 61–63.

Исходя из данных таблицы, можно сделать вывод, что в 1928 г. рабочая жилищная кооперация в Вятской губернии не была слишком популярна. Самое большое число строительных кооперативов было в Вятке. Жилищно-арендная кооперация, занимавшаяся обслуживанием жилищного фонда, получила большое распространение, но только в

[383] Левский А.А. На путях решения жилищного вопроса в СССР. С. 8.
[384] Горлов В.Н. Указ. соч. С. 263.
[385] Жилищная кооперация. 1929. № 5. С. 32.

городе Вятке. Причины подобного плачевного положения назывались в «Отчете правления Вятгубжилсоюза о работе за 1928 г.» перед Вятским губкомом ВКП(б): недостаточность средств, как самих жилкооперативов, так и отпускаемых кредитов на новое строительство и ремонт, новизна дела, и, вместе с тем, частое изменение законодательства в области жилкооперации и эксплуатации жилфонда. В качестве главной причины фигурировало «случайное, с большим трудом получаемое кредитование» со стороны центральных органов. Как сообщалось в отчете, «центр вначале совершенно исключил Вятскую губернию из плана кредитования, и только после многочисленных поездок членов правления Союза в Москву удалось добиться отпуска средств»[386].

Для жилищного кредитования кооперации были созданы специальные банковские структуры – в 1925 г. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства (Цекомбанк) с отделениями на местах[387]. Вятской губернии с 1927 г. работал Вятский Коммунальный банк, как местное отделение Цекомбанка, целью деятельности которого была выдача долгосрочных и краткосрочных кредитов на нужды местного коммунального хозяйства, жилищного строительства и всех видов культурно-бытового строительства. Банк создавался как смешанное акционерное общество, учредителями которого являлись Вятский губернский исполнительный комитет Советов (ему должно было принадлежать не менее 51% акций), Вятский ЦРК, Вятский союз потребительских обществ, городское жилищно-строительное кооперативное товарищество, губернский союз молочных артелей[388]. В 1929 г. Вятский коммунальный банк был переименован в Вятское отделение Нижегородского краевого коммунального банка, в 1935 г. – в Кировскую краевую контору Коммунального банка, в декабре 1936 г. – в

[386] ГАСПИ КО Ф. П-2. Оп. 1. Д. 28. Л. 34, 38.
[387] Левский А.А. На путях решения жилищного вопроса в СССР. С. 7.
[388] ГАКО. Ф. Р-374. Оп. 1. Д. 71. Л. 19, 47.

Кировскую областную контору Коммунального банка. В обязанности Коммунальных банков с середины 1930-х гг. стали входить также учет и обследование строек, на которые банки выдавали ссуды[389].

В Вятской губернии в 1928 г. местные кооперативы имели возможность получения кредита под 3% годовых сроком на 20 лет. Уже в 1929 г. процент по кредиту для них был снижен до 1–2%, а срок кредита увеличен до 40 лет[390].

Однако столь выгодные для рабочих условия порой действовали только на бумаге. Чрезвычайно сложной была процедура выдачи кредита – сумма утверждалась сначала в Москве, затем местный губисполком Советов давал распоряжение на выдачу ссуды Вятскому Коммунальному банку. Деньги поступали в Вятский губжилсоюз, который затем распределял ее между отдельными кооперативами[391].

В годы нахождения городов бывшей Вятской губернии в составе Нижегородского края получить необходимые средства на строительство рабочим кооперативам Вятского региона стало еще сложнее. Нижегородский краевой жилсоюз при распределении средств часто оказывал предпочтение кооперативам других территориальных образований. К примеру, в 1930 г. Нижкрайжилсоюз выделил на строительство Вятскому округу ссуду в 180 тыс. рублей, Котельническому округу – 25 тыс. рублей, тогда как Вотская автономная область получила 300 тыс. рублей, несмотря на то, что, по мнению Вятского жилсоюза, потребность в жилье для рабочих там была значительно ниже[392].

По причине недостаточного финансирования строительство в годы первой пятилетки в городах региона кооперативами велось в основном деревянное. Возводились преимущественно одноэтажные и двухэтажные дома. По своему качеству и удобству квартиры оставляли желать много

[389] ГАКО. Ф. Р-374. Оп. 1. Д. 71. Л. 19, 47.
[390] ГАСПИ КО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 28. Л. 38.
[391] ГАКО. Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 120. Л. 156.
[392] Там же. Л. 47.

лучшего: в них не было ни канализации, ни водопровода, а отопление, как правило, печное. В среднем стоимость квартиры с жилой площадью в 36 кв. м колебалась от 3 до 4 тыс. рублей. Рабочему нужно было накопить пай в 300–400 рублей, прежде чем въехать в квартиру[393]. Ежемесячные взносы после въезда в квартиру варьировались в зависимости от кооператива, но были обычно не выше платы за жилье в муниципализированных учреждениях[394].

Количество товариществ за все предвоенное десятилетие на территории Вятской губернии / Кировской области почти не выросло, что говорит о крайне малой популярности строительной жилищной кооперации среди вятских рабочих (см. табл. № 2, прилож. II). Пик активности РЖСКТ в Вятском регионе приходился на 1931 г. В этом году в городах региона действовало 15 рабочих жилищно-строительных кооперативов. Более значительно была представлена жилищно-арендная кооперация: в одной только Вятке в 1931 г. было создано 207 ЖАКТов.

Объемы кооперативного строительства сильно отставали от роста числа пайщиков, кооператив не в состоянии был обеспечить жильем всех своих членов, что подрывало его авторитет среди рабочих. Характерный пример по городу Вятке: в 1932 г. жилкооперацией было построено всего 2 новых жилых дома для рабочих общей площадью в 633 кв. м, в 1933 г. – 1 дом площадью 437 кв. м, в 1934 г. – 2 дома площадью 779,7 кв. м[395].

Вместо мобилизации средств населения для роста темпов жилищного строительства жилкооперация строила почти целиком на государственные средства (собственные средства кооперативов часто не превышали 1/5 стоимости жилья). Имели место спекуляции жильем членов кооперативов, когда построенное жилье оказывалось в собственности совершенно посторонних людей[396].

---

[393] Сатрапинский. На жилищном фронте. С. 19.
[394] Там же. С. 20.
[395] РГАЭ. Ф.Р-1562. Оп. 14. Д. 108. Л. 90.
[396] Горлов В.Н. Указ. соч. С. 268.

К примеру, в 1932 г. внештатный инспектор Вятского жилсоюза Г. Чалов, пользуясь служебным положением, брал денежные вознаграждения от разных лиц за обещанные им вне очереди комнаты[397].

Сроки строительства систематически не выполнялись, кооперация строила очень долго и дорого. В результате, за период второй пятилетки жилкооперацией Вятского региона было построено 9240 кв. м нового жилья, что составляло всего лишь 9,72% от всего построенного за эти годы жилья в Кировской области.

Таблица № 9.

Ввод в эксплуатацию новой площади (в кв. м)

Застройщики	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	Итого
Исполкомы	1270	2340	3200	6500	8700	22010
Промышленность и транспорт	9330	11000	7600	14400	6600	48930
Кооперативные органы	2440	2400	600	1900	1900	9240
Прочие государственные учреждения	760	-	7100	5300	1700	14860
Итого	13800	15740	18500	28100	18900	95040

Источник: ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 8. Л. 68.

В конечном счете, этот вариант решения жилищной проблемы, особенно после свертывания нэпа, был признан малоперспективным, а постановлением ЦИК и СНК СССР «О сохранении жилого фонда и улучшения жилищного хозяйства в городах» от 17 октября 1937 г. фактически отвергнут. Этим постановлением ликвидировалась жилищно-арендная кооперация, и прекращалась государственная помощь жилищно-строительным кооперативам[398].

Государственное строительство в годы первой и второй пятилетки (последнее видно из приведенной выше таблицы) являлось главным

[397] Вятская правда. 1932. № 104. 8 мая. С. 4.
[398] СЗ СССР. 1937. № 69. Ст. 314.

инструментом для решения жилищной проблемы рабочего населения в Вятском крае, как, впрочем, и в масштабах всей страны. В этом контексте преобладало жилье, возводимое ведомствами.

Средства на строительство жилья для рабочих изыскивались различными способами. 30 января 1929 г. ЦИК и СНК утвердили положение о мерах содействия строительству жилья для рабочих, которое представляло собой свод союзного законодательства по вопросам государственного содействия рабочему жилищному строительству. Согласно данному положению, для финансирования рабочего жилищного строительства образовывались специальные капиталы Центрального банка коммунального хозяйства и жилищного строительства, источниками которых являлись целевые ассигнования из госбюджета, отчисления из фондов улучшения быта рабочих и служащих, целевая надбавка к взносам на социальное страхование, целевой квартирный налог[399].

Отчисления на рабочее жилищное строительство из фондов улучшения быта рабочих и служащих (ФУБР) производилось предприятиями, учреждениями и организациями, как и целевая надбавка к взносам на социальное страхование. Целевой квартирный налог на нужды строительства устанавливался местными советами и был частью подоходного налога с населения[400]. В 1931 г. был введен сбор с населения на жилищное и культурно-бытовое строительство. Объектом обложения выступала заработная плата рабочих и служащих[401].

В последние годы существования Вятской губернии (1928–1929 гг.) строительная деятельность координировалась губернским управлением строительного контроля. С начала 1930-х гг. основными застройщиками выступали исполкомы Советов, промышленность и транспорт.

---

[399] Рысс Ц. Содействие строительству рабочих жилищ (Новый закон) // Жилищная кооперация. 1929. № 4. С. 4.
[400] Положение о мерах содействия строительству рабочих жилищ // Жилищная кооперация. 1929. № 4. С. 25.
[401] Бессонова О.Э. Механизм обеспечения жильем в СССР. С. 291.

Главным непосредственным исполнителем строительных работ на территории Вятской губернии с 1928 г. по 1932 г. был государственный строительный трест местного значения «Вятстрой»[402], созданный по приказу Вятского губернского Совета народного хозяйства в октябре 1928 г.[403]. До создания треста жилищное строительство в Вятской губернии велось силами многочисленных государственных, кооперативных организаций, а также силами частных подрядчиков. Наличие множества строительных контор порождало конкуренцию и влекло за собой повышение цен на строительные материалы, особенно местного происхождения. Это сказывалось на стоимости возводимого жилья для рабочих. Учитывая перечисленные выше неудобства, Вятский губком ВКП(б), совместно с губисполкомом, приняли решение о необходимости сосредоточить все крупное строительство в одной организации – «Вятстрое»[404].

Это решение было закреплено постановлением президиума Вятского губернского исполнительного комитета от 3 октября 1928 г. «О ходе строительства в губернии и городе Вятке в строительный сезон 1928 года». В нем, за подписью заместителя председателя Губернского исполнительного комитета Цетлина, устанавливалось: «Считать необходимым все новое крупное строительство в городе Вятке и в губернии производить исключительно силами «Вятстроя», а кооперативное – жилищной кооперацией…мелкое новое строительство сосредоточить в Укомхозах, за исключением города Котельнича, где в связи с необходимостью восстановления города поручить губернскому управлению строительного контроля, совместно с уездным исполнительным комитетом, проработать вопрос о создании специальной строительной организации»[405].

---

[402] ГАКО. Ф. Р-1241. Оп. 1. Д. 1038. Л. 139.
[403] Там же. Д. 1702. Л. 11.
[404] ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 7. Д. 5. Л. 77.
[405] ГАКО. Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 122. Л. 1.

«Вятстрой» собрал в своих руках все крупное строительство, которое ранее велось силами Горсовета, городского коммунального отдела, Кожтреста и другими организациями[406]. Он имел в своем подчинении рудники, мастерские, лесопильные и кирпичные заводы, и был ориентирован на реализацию проектов гражданских и технических сооружений по промышленному, коммунальному, жилищному строительству и электрификации[407].

Первым управляющим треста был назначен Попов Владимир Васильевич. «Вятстрой» выполнял возложенные на него функции сначала на территории Вятской губернии[408], затем – по решению краевых органов власти – на территории Вятского, Котельнического и, частично, Нолинского округов[409]. С 1929 г. в связи с разделением Вятской губернии на округа «Вятстрой» перешел в ведение Вятского окружного совета народного хозяйства[410].

С образованием Нижегородского края началась очередная полоса реорганизаций, глубоко затронувшая только что относительно отлаженную организацию строительного дела в губернии. «Вятстрой» превратился в филиал Нижегородского треста, лишаясь собственной производственной базы, а позднее – в строительную контору Нижстройобъединения[411].

Какое-то время (1928–1929 гг.) в проектном бюро «Вятстроя» работал архитектор А.А. Дубровский – одаренный русский архитектор, выпускник ярославской художественной школы, ученик Л.Н. Бенуа. За два с небольшим года под его руководством было выполнено множество проектов, архитектурных чертежей. В частности по его проекту был

[406] Материалы к отчету Вятского губкома XIX губконференции ВКП(б). Вятка, 1929. С. 26.
[407] ГАКО. Ф. Р-1241. Оп. 1. Д. 1702. Л. 117.
[408] Там же. Л. 139.
[409] Там же. Д. 1702. Л. 338.
[410] Там же. Л. 263.
[411] Тинский А. Забытые имена // Вятка: Краеведческий сборник. Вып. 9. Киров, 1991. С. 139.

построен клуб пищевиков. Это был первый рабочий клуб в Вятке, построенный по оригинальному проекту из огнестойких материалов (при строительстве был использован шлакобетон – местный, дешевый и достаточно долговечный материал)[412].

В январе 1930 г. для изжития множественности стройорганизаций и сосредоточения всего мелкого строительства в одних руках был организован второй трест – «Вяткомстрой»[413]. До 1931 г. он осуществлял функции мелкого текущего ремонта коммунальных и иных владений в основном в городе Вятке[414]. В 1930-е гг. проектный сектор треста «Вяткомстрой» возглавляет выдающийся архитектор И.А. Чарушин[415].

В конце 1932 г. «Вятстрой» был ликвидирован, а его функции перешли к более мелким организациям – «Вяткомстрою» (район деятельности – Вятка и Вятский район), Котельнический трест (район деятельности – Котельнич, Котельнический район), «Омуткомстрой» (осуществлял строительство на территории Омутнинска и его окрестностей) и др. Новые организации представляли собой тресты местного значения и находились в ведении городских Советов[416].

С образованием Кировской области в системе коммунального хозяйства была образована одна новая крупная строительная контора «Кирстройтрест» вместо прежних многочисленных строительных трестов[417].

Руководство всеми периферийными строительными конторами и трестами края осуществлялось Управлением Горьковского краевого коммунального хозяйства (сектор строительства и стройматериалов)[418], которое в свою очередь подчинялось Народному комиссариату

[412] Тинский А. Забытые имена. С. 137−138.
[413] Материалы к отчету Вятского окружкома на II окружной конференции ВКП (б). Вятка, 1930. С. 11.
[414] ГАКО. Ф. Р-2047. Оп. 1. Д. 17. Л. 9.
[415] Зырин Б.В. Архитектор Чарушин. Киров, 1989. С. 65.
[416] Там же Л. 1.
[417] Материалы к отчету Кировского областного исполнительного комитета за 1935–1939 гг. Киров, 1939. С. 96.
[418] ГАКО. Ф. Р-2047. Оп. 1. Д. 17. Л. 170.

коммунального хозяйства РСФСР, который с 1931 г. определял политику в сфере жилищного хозяйства в целом по СССР[419].

Таким образом, в 1930-е гг. действовала довольно четко выстроенная система управления коммунальным хозяйством. В целях обеспечения руководства отдельными отраслями жилищно-коммунального хозяйства крупнейшим общегородским коммунальным трестам были присвоены права отделов горсовета[420].

Создание стройной системы органов управления рабочим жилищным строительством не гарантировало решение жилищного вопроса в их пользу. Для успешного осуществления строительства необходимы были финансовые ресурсы, стройматериалы, рабочая сила. В условиях всеобщего дефицита, слабости инфраструктуры и постоянных территориальных изменений собрать все это в одном месте и в одно время было очень не просто.

Одной из основных проблем, с которой сталкивались местные строительные организации в годы первой и второй пятилеток, был острый недостаток стройматериалов. В 1930 г. вся потребность строительства в стройматериалах на территории бывшей Вятской губернии была обеспечена только на 28,3%[421].

С октября 1928 г. заготовка всех стройматериалов была сосредоточена при Вятторге (организация снабжения), на который к тому же была возложена ответственность за качество материалов. Все строительные организации должны были заранее готовить заявки на необходимое им количество стройматериалов. Далее уже Вятторг делал заказ в Москву в Стромсиндикат, который занимался распределением строительных материалов в централизованном порядке[422].

---

[419] Народное хозяйство СССР в 1922–1972 гг. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1972. С. 347.
[420] Кочетов И. За реконструкцию коммунального хозяйства Нижкрая (О работе коммунальных органов края) // Нижегородский край. 1932. № 4. С. 45.
[421] Вятская правда. 1930. № 83. 11 апреля. С. 4.
[422] ГАКО. Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 122. Л. 1.

Строительных материалов для осуществления рабочего жилищного строительства в Вятском регионе не хватало катастрофически. В связи с этим, в декабре 1929 г. решением Вятского окружного исполнительного комитета было запрещено вывозить строительный кирпич за пределы Вятского округа, в связи с его острой нехваткой[423]. Недостаток в стройматериалах испытывали многие другие регионы СССР. Главной причиной тому стало отсутствие плановости и организованности в продаже строительных материалов, что приводило к избытку дефицитных товаров у одних организаций и их отсутствию у других[424]. Недостаточное снабжение стройматериалами порой происходило по вине транспорта и, в результате крайне неудовлетворительной работы промышленных промпредприятий, вырабатывающих местные стройматериалы[425].

Губернское управление строительного контроля так оценивало перспективы строительного сезона 1929 г.: «Заводским кирпичом строительство обеспечивается максимально только на 50%, остальную часть придется приобретать у кустарей»[426]. Строительные конторы были вынуждены строить преимущественно деревянное жилье, вместо запланированного каменного. Управляющий «Вятстроем» В.В. Попов в письме, адресованном Губжилсоюзу в 1929 г. жаловался, что о переходе на каменное строительство в 1930 г. не может быть и речи, так как нет в наличии необходимого количества кирпичей[427].

К концу 1929 г. в Вятской губернии, в соответствии с решением губисполкома, был выстроен и пущен в эксплуатацию новый кирпичный завод производительностью 6 млн. штук кирпича в год, что несколько

---

[423] Обязательное постановление № 120 Президиума Вятского окружкома «О воспрещении вывоза за пределы округа строительного кирпича» от 10 декабря 1929 г. // ГАКО. Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 120. Л. 120.
[424] РГАЭ. Ф. Р-5751. Оп. 1. Д. 11. Л. 17.
[425] Имяреков Т.Ф. Насущные вопросы жилищно-коммунального хозяйства Горьковского края // Горьковский край. 1934. № 7. С. 16.
[426] ГАКО. Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 122. Л. 46.
[427] ГАКО. Ф. Р-1241. Оп. 1. Д. 1706. Л. 57.

разрядило ситуацию на региональном рынке строительных материалов[428]. Однако полностью решить проблему в этот период не удалось.

Другой проблемой была нехватка технического персонала и некоторых категорий квалифицированной рабочей силы[429]. На XIX губконференции в 1929 г. отмечалось, что плановое снабжение строительных организаций рабочей силой не было налажено, ввиду несвоевременного развертывания строительства[430]. Строительные организации не располагали необходимыми стимулами для привлечения рабочей силы. В условиях жилищного кризиса «Вятстрой» в 1929 г. лишь на 30% мог удовлетворить жилищную нужду рабочих строителей, остальным выплачивались «квартирные деньги». Однако выделяемые суммы их не всегда устраивали. Так, например, часть рабочих «Вятстроя» в строительный сезон 1929 г. располагались в вятской гостинице «Эрмитаж». Работодатель дотировал только пользование помещением, остальные услуги (приборку, стирку и т.д.) рабочие оплачивали сами[431].

Кроме того, часто в самый разгар строительства (пример – строительный сезон 1931 г.) рабочую силу снимали и отправляли на производство[432].

Одним из средств, которое активно использовалось местными органами в целях привлечения и удержания кадров в период карточной системы, стало введение повышенных норм снабжения хлебом для рабочих-сезонников (именно они составляли большую часть строителей). Так, например, по решению Котельнического окружного торгового отдела в 1929–1930 гг. строителям-сезонникам полагалась дневная норма в 800

[428] Материалы к отчету Вятского окружкома на II окружной конференции ВКП(б). С. 10.
[429] Белоусов В. Основные моменты регулирования строительства // Жилищная кооперация. 1929. № 5. С. 14.
[430] Материалы к отчету Вятского губкома XIX губконференции ВКП(б). С. 26.
[431] ГАКО. Ф. Р-1241. Оп. 1. Д. 1801. Л. 16, 10.
[432] ГАСПИ КО. Ф. П-100. Оп. 1. Д. 73. Л. 60−61.

гр. хлеба – больше, чем всем остальным категориям снабжаемого населения[433].

Проблемой также являлось отсутствие типовых проектов рабочих жилищ, составленных с учетом особенностей региона. В результате почти для каждого нового дома в городах и рабочих поселках составлялся отдельный проект, что затягивало процесс[434]. В отчете Вятского губкома на XIX губконференции ВКП(б), в частности, как недостаток отмечалась бесплановость строительства, работа без утвержденных проектов и чертежей[435]. Все эти факторы сказывались на процессе строительства, тормозили его ход. Уже к началу 1930-х гг. краевыми властями было принято решение о целесообразности перехода в деле проектирования на типовые проекты[436]. Переход на типовые проекты в строительстве был предписан всем строящим государственным, общественным и кооперативным учреждениям и предприятиям сразу после официального издания сборника-альбома типовых проектов и конструкций жилищного строительства, утвержденных президиумом Стройкома РСФСР[437].

Но все же самой главной проблемой строительства оставалась нехватка финансирования. Несмотря на все усилия, средств не хватало.

В 1930-е гг. со стороны народного комиссариата жилищно-коммунального хозяйства была даже сделана попытка поделить все города Горьковского края на три категории в зависимости от их значимости в народно-хозяйственном, политическом и культурном отношении, а также в целях недопущения уравниловки в плане развития жилищно-коммунального хозяйства и во избежание распыления государственных и местных ресурсов.

---

[433] ГАКО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.
[434] Шпотов Б.М. Использование опыта США при организации и управлении строительством в СССР в 1920–1930-е гг. // Рос. журн. менеджмента. Т. 3. № 1. С. 149.
[435] Материалы к отчету Вятского губкома XIX губконференции ВКП(б). С. 26.
[436] Доклад инженера Герасимова // Нижегородский край. 1929. № 3. С. 36.
[437] Типовые проекты и конструкции жилищного строительства, рекомендуемые на 1930 г. Официальное издание Строительной комиссии ЭКОСО РСФСР. М., 1929. С. 4.

К городам первой категории относились наиболее важные промышленные центры преимущественно тяжелой промышленности. К первой категории были отнесены: Горький, Ижевск, Дзержинск и Вятка. Жилищно-коммунальное хозяйство этих городов должно было финансироваться в первую очередь и в большем объеме.

Ко второй категории городов были отнесены: Балахна, Выкса, Кулебаки, Муром, Павлово, Чебоксары, Йошкар-Ола, Котельнич, Алатырь, Глазов, Досчатое и новостройки, т.е. промышленные центры, где проектировались быстрые темпы промстроительства.

И, наконец, третья категория городов – это Богородск, Слободской и другие города, которые не имели крупной промышленности, поэтому имели меньшее для края значение. Выделение кредитов на жилищное строительство в этих городах должно было осуществляться в меньшем объеме, чем на города группы один и два [438].

Стоит отметить, что, согласно данному проекту финансирования, почти все города Вятского региона оказались в невыгодном положении. Хотя данная идея не была осуществлена, но сам механизм выделения средств на реализацию жилищной политики районам Вятского региона по остаточному принципу – весьма показателен. В документах местных партийных и исполнительных органов власти довольно часто встречаются свидетельства подобного положения дел.

С момента объединения окружных фондов рабочего жилищного строительства в единый краевой фонд (решение об объединении было принято на заседании Крайисполкома 11 декабря 1929 г., несмотря на протесты со стороны руководства округов), распределение средств на строительство целиком находилось в руках краевых органов власти[439].

[438] Имяреков Т. Жилищно-коммунальное хозяйство края (во втором пятилетии) // Горьковский край. 1932. № 5−6. С. 28−29.
[439] ГАКО. Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 120. Л. 440.

В 1930 г. на одном из заседаний Вятского окружного исполкома, когда в очередной раз обсуждался вопрос строительства кооперативного жилья для рабочих, представители Вятжилсоюза заявили, что кредиты, отпускаемые на эти цели Нижкрайжилсоюзом, настолько незначительны, что заставляют забыть об идее постройки в городах каменных многоквартирных домов и вернуться к мелкому деревянному строительству. Соображения о несправедливости подобной политики распределения средств систематически доводились до сведения краевых органов власти в виде писем, жалоб и ходатайств[440]. Судя по тому, что проблема финансирования строительства продолжала фигурировать вплоть до конца второй пятилетки, особого эффекта эти действия местных органов власти не имели.

В частности, в 1932 г. в докладной записке Вятского горрайкома ВКП(б)[441], подготовленной совместно с Вятским горсоветом, в качестве одной из основных причин невыполнения строительных планов предыдущих лет назывался тот факт, что «краевыми организациями на новое строительство средств коммунотделу в 1930 и 1931 гг. не было отпущено ни копейки», но при этом из доходов местного коммунального треста Крайфо (краевой финотдел) «снял» 255 тыс. рублей на цели, абсолютно не связанные с местным жилищным строительством[442].

Как уже отмечалось, в предвоенное десятилетие в масштабах страны государственное жилищное строительство преобладало над всеми остальными видами строительства. В годы первой пятилетки более 86% всего построенного жилья в стране приходилось на обобществленный сектор. Что касается частного строительства, то его доля сокращалась год от года (см. табл. № 3, прилож. II). Если за годы первой пятилетки в СССР

---

[440] Там же. Л. 47, Л. 27, 80.

[441] Доклад Вятского горрайкома ВКП(б) «О состоянии работы Вятского горрайкома ВКП(б) по реализации решений пленумов ЦК и крайкома по коммунальному хозяйству» // ГАСПИ КО. Ф. П-100. Оп. 1. Д. 73. Л. 58−61.

[442] ГАСПИ КО. Ф. П-100. Оп. 1. Д. 73. Л. 58−61.

силами частных лиц было построено 6,1 млн. кв. м жилой площади, то за годы второй пятилетки уже 5 млн. кв. м.

Частное городское строительство за счет собственных средств и за счет государственных кредитов не поощрялось, поскольку приводило к чрезмерному расширению городских территорий, к увеличению в связи с этим затрат на расширение водопроводных, канализационных, электрических и прочих сетей. Начиная с 1928 г., частное строительство постепенно исчезает из государственной градостроительной доктрины[443]. В частности в Инструкции НКВД от 28 мая 1928 г. отсутствуют положения о включении в генеральный план, при разработке проектов городов, территорий индивидуальной застройки с индивидуальным обслуживанием[444].

Что касается городов Вятской губернии / Кировской области, то здесь частное индивидуальное строительство в связи со слабостью государственно-ведомственного финансирования было достаточно популярно в среде городского населения, и рабочих в том числе. На начало первой пятилетки частное строительство составляло по Вятке 81,8% всего жилищного строительства (государственное почти не велось), по уездным городам 67,3%[445]. Частное строительство представляло собой строительство небольших домиков на окраине городов исключительно для удовлетворения собственных потребностей горожан[446]. В последующие годы планировалось сократить частную застройку городов.

В конце второй пятилетки, особенно в 1936–1937 гг., вновь отмечается всплеск частного строительства. В 1936 г. было введено в эксплуатацию 5,9 тыс. кв. м, а в 1937 г. – 13,3 тыс. кв. м жилой площади по линии частного сектора. Особенное развитие частное индивидуальное

[443] Меерович М. Жилищная политика в СССР. 1924–1937 гг. Социально-культурные и социально-политические аспекты. Иркутск, 2004. С. 239.
[444] Планирование и строительство городов. 1934. № 2. С.10−11.
[445] Отчет Вятского губисполкома. С. 96.
[446] Пятилетний план Вятской губернии. С. 141.

строительство получило в промышленных центрах области: городах Кирове, Омутнинске, Слободском, Котельниче и рабочих поселках Зуевке, Мурашах, которые испытывали острый недостаток в жилье для рабочих[447].

Кроме строительства дополнительным методом решения проблемы с жильем для рабочих оставалась практиковавшаяся еще со времен Октябрьской революции политика «уплотнения». С середины 1930-х гг. данное мероприятие регулировалось инструкцией НККХ и НКЮ РСФСР № 38 от 29 января 1934 г. «О порядке изъятия излишков жилой площади»[448]. Согласно этому документу жилая площадь, занимаемая постоянными пользователями и их домработницами сверх полагающейся им жилищно-санитарной нормы, считалась излишками. Жилищно-санитарная норма была установлена в размере 8,25 кв. м на одного человека[449]. «Излишки» заселялись по усмотрению местных Советов людьми, остро нуждающимися в жилье.

Политика уплотнения, как один из способов решения жилищного вопроса в пользу рабочего класса, также активно применялась местными Советами в годы первых пятилеток в городах Вятского региона. Городские жилотделы имели право выселять жильцов, например, тех, кто считался «классовыми врагами», – и подселять новых в уже занятые квартиры. Так, согласно Постановлению № 81 Президиума Вятского горсовета от 21 апреля 1934 г., предлагалось очистить жилые помещения государственного и кооперативного фонда от лиц, занявших их незаконно (нетрудовой элемент, лишенцы). Освободившиеся квартиры должны были предоставляться ударникам[450]. Практиковалось также изъятие жилой площади в частновладельческих домах. В связи с организацией в городе

[447] ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 773. Л. 204.
[448] Инструкция НККХ и НКЮ РСФСР № 38 «О порядке изъятия излишков жилой площади» от 29 января 1934 г. // Жилищная кооперация. 1934. № 48. С. 65.
[449] Инструкция НККХ и НКЮ РСФСР № 38. С. 65
[450] Постановление № 81 Президиума Вятского горсовета от 21 апреля 1934 г. // Вятская правда. 1934. № 103. 7 мая. С. 4.

Кирове краевого центра Кировского края, 26 января 1935 г. было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О жилищных мероприятиях в Кирове, в связи с организацией в нем краевого центра». Согласно данному документу, Кировскому горсовету разрешалось производить изъятие 20% жилплощади в тех частновладельческих домах, где это могло дать отдельное помещение не ниже установленной нормы[451].

Подобные действия осуществлялись и в других городах края/области. Для проведения уплотнения была создана специальная комиссия, которая занималась обследованием учреждений и жилого фонда. 13 мая 1936 г. уже Котельнический горсовет принял решение об отчуждении 10% жилой площади в частновладельческих домах площадью свыше 90 кв. м[452].

В Вятке одним из способов решения жилищного кризиса стал перевод в уездные города ряда учреждений и организаций, имеющих возможность вести свою работу и вне пределов Вятки, а также практика максимального уплотнения имеющихся учреждений и организаций. На заседании президиума Вятского губкома ВКП(б) в июне 1930 г. постановили: перевести из города Вятки в уездные города детдом им. Степана Халтурина, школу-интернат для слепых и глухонемых, детдом им. Пирогова, институт социального перевоспитания[453].

Что касается итогов жилищной политики за первое предвоенное десятилетие по Кировской области, то картина, в целом, не отличалась от общесоюзной. «В области коммунального хозяйства и жилищного строительства движения вперед нет. Развитие жилищного строительства в особенности отстает от роста городов», – отмечал в своем докладе на первом Кировском краевом съезде Советов в 1935 г. председатель краевого исполнительного комитета А.А. Бобков[454].

---

[451] ГАКО. Ф. Р-1094. Оп. 2. Д. 148. Л. 18.
[452] Большаков С. Указ. соч. С. 43.
[453] ГАКО. Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 126. Л. 22, 29.
[454] ГАКО. Ф. Р-2168. Оп. 1. Д. 52. Л. 92.

Проблема жилищной тесноты и острого недостатка жилья в городах Кировской области за годы первого и второго пятилетнего плана не только не была решена, но и еще более усугубилась. Такой вывод можно сделать, если сравнить данные по численности населения в городах Вятской губернии / Кировской области за 1928−1937 гг. с данными по наличному жилому фонду этих городов (см. табл. № 4 и 5, прилож. II). В среднем по городам Кировской области в 1937 г. на человека приходилось 3–4 кв. м. жилой площади. Анализируя данные таблиц, можно заметить, что самая сложная ситуация с жильем в 1937 г. была в городах Омутнинске (2,63 кв. м на человека), Уржуме (2,27 кв. м на человека), Котельниче (3,01 кв. м на человека) и Кирове (3,4 кв. м на человека). Во всех городах региона норма жилой площади на человека понизилась по сравнению с 1928 г. В Уржуме, Халтурине, Нолинске и Малмыже нового жилья почти не строилось (жилой фонд за 1928−1937 гг. уменьшился), в других городах рост населения в 1,5-2 раза превышал рост площади жилого фонда.

Если выделить рабочих цензовой промышленности из общего числа городских жителей, то в среднем по краю в конце второй пятилетки (данные 1935 г.) на 1 рабочего приходилось около 4,2 кв. м. жилплощади. В более выгодном положении находились рабочие топливном промышленности (6,8 кв. м на человека) и машиностроительной промышленности (6,2 кв. м на человека). Хуже всего приходилось рабочим лесозаготовок (4 кв. м на человека) и пищевкусовой промышленности (4,1 кв. м на человека)[455].

Об остроте жилищной проблемы свидетельствует даже тот факт, что после образования Кировского края крайисполкому Советов рекомендовалось при организации в городе Кирове краевых учреждений комплектовать их штат преимущественно из местных работников и

[455] Кировский край в цифрах. М., 1936. С. 193.

допускать переезд в Киров руководителей и ответственных работников из других районов только в случае крайней необходимости, дабы не усугублять этим и без того сложную жилищную ситуацию[456].

В первом и втором пятилетних планах было обещано повышение уровня жизни рабочих, а в частности повышение благоустроенности жилища. Но стало ли жилье рабочих за этот период более благоустроенным?

Большинство жилых зданий в городах после революции перешло в собственность государства, и распоряжались этим жилым фондом горсоветы[457]. В некоторых городах характерной приметой жилищной ситуации и вообще городского коммунального хозяйства было то, что жилье и прочие коммунальные услуги предоставлялись предприятиями, а не местными советами, как было принято в других местах. Таким образом, неотъемлемой чертой жизни в СССР стали «ведомственные городки», где завод не только давал работу, но и контролировал жилищные условия. Обычно оно имело вид бараков или общежитий[458]. В городе Вятке / Кирове вокруг предприятий в 1930-е гг. выросли целые рабочие поселки: поселок кожевников, поселение при КУТШО, при Лесозаводе № 1 и др[459].

Большую роль в строительстве подобного жилья для рабочих сыграло принятое 25 марта 1931 г. постановление ЦК ВКП(б) «О быстрейшем обеспечении жилищами рабочих угольной промышленности и о развитии облегченного жилищного строительства», которое разрешало строительство временного жилья барачного типа. Поэтому многие дома для рабочих, которые строились в период первой пятилетки имели вид неблагоустроенных и некомфортабельных бараков или общежитий[460], что пагубно сказывалось на качестве жилищного фонда. К примеру,

[456] ГАКО. Ф. Р-1094. Оп. 2. Д. 148. Л. 18.
[457] Фицпатрик Ш. Указ. соч. С. 58.
[458] Там же. С. 62.
[459] ГАКО. Ф. Р-2168. Оп. 1. Д. 335. Л. 121.
[460] Бессонова О.Э. Жилье: рынок и раздача. С. 77.

«Вятстрой» в строительный сезон 1929 г. для обеспечения жильем своих рабочих построил 2 барака вместимостью 55 человек каждый и 2 общежития на 56 и 66 человек. На 1930 г. было запланировано строительство бараков на постройке подошвенного, кирпичного заводов, в рабочем районе им. Коминтерна и при заводе «Красная звезда», рассчитанных на 100 человек каждое[461]. Условия жизни рабочих в бараках и общежитиях не всегда соответствовали санитарным нормам. Согласно акту обследования подошвенного и чугунолитейного завода от 3 ноября 1930 г., бараки, в которых жили рабочие, были переполнены, в них не хватало воздуха, света[462].

Барачное строительство не только уродовало облик городов, но и оказалось экономически неэффективным. Капитальные вложения в рабочее строительство возрастали год от года: в 1927 г. на эти цели тратилось 493,1 млн. рублей, в 1928 г. – 582,7 млн. рублей, в 1929 г. – 650 млн. рублей, в 1930 г. – 632,4 млн. рублей, в 1931 г. – 833 млн. рублей, а условия жизни рабочих только ухудшались[463].

В 1934 г. СНК СССР вынужден был принять постановление «Об изменении жилищного строительства», в котором указывалось, что «облегченное малоэтажное, каркасное, щитовое и барачное строительство допускается лишь в качестве временных жилищ и только с разрешения СНК»[464], а в правительственном постановлении «Об улучшении строительного дела и об удешевлении строительства» (февраль 1936 г.), ставилась задача повсеместного перехода на каменное многоэтажное строительство[465].

Однако, реализация данного постановления в Кировском регионе осложнялась острой нехваткой финансирования, и здесь процент

[461] ГАКО. Ф. Р-1241. Оп. 1. Д. 1801. Л. 3.
[462] ГАКО. Ф. Р-1043. Оп. 1. Д. 21. Л. 231.
[463] Бессонова О.Э. Жилье: рынок и раздача. С. 77.
[464] Бессонова О.Э. Жилье: рынок и раздача. С. 77.
[465] Левский А.А. Указ. соч. С. 41.

строящегося барачного жилья к концу второй пятилетки только увеличился. Если на 1928 г. на 59 новых строящихся жилых домов по губернии приходился всего 1 барак (1,6%), то в конце 1936 г. на 161 жилой дом приходилось 24 барака (12,97%) (см. табл. № 8, прилож. II). Больше всего барачного жилья строилось в городах Вятке (Кирове) и Омутнинске.

Жилые дома для рабочих строились в этот период в регионе преимущественно коммунального типа. Это было связано, во-первых, с рекомендацией Экономического Совещания РСФСР от 1927 г. о целесообразности «проведения в жизнь строительства типов домов с коллективным использованием вспомогательной площади (кухни, столовых, ванных комнат, прачечных и пр.)», во-вторых, с тем, что строительство подобного жилья было дешевле[466].

Общая характеристика внешнего вида и качества новых жилых домов, строящихся в годы первой пятилетки в городах бывшей Вятской губернии, приводится в докладе инженера Кузнецова. Отмечались следующие недочеты: «совершенно одинаковое и неверное устройство фундамента под всеми вновь выстроенными зданиями», «штукатурка низкого качества, которая при отпотевании стен отваливается», «работы сдаются без нарядов, без договоров, без определенных цен и расценок и оплачиваются по самым разнообразным расчетам», «обычна постройка из сырого леса», «стены имеют перекос и выпучивание»[467].

В конце второй пятилетки качество нового жилья также оставляло желать лучшего – имелись случаи заселения недостроенных домов, отмечалось низкое качество столярных работ, скобяных изделий[468].

В 1928 г. Губисполком издает обязательное постановление «О регулировании жилстроительства в городах и поселках Вятской губернии,

[466] ГАКО. Ф. Р-374. Оп. 1. Д. 63. Л. 25.
[467] Состояние строительства в районах (Вятский округ) // Нижегородский край. 1929. № 4−5. С. 103.
[468] К первой годовщине Кировского края. Справочный материал. Киров, 1935. С. 31.

осуществляемого Государственными учреждениями и жилкооперацией», в котором указывалось, что наиболее целесообразной формой строительства рабочего жилья является возведение многоквартирных многоэтажных домов[469]. Постановление ЦИК и СНК от 4 января 1928 г. «О жилищной политике» также отмечало необходимость строительства многоквартирных домов[470].

Несмотря на это, в период первой пятилетки в городах Вятского региона строились в основном деревянные одноэтажные и двухэтажные здания коммунального типа [471]. Деревянное строительство было дешевле каменного, 1 кубометр деревянного жилья стоил в среднем 13 рублей, а 1 кубометр каменного – 20 рублей[472].

Типовые проекты 1–2-х этажных деревянных общежитий для рабочих с печным отоплением, с уборной, рассчитанной на отсутствие канализации, одной столовой на несколько комнат, были наиболее распространены в жилстроительстве вплоть до конца первой пятилетки во всех городах бывшей Вятской губернии[473].

В годы второй пятилетки в городах Кировской области в строительстве жилья продолжают преобладать деревянные жилые дома в 1–2 этажа, без канализации. Только к концу периода в регионе начинают строить первые каменные многоэтажные жилые дома для рабочих (см. табл. № 6 и 7, прилож. II). В период с 1933 по 1936 гг. были построены первые каменные дома в 4 и 5 этажей. При этом процент нового благоустроенного жилья – с водопроводом и электричеством, к концу второй пятилетки возрастает. Так за период с 1929 по 1932 гг. 16,1% домов от общего числа вновь отстроенного жилья имели водопровод, за

[469] ГАКО. Ф. Р-875.Оп. 1. Д. 1661. Л. 28.
[470] Известия ЦИК, СНК. 1928. № 16. 19 января. С. 4.
[471] ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 1693. Л. 10-11, 12.
[472] Постановление Экономического совета РСФСР «О нормах стоимости жилищного строительства на 1928–1929 гг.» от 2 марта 1929 г. // Жилищная кооперация. 1929. № 8. С. 56.
[473] ГАКО. Ф. Р-2047. Оп. 2. Д. 3. Л. 1−5.

период 1933–1936 гг. эта цифра увеличилась до 41,7% , т.е. более чем в 2 раза.

В отчетном докладе на IV Горьковской краевой конференции ВКП(б) в 1934 г. А.А. Жданов отмечал: «…Мы не можем похвастаться, что наши города – и Горький, и Ижевск, и Вятка, и Дзержинск – являются уже вполне благоустроенными городами. Наоборот, в них еще много тесноты, грязи, некультурности, темноты. Над ликвидацией вот этих недостатков в области жилищно-коммунального строительства … мы должны работать, уделяя этому делу все силы и внимание…»[474].

В целом, степень благоустроенности всего жилого фонда, которым располагала область для обеспечения рабочих на конец второй пятилетки, следует оценивать как недостаточную. В 1937 г. только 41,3% от всех жилых домов имели водопровод, 1,4% были обеспечены канализацией, 3,1% – центральным отоплением, 85,8% – электроосвещением. По отдельным городам степень благоустройства жилого фонда на 1937 г. видна из табл. № 9 (в прилож. II). Самый высокий процент благоустроенных домов был в Кирове, Котельниче, Яранске, Нолинске. Менее благоустроенными были жилые дома в городах Омутнинске и Малмыже. В этих городах не было ни одного дома с такими элементами благоустройства, как водопровод, канализация, центральное отопление.

Если сравнивать с общесоюзными данными, то Кировская область заметно отставала по всем показателям.

Таблица № 10.

Данные за 1935 г. ЦУНХУ Госплан СССР.

	% жилплощади, обслуживаемой водопроводом.	% жилплощади, обслуживаемой канализацией	% жилплощади, обслуживаемой электроосвещением	% жилплощади, обслуживаемой центральным отоплением
По СССР	52,4	41,3	91,2	16,1

Источник: ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 773. Л. 205.

[474] Жданов А.А. Отчетный доклад IV Горьковской краевой конференции ВКП(б). М., 1934. С.70−71.

Однако если сопоставить показатели 1937 г. с данными по Вятской губернии за 1928 г., то некий прогресс все же очевиден (см. табл. № 7 по тексту главы и № 9 в прилож. II)[475]. По области число домов, обеспеченных водопроводом увеличилось незначительно. Из 8 водопроводов только один (в Кирове) новый, а остальные были построены еще до 1914 г. и подавали воду без всякой очистки. Зато вдвое увеличился процент жилых домов обеспеченных электричеством, причем процент стал близким к 100%.

26 февраля 1934 года в городе Вятка был организован энергокомбинат. Это событие стало началом деятельности Кировской энергосистемы и оформления её более совершенного способа энергоснабжения – централизованного[476].

В 1930-е гг. завершилось строительство нового водопровода в Вятке. Необходимость строительства такового назрела давно. Старый водопровод уже не удовлетворял потребностей населения города в воде[477]. Решение о строительстве нового водопровода состоялось 23 февраля 1930 г. Президиум Вятского окружного исполкома Нижегородского края принял проект речного варианта водозабора. С этого времени мало кому известная деревенька Корчемкино становится «водопроводной Меккой» Вятки. Были установлены 22 колонки свободного водозабора воды взамен существовавших 14 будок[478].

Канализация в городах Кировской области до 1936 г. отсутствовала совсем, как и центральное отопление. Нечистоты собирались в выгребные и помойные ямы и поглощающие колодцы[479]. В апреле 1935 г. на заседании президиума Кировского краевого исполкома принимается решение о необходимости разработки проекта строительства в городе

[475] Шубин Р.Е. Жилищные условия городского населения Вятской губернии. С. 67.
[476] Кулябина Т.В. Энергетике Вятки 100 лет. Киров, 2004.С. 41
[477] Беляев И.В., Жуйков В.В. Вятский водопровод. 100 лет Вятскому водопроводу: 1900–2000 гг. Киров, 2000. С. 61.
[478] Беляев И.В., Жуйков В.В. Указ. соч. С. 65−66.
[479] ГАКО. Ф. Р-2168. Оп. 1. Д. 50. Л. 96.

Кирове канализации[480]. И уже с 1936 г. в городе Кирове пущена неполная раздельная канализация протяженностью 4,7 км уличной сети[481]. Она изначально была построена без очистных сооружений и загрязняла реку Вятку[482].

Других удобств в домах рабочих тоже не хватало. Жилье в городах Вятской губернии / Кировской области на протяжении всего периода первых пятилеток продолжало отапливаться дровами. Центральное отопление жилых домов в Кирове появилось только в 1940-е гг. Началом теплофикации города принято считать 14 августа 1944 года, когда на базе старой электростанции было создано предприятие тепловых сетей[483].

Жилищный фонд городов и рабочих поселков области на 1 января 1938 г. был в основном деревянным на 85,5%, по площади имел износ в 33%, что указывало на недостаточные вложения, как в новое строительство городов, так и капитальный ремонт жилого фонда. Особенно изношенный жилой фонд имели города Слободской – 39%, Яранск– 38%, Уржум – 39%, Халтурин – 40%[484].

Одной из попыток повлиять на изменение ситуации с ремонтом жилья, в которых жили рабочие, стали культурно-бытовые конференции. Инициатором проведения подобного рода мероприятий на этот раз стали профсоюзы. Решение было принято на заседании президиума Кировского краевого совета профсоюзов в апреле 1935 г..

На конференциях обсуждались вопросы, связанные с ходом ремонта рабочих жилищ, состоянием культурно-бытовых и детских учреждений, вопросы медобслуживания и другие, связанные с бытом рабочих. Участие в конференциях принимали директора предприятий, рабочие,

---

[480] Постановление президиума Кировского краевого исполнительного комитета от 21 апреля 1935 г. «О контрольных цифрах народного хозяйства и социально-культурного строительства края на 1935 г.». Киров, 1935. С. 11.
[481] ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 2. Л. 88.
[482] ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 773. Л. 209.
[483] Кулябина Т.В. Указ. соч. С. 99.
[484] ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 773. Л. 201.

представители отдела рабочего снабжения, председатели ФЗМК (фабричного заводского местного комитета) профсоюзов.

Главной целью конференций стало выявление основных недостатков в жилищно-бытовой сфере, которые оказывали негативное влияние на рабочих того или иного предприятия Кировского края, а также выработка конкретных мероприятий для их решения[485] (к примеру: закончить ремонт детсада, рабочего общежития к определенному сроку, обеспечить цеховые аптеки медикаментами, постройка бани, прачечной и т.п.)[486]. Культурно-бытовые конференции прошли в крае в течение летних месяцев 1935 г.[487] В ходе обсуждений и проверок были выявлены наиболее типичные проблемы жилищно-бытовой сферы. К ним относились, низкая скорость и качество выполнения строительно-ремонтных работ, высокая их стоимость, недостаток стройматериалов, отсутствие воды и электричества в рабочих общежитиях, отсутствие прачечных и столовых, высокая влажность и наличие насекомых в комнатах[488].

В сентябре 1935 г. на заседании Кировского совета профсоюзов были подведены итоги деятельности конференций. Как оказалось, каких-то действительных улучшений бытовых условий жизни рабочих добиться не удалось. Конференции прошли на всех крупных предприятиях края, таких как «Красная звезда», «Искож», Шубно-овчинный завод, «Кировский металлист» и др., но дальше выявления спектра проблем и дискуссий о том, как нужно их решать, дело не пошло. Решения конференций выполнялись директорами предприятий неохотно. Принятие конкретных действий по проблемам оттягивалось, изыскивались «объективные трудности» и пр. Кроме того, со стороны заводских профсоюзных органов

[485] ГАКО. Ф. Р-495. Оп. 1. Д. 7. Л. 29.
[486] Там же. Д. 43. Л. 1, 2, 19.
[487] ГАКО. Ф. Р-495. Оп. 1. Д. 7. Л. 29.
[488] Там же. Д. 43. Л. 1, 2, 19.

не был организован должный контроль за выполнением решений конференций [489].

Величина квартплаты тоже достаточно важный показатель для характеристики социального положения городского населения региона. Вскоре после большевистского переворота рабочие освобождались от платы за жилье. Граждане, принадлежавшие другим общественным слоям, вносили квартплату, равную дореволюционной, которую резкое падение котировки рубля свело к ничтожно малой величине[490]. Вскоре оказалось, что дома нуждаются в ремонте, который должны были производить городские власти. К 1928 г. квартплата была вновь восстановлена[491].

В Вятской губернии квартплата в 1928 г. зависела от зарплаты и от социального статуса человека. Чем больше была зарплата рабочего, тем больше квартплата (она колебалась от 27 копеек с человека за кв. м, до 2 рублей 97 копеек за кв. м)[492]. Для рабочих и служащих в оплате существовали льготы. Постановление от 14 мая 1928 г. «Об оплате жилых помещений в городах и рабочих поселках» устанавливало, что «ставки квартирной платы (за государственное жилье) для рабочих и служащих не должны были превышать 1 рубль 32 копейки за кв. м в месяц» (нижний предел был равен 44 копейки за кв. м) [493]. Для остальных социальных слоев ставка квартплаты была выше (особенно для лишенцев и людей «свободных профессий»)[494].

В 1930-е гг. квартплата повышалась, но незначительно. Дифференцированная квартирная плата была одним из достижений советского периода и связана с деятельностью профсоюзов. Квартплата для рабочего в 1932 г. в новом доме составляла всего лишь 5,4% от его

---

[489] Решение Кировского Крайсовпрофа «Об итогах культурно-бытовых конференций» от 2 сентября 1935 г. // ГАКО. Ф. Р-495. Оп. 1. Д. 7. Л. 202.
[490] Черных А.И. Указ. соч. С. 75.
[491] Прокопович С.Н. Указ. соч. С.119.
[492] ГАСПИ КО. Ф. П-2. Оп.1. Д. 11, 8.
[493] Черных А.И. Указ. соч. С. 75−76.
[494] ГАСПИ КО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.

зарплаты и всего 3% , если он жил в старом доме[495]. Для сравнения в 1928 г. оплата помещения составляла 11,4% от общего дохода вятского рабочего[496].

Чтобы смягчить влияние жилищного кризиса на рабочее население городов, местные власти старались распределять имеющийся у них в распоряжении жилищный фонд в пользу рабочих. По решению губкома ВКП(б), квартирами в первую очередь должны были обеспечиваться работники, имеющие низкую заработную плату, многосемейные, проживающие в плохих жилищных условиях. Предоставление или улучшение жилой площади также использовалось профсоюзными органами как средство поощрения ударников[497].

Отсутствие квартир и тяжелые бытовые условия негативно влияли на закрепление специалистов, что в годы второй пятилетки приводило к текучести кадров на предприятиях и в учреждениях. Так, в обращении в райисполком от 26 мая 1933 г. администрация чугунолитейного механического завода города Котельнича указывала, что из-за ситуации с жильем нет «возможности закрепить квалифицированную рабсилу за заводом и обеспечить выполнение производственных программ». Из текста: «На сегодняшний день имеем рабочих только из окружающих деревень, которые являются сезонниками для нашего завода»[498].

Таким образом, в период 1928–1937 гг. деятельность местных органов власти в Вятской губернии / Кировской области, направленная на улучшение жилищных условий рабочих, оказалась неэффективной. Тем не менее, нельзя сказать, что проблема никак не решалась. За годы первой и второй пятилеток местные органы власти испробовали различные варианты решения жилищной проблемы рабочих. Большие надежды возлагались на кооперативное строительство, однако данный проект

[495] РГАЭ. Ф. Р-1562. Оп. 14. Д. 221. Л. 41.
[496] Вятская правда. 1929. № 53. 6 марта. С. 3.
[497] ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 83. Л. 11.
[498] Большаков С.Д. В буднях великих строек. С. 43.

погубило не достаточно хорошая организация и общая для всего жилищного строительства в те годы проблема финансирования. Новое жилье для рабочих строилось, в основном, силами промышленности и Советов, но его не хватало. Число рабочих росло быстрее, чем количество вновь отстроенного жилья. В реалиях 1930-х гг., когда Вятский регион входил в состав Нижегородского (Горьковского) края, выделение средств на новое строительство оказалось полностью в руках краевых властей. Объем денежных средств, получаемых регионом на проведение мероприятий в жилищной сфере, был поставлен в зависимость от его индустриальной значимости. Вятский регион не относился к числу промышленных гигантов, поэтому и кредиты, выделяемые ему на новое жилье для рабочих, были весьма скромными. Жилищные условия в городах Кировского региона изменялись в сторону благоустройства очень медленно. Типичное жилье рабочего цензовой промышленности в этот период это барак, общежитие, либо комната в квартире коммунального типа с печным отоплением и удобствами во дворе. К концу второй пятилетки в домах кировчан только начинают появляться элементы благоустройства – вода и свет. К достижениям в этой сфере можно также отнести дифференцированную квартплату (размер квартплаты стал зависеть от доходов и социального положения рабочего).

2.2 Доступность и качество медицинского обслуживания в 1928–1937 гг.

Состояние здоровья людей – один из показателей социально-демографического развития общества. Уровень и качество медицинского обслуживания оказывает непосредственное влияние на уровень и качество жизни населения. Это важный критерий для определения степени эффективности проводимой властью социальной политики в отношении рабочего населения в изучаемый период.

Советская система здравоохранения и медицинского обслуживания населения, основы которой были заложены в 1917 г., имела ряд принципиальных отличий от медицины предшествующего периода. К достижениям медицины советского периода, прежде всего, следует отнести создание единой системы государственного здравоохранения.

Начало государственной медицины в России было положено в 1581 г., когда был создан Аптекарский приказ – государственное учреждение, занимавшееся медицинским делом. В конце XVIII в. были созданы приказы общественного призрения – в стране появилась приказная медицина. В 1860–1870-е гг. XIX в., в эпоху реформ Александра II, возникла земская медицина, уникальная в своем роде система медицинской помощи населению.

В начале XX в. в России кроме земской медицины функционировали городская, фабрично-заводская, военная, морская, медицина путей сообщения, тюремная, страховая. Система медицинского обслуживания населения не имела единого управления и существовала в виде отдельных структур в составе различных ведомств, учреждений, органов местной власти и др. Идея создания единого центра управления здравоохранением – в виде министерства – широко обсуждалась. Главным вдохновителем её

был председатель медицинского совета при МВД Г.Е. Рейн. Однако до революции реализовать этот замысел не удалось [499].

После Февральской и Октябрьской революций 1917 г. медико-санитарное обслуживание населения значительно ухудшилось. В этих условиях объединение земской, городской, фабрично-заводской, страховой, военной, железнодорожной и прочих форм ведомственной медицины под единым государственным началом становилось объективной необходимостью. Борьба с эпидемиями и болезнями в масштабах такой огромной страны, как Россия, в условиях войны, голода и разрухи, – была возможна только при наличии государственной системы здравоохранения[500]. В решении этой задачи большую роль сыграл Н.А. Семашко − первый Народный комиссар здравоохранения, теоретик и создатель уникальной системы советского здравоохранения.

Собирание медицины проходило в несколько этапов. 26 октября (8 ноября) 1917 г. при Военно-революционном комитете Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов был образован Медико-санитарный отдел (во главе с М.И. Барсуковым). Отделу поручалось организовать медицинскую помощь рабочим и солдатам и привлечь к работе всех врачей, сочувствовавших новой власти. Для решения этих задач на местах с ноября 1917 г. стали создаваться медико-санитарные отделы (при местных советах) и врачебные коллегии (при Народных комиссариатах).

24 января (6 февраля) 1918 г. декретом Совета народных комиссаров был образован Совет Врачебных коллегий, на который возлагались функции «высшего медицинского органа Рабочего и Крестьянского правительства». Основной задачей Совета оставалось объединение усилий в области здравоохранения в масштабах всей страны[501].

---

[499] Заблудовский П.Е. О становлении советского государственного здравоохранения (история, уроки, выводы) // Советское здравоохранение. 1988. № 6. С. 10.
[500] Сорокина Т.С. История медицины. М., 2008. С. 497.
[501] Там же.

Вопрос о том, какой должна была стать новая советская система здравоохранения, широко обсуждался на первом съезде медико-санитарных отделов местных советов в июне 1918 г. Выступавший на нем Н.А. Семашко в своем докладе представил программу деятельности новой системы здравоохранения. Ключевым в программе было первое положение – насущной организационной задачей советской медицины на местах должно было стать устранение прежних междуведомственных рамок и объединение её под единым центром – Наркомздравом.

Кроме того, в своем докладе Н.А.Семашко впервые сформулировал два основных принципа будущей советской системы медицинского обслуживания населения. Лечебная медицина должна была стать общедоступной и бесплатной. Эти и другие положения легли в основу организации Народного комиссариата Здравоохранения РСФСР, который был создан в 1918 г. Семашко стал первым наркомом здравоохранения РСФСР. Созданная в 1918 г. им система во главе с Наркомздравом в мировой литературе до сих пор именуется как модель Семашко[502].

Организация новой централизованной структуры управления здравоохранением повлекла за собой обновление системы местных органов управления. В Вятском регионе формирование новых органов с самого начала было сопряжено с проблемой острого недостатка кадров. Из-за несогласия местных квалифицированных специалистов с происходящими в стране изменениями на руководящие посты приходилось выдвигать активистов, не имевших специального медицинского образования. Так, на первом съезде по здравоохранению (съезд проходил с 15 по 24 мая 1918 г. в Екатеринбурге) Вятскую губернию представлял комиссар здравоохранения крестьянин Гостюхин[503].

[502] Сорокина Т.С. Указ. соч. С. 361.
[503] Гудошников Ф.Ф., Новоселов Р.С. Из истории становления советского здравоохранения на Урале // Советское здравоохранение. 1968. № 1. С. 67.

Следует коротко упомянуть про структурные изменения в управлении здравоохранением Вятской губернии, начиная с 1918 г. 11 июля 1918 г. в связи с образованием Народного комиссариата здравоохранения РСФСР врачебно-санитарный отдел Вятского губисполкома был переименован в отдел здравоохранения, который одновременно подчинялся губисполкому и наркомату здравоохранения РСФСР. Возглавлял губздравотдел заведующий. Во главе отдела стояла коллегия, состоявшая из представителей общественных организаций и учреждений. Члены коллегии избирались губернским съездом медицинских работников. В таком виде, с некоторыми изменениями (в структуре губздравотдела появлялись новые подотделы, в частности подотдел охраны материнства и младенчества в 1920 г., организационный отдел в 1921 г. и др.), губздравотдел просуществовал до 1929 г.[504]

Кроме вновь созданной государственной системы здравоохранения в СССР продолжала действовать и страховая медицина. Она представляла собой систему медицинского обслуживания рабочих, служащих и членов их семей, финансируемую через больничные кассы за счет фондов социального страхования, формировавшихся исключительно из средств работодателей[505]. В отличие от многих институтов старой власти и строя, существовавшего в России до октября 1917 г., страховая медицина не претерпела поначалу никаких кардинальных изменений.

В первые годы советской власти функционировали 2 крупные категории больничных касс. Это были кассы при отдельных предприятиях (числом рабочих не менее 200 человек) и кассы, объединяющие ряд мелких предприятий (общие кассы). Общие кассы могли иметь как территориальный характер, так и профессиональный. При этом кассовая медицина – так называли медицину больничных касс – не являлась

[504] Краткий обзор истории управления здравоохранением Вятского края в 1918−1970 гг. Киров, 1997. С. 4−8.
[505] Страховая медицина: начало и конец XX века. (Из материалов симпозиума по истории страховой медицины в России) // Медицинская газета. 1990. 11 февраля. С. 3.

общедоступной, а была рассчитана на обслуживание определенных контингентов населения – участников касс и членов их семей[506].

После образования Наркомздрава предполагалось объединить государственную и страховую медицину, так как было признано принципиально недопустимо и практически нецелесообразно параллельное существование при диктатуре пролетариата двух структур, отвечавших за здоровье нации. На практике объединение оказалось делом непростым. В конечном счете, 18 февраля 1919 г. был принят декрет Совнаркома РСФСР о передаче всей части бывших больничных касс народному комиссариату здравоохранения. Таким образом, произошло слияние кассовой и государственной медицины в бюджетно-страховую медицину[507].

Тем не менее, страховая медицина продолжала играть важную роль в системе уже советского здравоохранения. В 1921 г. фактически было создано медицинское страхование, как часть социального страхования населения. Появились специальные фонды, которые составлялись из взносов на все виды социальной помощи населению. Было учреждено 4 фонда: А) на страхование по временной нетрудоспособности, по материнству и пр.; Б) по инвалидности, вдовству, сиротству; В) по безработице; Г) на лечебную помощь застрахованным. Правительственным постановлением вводились (от 19 декабря 1921 г.) взносы на случай болезни, контроль за взиманием которых был возложен на Наркомздрав. Взносы по фонду «Г» собирались органами социального страхования и передавались органам здравоохранения, которые были обязаны оказывать все виды медицинской помощи застрахованным. Суммы страховых взносов составлялись из отчислений в фонды предприятий и учреждений в виде процента от общей суммы заработной

[506] Мирский М.Б. Медицина России X–XX веков. М., 2004. С. 363.
[507] Там же. С. 366−368.

платы[508]. Первоначально максимальный размер страховых взносов составлял 5–7% от фонда заработной платы. Для предприятий, создававших благоприятные условия для работающих, устанавливался поощрительный тариф, для плохо оборудованных – «карательный»[509].

Застрахованными считались все лица наемного труда[510]. Не охваченными страхованием оставались лишь некоторые сезонные и временные рабочие, а также часть домашних работниц. Число застрахованных на 1930 г. составляло 93,8% от общей численности рабочих и служащих[511].

Страховые средства из фонда «Г» рассматривались, как дополнительные средства к суммам из бюджета. Хотя на практике получалось, что, вследствие скудного финансирования из государственного и местного бюджета, средства страхового фонда превращались из дополнительного в весьма важный источник средств для системы здравоохранения в целом[512].

Так, к примеру, медицинское дело в Вятской губернии в 1928 г. финансировалось на 60% за счет местного бюджета (главный источник), на 29% за счет ассигнований фонда медпомощи застрахованным, на 9% − из госбюджета, 2% составляли спецсредства (из добровольного страхования кустарей, плата за лечение с нетрудового элемента, поступления от производства анализов, продажи лекарств и др.)[513].

Как можно заметить из приведенных выше цифр, средства местного бюджета являлись основным источником финансирования здравоохранения Вятского региона в годы первой пятилетки. Однако средства страховых касс также играли достаточно важную роль в этом

[508] Мирский М.Б. Указ. соч. С. 369−370.
[509] Андреевская Е.С. Этапы становления обязательного медицинского страхования в России // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2009. № 8. С. 10.
[510] Из кодекса законов о труде РСФСР // Государственное социальное страхование. Сборник официальных материалов. М.: Профиздат, 1954. С. 7.
[511] Дьяченко В.П. История финансов СССР. М., 1978. С. 182.
[512] Мирский М.Б. Указ. соч. С. 371−373.
[513] ГАКО. Ф.Р-1090 . Оп. 2. Д. 36. Л. 105.

деле. Приведенные ниже данные по Вятскому району за 1929–1931 гг. свидетельствуют о том, что фонд медицинского страхования являлся вторым по значению источником финансирования медицинского дела в районе и покрывал в среднем от 34 % до 21% расходов на здравоохранение

.

Таблица № 11.

Источники финансирования здравоохранения Вятского района.

Вложения на мероприятия здравоохранения	1929 г. (тыс. руб.)	1930 г. (тыс. руб.)	1931 г. (тыс. руб.)
Общие вложения на мероприятия здравоохранения из всех источников	1460,2	1722,0	3059,0
Из местного бюджета	723,7	831,7	1125,6
Из краевого бюджета	198,0	212,0	758,0
Из фондов медпомощи	493,8	554,7	642,5
Спецсредства промышленности и профсоюзов	-	1,5	5,5
Средства кооперации	1,2	2,3	6,4
Самообложение	2,5	4,8	17,1
Колхозов-коммун	2,0	6,0	14,4
Из краевого кредитного фонда	-	-	100,0
Из бюджета северного края	-	34,0	47,5

Источник: ГАКО. Ф. Р-1094. Оп. 2. Д. 6. Л. 110.

Таким образом, на начало рассматриваемого периода система советского здравоохранения представляла собой организационно абсолютно новую структуру, объединенную под началом и контролем государства, но сохранившую связь с медициной страховых касс, которая

оказывала ей существенную финансовую помощь. На местах главную роль в управлении играли здравотделы исполкомов Советов.

Важное место в новой системе медицинского обслуживания рабочего населения с 1928 г. прочно занимают профсоюзные органы. В их ведение постепенно начинают переходить функции страховых касс. Профсоюзы начинают активно заниматься вопросами социального страхования рабочих. Кроме того, формирование страховых организаций с 21 июня 1928 г., согласно «Примерному положению о местных органах социального страхования», должно было осуществляться на межсоюзных съездах профсоюзов. Подобный порядок организации страховых касс предусматривал осуществление руководства за их деятельностью со стороны профсоюзов и их отчетность перед последними[514]. Большое внимание уделялось совместной работе профсоюзных организаций и страховых касс по выявлению недостатков медицинской помощи застрахованным, составлению ориентировочных планов и смет лечебного фонда[515].

Вопросы оказания медицинской помощи населению и социального страхования занимают значительное место в обсуждении на съездах и пленумах профессиональных организаций. В феврале 1928 г. состоялся XII съезд профсоюзов Вятской губернии, который собрал более 75 тыс. рабочих и служащих. На съезде, наряду с отчетом губпрофсовета и обсуждением проблем развития промышленности, был заслушан доклад «О социальном страховании и медицинской помощи», которому было уделено в процессе обсуждения центральное внимание[516].

Созданная новая система государственного здравоохранения при активном участии страховых касс и профсоюзов была призвана решить

---

[514] Новое положение о местных страховых органах // Вопросы страхования. 1928. № 32. С. 1−2.
[515] Вопросы построения медпомощи застрахованным // Вопросы страхования. 1928. № 12. С. 5− 6.
[516] Подавалова З.В. Профсоюзная организация в период борьбы за создание фундамента социализма (Индустриализация и коллективизация, 1926–1932 гг.) // Из истории профессионального движения в Кировской области. Киров, 1968. С. 95.

накопившиеся в сфере медицинского обслуживания проблемы, каковых на начало рассматриваемого периода была масса.

Период с 1928 г., для Вятского региона стал началом восстановительного периода в деле развития здравоохранения. Несмотря на несомненные успехи, такие как появление и развитие новых отраслей медицины, не существовавших до революции (например, охрана материнства и детства и пр.), и различных профилактических учреждений (туберкулезный, венерологический диспансеры и пр.), в деле обслуживания лечебно-профилактической помощью рабочего населения накопились серьезные проблемы, требующие срочного решения[517].

Рождаемость за годы первой мировой войны, интервенции, гражданской войны, голода и разрухи значительно снизилась. Смертность среди населения в 1927 г. в Вятской губернии, по данным местного губисполкома Советов, особенно среди детского, превышала средне-республиканские цифры. По губернии на 100 рожденных приходилось 33 умерших, по РСФСР на 100 рожденных – 19 умерших[518]. Движение эпидемических и социальных болезней по Вятской губернии также представляло собой весьма угрожающую картину: заболеваемость сыпным тифом, оспой, трахомой, дизентерией и туберкулезом легких по губернии была выше, чем по РСФСР (см. табл. № 11, прилож. II).

При росте заболеваемости важной проблемой оставался недостаток лечебных учреждений и недостаток медицинских кадров, в том числе и в городах. Чуть лучше обстояли дела с оказанием стационарной помощи городскому населению. Рабочим она этот вид помощи был более доступен, нежели сельскому жителю. В городах губернии 1 койка приходилась на 100 человек, что было выше средних цифр по стране (по РСФСР – на 139,5 человек)[519].

[517] ГАКО. Ф. Р-1090. Оп. 1. Д. 56. Л. 31.
[518] Отчет Вятского губернского исполнительного комитета. С. 187.
[519] Там же.

Качественно медпомощь улучшилась, но вследствие высокой нагрузки врачи при приемах, как, например, в губернской больнице, Южной амбулатории г. Вятки, не имели возможности уделить каждому больному столько времени, сколько было необходимо. За один прием хирург Южной амбулатории порой принимал до 100 больных[520]. В итоге отмечалось большое количество жалоб со стороны посетителей на постоянные очереди, отказы в приеме по некоторым специальностям, на качество оказываемой медицинской помощи[521].

В уездных городах сложная ситуация с количеством койко-мест в стационарах часто заставляла руководство лечебных заведений идти на крайние меры. В тяжелое положение, к примеру, попала летом 1929 г. Нолинская окружная больница. Из объявления, размещенного в местной газете «Новая деревня» в июне 1930 г., следовало, что окружная больница «ввиду значительного наплыва больных требующих операции» прекратила прием населения на лечение на период с 15 июня по 1 октября 1930 г., кроме тех, кому требовалась срочная операция[522]. Не справившись с количеством больных, больница закрылась для приема на несколько месяцев. Местное население, и рабочие в том числе, были вынуждены на этот период обращаться за стационарной помощью в соседние медицинские учреждения.

Общей проблемой практически всех лечебных заведений Вятской губернии на начало 1928 г. было отсутствие строго определенной системы приема на амбулаторное и стационарное лечение. Все нуждающиеся в лечении больные принимались по частным записочкам врачей, что создавало большие очереди и долгое ожидание больными направления на стационарное лечение (порой до нескольких месяцев)[523]. Неудобства доставляли: теснота медицинских заведений и неприспособленность

[520] ГАКО. Ф. Р-1090. Оп. 2. Д. 18. Л. 87.
[521] Там же. Оп. 1. Д. 56. Л. 31−32.
[522] Новая деревня. 1930. № 47. 2 июня. С. 6.
[523] ГАКО. Ф. Р-1090. Оп.1. Д. 16. Л. 26.

многих из них для проведения лечебных и профилактических процедур, а также количественный недостаток лечебных учреждений, особенно специализированных[524].

В тубдиспансер города Вятки в 1928 г. на амбулаторный прием была очередь на несколько месяцев вперед[525]. Все врачи этого лечебного заведения в один голос жаловались на неимоверно тяжелые моральные условия работы, когда им приходилось отказывать в приеме тяжелобольным по причине того, что стационар диспансера не имел возможности принимать тяжелобольных и умирающих[526].

Состояние профилактической помощи, которая, кстати, тоже появилась только в советское время, на начало первой пятилетки также оценивалось как недостаточное. Профилактическое направление нашло отражение, прежде всего, в борьбе с социальными болезнями – туберкулезом и венерическими заболеваниями, которые в тот период были особенно распространены среди рабочих. Для борьбы с ними создавались диспансеры, т.е. учреждения, где не только оказывалась лечебная помощь заболевшим, но и велась социально-профилактическая работа (обследование района, выяснение источников и очагов зараз и оздоровление их, социальная помощь нуждающимся, улучшение жилищно-бытовых условий, санитарное просвещение и т.д.)[527].

Профилактические учреждения Вятской губернии преимущественно были расположены в городах, но объем их работы не позволял правильно обслужить даже городское население. Основные направления профилактической работы – профилактика венерических заболеваний и туберкулеза – велись в основном среди рабочих промышленных предприятий города Вятки и Вятского района при частичной финансовой

[524] ГАКО. Ф. Р-1090. Оп.1. Д. 16. Л. 2, 26.
[525] Там же. Д. 56. Л. 33.
[526] Там же. Л. 16.
[527] Семашко Н. 10 лет охраны здоровья рабочим (к 10-летию Наркомздрава) // Вопросы страхования. 1928. № 32. С. 2−3.

и организационной помощи профсоюзов[528]. В районах тубдиспансеры имелись только в Омутнинске и Слободском.

Особо стоит остановиться на проблемах медицинского обслуживания в уездах. Специальные виды лечебной помощи были сосредоточены в основном в г. Вятке – в губернской больнице, где оказывали помощь по всем специальностям. В уездных городах, ввиду недостатка штата врачей, прием вели в основном фельдшеры. Такие специалисты как: отоларинголог, педиатр, невропатолог и часто даже окулист, – отсутствовали. В документах имеются свидетельства того, что часто только для постановки диагноза больному приходилось ехать в губернский центр. В сельской местности ситуация была еще более сложной. Медицинская помощь там носила элементарный характер (первая помощь). Местное население, не имевшее возможности получить квалифицированную помощь по месту жительства, стремилось в города, где перегружало и без того переполненные больницы и амбулатории[529].

Вот, в самом общем виде, совокупность тех проблем в сфере здравоохранения Вятской губернии, которые, так или иначе, оказывали влияние на положение рабочего класса, и с которыми предстояло бороться местным органам власти в годы первой и второй пятилеток.

Местный губернский Совет начал усовершенствование здравоохранения в регионе с наведения порядка в системе организации приема больных в лечебных заведениях. В 1928 г. здесь, согласно распоряжениям центральных органов власти, была введена так называемая «марочная система» приема больных. Суть её состояла в следующем: лечебница распределяла между различными первичными амбулаторными учреждениями свободные места и по их количеству посылала нумерованные бланки («марки») для заполнения на больных. Теперь пациенты принимались на стационарное лечение и обследование

[528] ГАКО. Ф. Р-1090. Оп. 1. Д. 56. Л. 34.
[529] Там же. Л. 33−34.

исключительно по маркам. Исключение составляли рабочие. Они могли быть направлены любой амбулаторией вне зависимости от наличия марок[530].

В 1929 г. был создан первый перспективный пятилетний народно-хозяйственный план Вятского края, включивший в себя перспективы развития краевого здравоохранения. В годы первой пятилетки он неоднократно менялся, соответственно различным вариантам районирования территорий бывшей Вятской губернии[531]. Основными задачами первого пятилетнего плана были: укрепление лечебной сети, её количественный рост, увеличение числа врачей, развертывание сети учреждений по охране материнства и младенчества, что должно было, в конечном счете, привести к снижению общей и эпидемической заболеваемости, уменьшению смертности и дальнейшему усилению борьбы с социально-бытовыми болезнями[532]. Выполнение данных задач сделало бы Вятскую медицину более доступной для рабочего населения, а оказываемые услуги более качественными.

Мероприятия по народному здравоохранению в первом пятилетнем плане губернии разделялись на 2 основных категории: 1) мероприятия, предупреждающие возникновение болезней или санитарно-профилактические; 2) мероприятия по борьбе с заболеваниями, уже обнаружившимися, или лечебные[533].

После ликвидации губернии при разработке народно-хозяйственных планов в округах местные органы власти опирались на перспективный план развития Вятской губернии. Намеченные в нем мероприятия в сфере здравоохранения в основном были одобрены на окружных съездах Советов и дополнены с учетом местных особенностей. Так, на Нолинском

[530] ГАКО. Ф. Р-1090. Оп. 1. Д. 56. Л. 31.
[531] Полтавский С.П. От векового знахарства к передовому советскому здравоохранению. Очерки и материалы по истории здравоохранения Кировской области за годы советской власти. (Машинопись). Киров, 1950. С. 26.
[532] Полтавский С.П. Указ. соч. С. 27.
[533] Пятилетний план Вятской губернии. Вятка, 1929. С. 171.

окружном съезде Советов в июле 1929 г., наряду с задачей увеличения общего количества лечебных участков и больниц, ставились задачи по улучшению медицинского обслуживания школ, расширения медикаментозного снабжения населения, развертыванию санитарного просвещения в области предупреждения социальных болезней[534].

На I окружном съезде Советов Котельнического округа в июле 1929 г. отмечалось, что главными проблемами медицинского обслуживания в округе являлись: «плохо поставленное врачебное обслуживание населения», недостаточная сеть врачебных пунктов, ежегодное повышение смертности населения. Именно с этими проблемами, по мнению окружных властей, предстояло бороться в первую очередь[535].

В августе 1929 г. Вятские губернские и уездные отделы здравоохранения были ликвидированы в связи с изменением административно-территориального деления. С этого времени главная роль в деле организации здравоохранения ложится на окружные здравотделы, которые, являясь органами, планирующими дело здравоохранения в пределах округа, контролировали исполнение на местах директив правительства и партии. В районах создавались райздравотделения. Они в пределах района непосредственно руководили делом здравоохранения (управляли учреждениями здравоохранения, состоящими на районном бюджете, вели сметную бюджетно-отчетную работу и т.д.)[536].

Заведующим Вятским окружным отделом здравоохранения в период 1929–1930 гг. был Шубников Павел Гаврилович[537]. Райздравотделы возглавлялись заведующими районными больницами. Если таковой не

[534] Постановления I−ого Нолинского окружного съезда советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (с 23 по 25 июля 1929 г.). Нолинск, 1929. С. 25.
[535] Протокол заседаний I-го Котельнического окружного съезда Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов // ЦАНО. Ф. Р-2626. Оп. 1. Д. 36.
[536] ГАКО. Ф. Р-1090. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.
[537] Политические лидеры Вятского края. Биографический справочник. Киров, 2009. С. 98.

было в районном центре (как, например, в 1929 г. в Мурашинском, Зуевском, Оричевском, Фаленском, Проснинском райцентре), то данная функция возлагалась на врача местного врачебного пункта[538]. Окружные отделы просуществовали один год, и были упразднены постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 июня 1930 г.[539]

Важной задачей, которая стояла перед руководством страны на начало первой пятилетки, стала задача приближения медицинского обслуживания к промышленности. В соответствии с решениями XIV съезда партии о переходе к ускоренной индустриализации страны, в мае 1927 г. был созван VI Всероссийский съезд здравотделов. В докладе наркома здравоохранения Н.А. Семашко на первое место был поставлен вопрос о создании здравпунктов на предприятиях и организации борьбы с профессиональными заболеваниями. Семашко назвал здравпункты «щупальцами и сигнализаторами неблагополучия здоровья рабочих»[540].

С 1927 г. здравпункты становятся ведущим звеном здравоохранения Вятской губернии на крупных промышленных предприятиях. Согласно инструкции здравпунктов, разработанной Вятским окружным отделом здравоохранения и одобренной затем краевым отделом здравоохранения в июле 1930 г., функции здравпунктов сводились к оказанию первой медицинской помощи при несчастных случаях и при внезапных заболеваниях во время работы, изучению причин заболеваемости рабочих своего предприятия, проведению профилактических осмотров рабочих особо вредных цехов, изучению санитарного состояния предприятия и условий труда, проведению мероприятий по поднятию санитарной культуры среди рабочих и служащих. Оказание систематической лечебной помощи не входило в их обязанности[541].

---

[538] ГАКО. Ф. Р-1090. Оп. 1. Д. 1. Л. 76.
[539] Краткий обзор истории управления здравоохранением Вятского края в 1918–1970 гг. С. 8.
[540] Кузьмин М.К. История медицины. М., 1978. С. 125.
[541] Инструкция о работе медпунктов на предприятиях 17 июля 1930 г. // ГАКО. Ф. Р-1090. Оп. 1. Д. 7. Л. 316.

За тем, чтобы рабочие промышленности в СССР получали самый лучший пакет медицинских услуг, во второй половине 1930-х гг. внимательно следили профсоюзы. На V пленуме ВЦСПС в 1932 г. было принято решение о необходимости реорганизации системы здравоохранения и создания «закрытой сети» медучреждений для рабочих ведущих отраслей промышленности. Эта мера должна была привести к повышению качества получаемой рабочими медпомощи[542].

Идея была поддержана коллегией НКЗ РСФСР. В целях большей доступности медицинской помощи для рабочих и для более эффективной реализации профилактического направления советской медицины, Наркомздравом было принято решение о прикреплении рабочих отдельных предприятий ведущих отраслей промышленности к лечебным заведениям. Решение было принято 25 октября 1932 г. на заседании коллегии Наркомата здравоохранения и разослано всем заведующим областными и краевыми здравотделами для исполнения. Согласно этому документу, средние и мелкие предприятия (с числом рабочих менее 10000) должны были быть прикреплены к общегородской лечебной части, расположенной в районе предприятия, с обеспечением первоочередного обслуживания рабочих этих предприятий. В крупных промышленных центрах предприятия-гиганты с числом рабочих не менее 15 тыс. человек прикреплялись к больницам целиком. Наряду с медицинским обслуживанием по месту работы, органы здравоохранения должны были обеспечить возможность обращения рабочих за помощью по месту жительства[543].

Таким образом, медицинское обслуживание в данный период выходит за рамки собственно лечебной деятельности. По своим задачам оно становиться неотъемлемой частью производства. В годы второй пятилетки устанавливается тесная связь здравпунктов с районными

[542] Вопросы страхования. 1933. № 1. С. 24−25.
[543] ГАКО. Ф. Р-1094. Оп. 2. Д. 77. Л. 29, 44.

поликлиниками. Здравпункт становится филиалом районной поликлиники на производстве. На крупных предприятиях появляются заводские поликлиники[544] .

За годы первой пятилетки число здравпунктов на промышленных предприятиях страны увеличилось с 1942 в 1928 г. до 6139 в 1932 г., т.е. более чем в 3 раза[545]. По Вятской губернии / Кировской области точных данных по количеству здравпунктов за период с 1929 по 1937 гг. нет. По данным С.К. Бармина, в 1936 г. в Кировском крае действовало 48 здравпунктов при предприятиях[546]. По другим данным, в ведении Наркомздрава на территории Кировской области в 1937 г. находилось всего 12 здравпунктов[547].

При организации здравпунктов в производственных единицах краевые и местные органы власти исходили в первую очередь из принципа экономической значимости того или иного предприятия. Лучшую медицинскую помощь получали рабочие тяжелых отраслей промышленности, о чем наглядно свидетельствует нижеприведенная таблица.

Таблица № 12.
Распределение здравпунктов по предприятиям Горьковского края в 1934 г.

Отрасль промышленности	Число предприятий	Число здравпунктов	Количество врачей
машиностроительная	34	80	97
химическая	5	9	11
металлургическая	11	12	10
кожевенная	14	9	8
прочие	-*	8	54

-* – нет данных.

Источник: Глезеров З.Я. Здравоохранение в Горьковском крае и основные его задачи в 1934 году // Горьковский медицинский журнал. 1934. № 6–7. С. 68.

[544]Очерки истории здравоохранения СССР (1917–1956 гг.) С. 263.
[545] Там же. С. 237−238.
[546] Бармин С.К. История здравоохранения Вятской губернии. Киров, 1967. С. 23.
[547] ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 1651. Л. 158−159.

Наиболее благоприятная обстановка в плане медицинского обслуживания была в машиностроении, где на одно предприятие в среднем приходилось 2-3 здравпункта и 3 врача. В химической и металлургической промышленности в среднем приходилось по 1 здравпункту и по 1 врачу на предприятие. В менее благоприятной обстановке была кожевенная промышленность, где здравпунктов были лишены 1/3 предприятий.

Политикой ускоренной индустриализации предусматривалось создание привилегий для промышленного рабочего класса во всех сферах жизни, в том числе и в сфере медицинского обслуживания. 18 декабря 1929 г. выходит постановление ЦК ВКП(б) «О медицинском обслуживании рабочих и крестьян». Документ требовал коренным образом перестроить работу органов и учреждений здравоохранения и строго соблюдать классовый принцип при медицинском обслуживании. В нем отмечалась необходимость улучшить лечебную и профилактическую помощь, прежде всего, в промышленных центрах, выделяя в особую группу основные индустриальные районы (горная и металлургическая промышленность). Это означало, что рабочие получали преимущества перед остальным населением в том, что подлежали бесплатному приему и лечению в первую очередь[548].

В конце 1920-х гг. XX века и в здравоохранении Вятского региона стали проявляться черты политизации в деле оказания медицинской помощи. Местные власти достаточно оперативно отреагировали на декабрьское постановление ЦК ВКП(б). Вятским окружным отделом здравоохранения был составлен документ с достаточно красноречивым названием «О классовой линии в медицинской помощи». В нем заведующий Вятским окрздравом П.Г. Шубников доводил до сведения

[548] Постановление ЦК ВКП(б) «О медицинском обслуживании рабочих и крестьян» от 18 декабря 1929 г. // Постановления КПСС и Советского правительства об охране здоровья народа. М., 1958. С. 167−168

старшего врача Вятской окружной больницы Полякова, что отныне в деле оказания медицинской помощи населению необходимо строго придерживаться классовой линии.

Из текста документа: «…до настоящего времени дело оказания медицинской помощи стоит у нас в округе вне политики: и друзей и врагов советской власти лечим одинаково. Такой взгляд политически в корне не верен: пока борьба за достижение социалистического общества не закончена, до тех пор и медицинская помощь должна оказываться по принципу классовой политической линии. Советский медик, исходя из политических установок, не имеет права врагов советской власти лечить в общей очереди с трудящимся населением – в первую очередь должна быть оказана наилучшая медпомощь…трудящимся… Такое положение, когда койки в больнице, когда специальное лечение предоставляется лишенцам, дольше терпимо быть не может… Невыдержанность политической классовой линии в деле здравоохранения рассматривать как вредительство, и в каждом отдельном случае производить расследование. В зависимости от выяснения причины, к виновным применять взыскания вплоть до предания суду, если будут установлены сознательные случаи вредительства и медицинской контрреволюции»[549]. На данный документ наложена резолюция: «Дать для ознакомления к сведению и руководству под расписку всем зав. отделениями и ординаторам».

Мероприятиям по обеспечению привилегированного обслуживания рабочих в лечебных заведениях Вятской губернии / Кировской области отводилась важная роль в ходе осуществления местными органами власти своих полномочий в сфере здравоохранения на протяжении всего периода 1930-х гг. XX в. Характерный пример – распоряжение № 83 по Вятскому горсовету от 18 июля 1931 г. В соответствии с данным документом,

[549] Куковякин С.А., Агалаков В.И. Очерки истории Кировской областной клинической больницы 1802–2002 гг. Киров, 2002. С. 239.

устанавливался следующий порядок приема больных в лечебных учреждениях г. Вятки:

1. Вне очереди – ударники фабрично заводских предприятий по представлению от предприятия, партактива… и работники ОГПУ, красноармейцы, персональные пенсионеры и тяжелобольные.
2. В первую очередь – рабочие государственных предприятий и промышленной кооперации, милиция, угрозыск, красноармейцы и дети до 7-летнего возраста.
3. Во вторую очередь – колхозники, служащие и учащиеся.
4. В третью очередь – члены семей рабочих, служащих, пенсионеры.
5. В четвертую очередь – прочие[550].

В апреле 1934 г. в Вятской городской больнице началась организация образцово-показательных палат для рабочих-ударников. Согласно «Положению», разработанному для данных палат главврачом Шабалиным, они должны были создаваться в каждом отделении, причем, для такой палаты должна была выделяться комната «более удобная, солнечная, средних размеров». В палате для ударников должны быть приведены в порядок стены, пол и окна, поставлены «лучшие одинаковые койки с лучшими одинаковыми матрацами и одеялами», «на каждом прикроватном столике и окне должны были стоять живые или искусственные цветы». Для данной палаты выделялась посуда лучшего качества, каждый больной на столике должен был иметь стакан для воды, зубной порошок и зубную щетку, полотенце. В палате должно быть повешено зеркало и поставлен умывальник. Над входом в палату обязательно должна висеть надпись «Образцово-показательная для ударников»[551].

[550] Куковякин С.А., Агалаков В.И. Указ. соч. С. 244.
[551] Там же. С. 242−243.

За образцовой комнатой закреплялся специальный врач, а также средний и младший медицинский персонал. Причем медперсонал был обязан «…на месте видном для всех больных вывешивать температурные листки, осмотр их проводился в строго определенное время, все назначения врача фиксировались в палатный журнал, врач ежедневно проверял исполнение своих назначений[552].

Одним из принципов новой советской медицины, сформулированным еще в 1918 г. наркомом здравоохранения Н.А. Семашко, должен был стать принцип бесплатности медицинского обслуживания для всех категорий населения. Первоначально он, действительно, реализовывался. Лечили всех одинаково: и друзей и противников советской власти, причем бесплатно. Однако, острый дефицит средств отпускаемых на медицину, так или иначе, подталкивали органы местной власти к идее о введении платной медицины для отдельных категорий населения, прежде всего, для лиц незанятых в производстве.

Решение о платном медицинском обслуживании для нетрудового населения в Вятской губернии было принято на заседании президиума Вятского губернского исполнительного комитета 4 апреля 1928 г. после длительного обсуждения. В рассмотрении проекта постановления приняли участие представители губернского отдела здравоохранения, губернского финансового отдела, профессионального союза «Медсантруд»[553]. Первый проект «Инструкции по проведению платности медпомощи нетрудовому населению Вятской губернии» на рассмотрение в губернский исполнительный комитет попал еще 28 ноября 1927 г., однако обсуждение данного вопроса вызвало много споров, поэтому затянулось вплоть до апреля 1928 г.[554]

[552] Куковякин С.А., Агалаков В.И. Указ. соч. С. 244.
[553] ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 1689. Л. 29.
[554] ГАКО. Ф. Р-1090. Оп. 1. Д. 7. Л. 145.

В конечном счете, решением Вятского губернского исполкома Советов была введена плата за определенные медицинские услуги с населения городов Вятской губернии. Члены президиума губисполкома постановили: «ввести платность медпомощи с нетрудового населения, лишенных избирательных прав за стационарное лечение в стационарах города Вятки и уездных городах, вятском нервно-психиатрическом диспансере и зубоврачебной амбулатории..». К социальным группам, на которые должно было распространяться данное постановление, относились: нетрудовое население губернии (в документе уточнялось, что под термином нетрудовое население, следует понимать «лиц, лишенных избирательных прав»), крестьяне, которые обращались в «иноучастковые» лечебные заведения без препроводительных бумаг от участкового медперсонала. Такса на оплату отдельных видов медпомощи устанавливалась Губздравом[555].

Оплате подлежал только стационарное лечение, амбулаторный прием оставался для всех категорий населения бесплатным (кроме зубной амбулатории)[556]. Стоимость отдельных медицинских операций приведена ниже.

Таблица № 13.

Стоимость единицы медпомощи (в рублях).

Койко-день	2,50
Амбулаторный совет	0,50
Большая операция	25
Малая операция стационарная	10
Малая операция амбулаторная	3
Лечебная ванна	0,50
Перевязка амбулаторная	0,30
Впрыскивание подкожное или внутримышечное амбулаторное	0,30
Рентгеновский снимок	10
Исследование желудочного сока	5
Вправление вывиха без наркоза	2
Вправление вывиха с наркозом	3
Цитоскопия	5

Источник: ГАКО. Ф. Р-875. Оп.1. Д. 1689. Л. 32.

[555] ГАКО. Ф. Р-875. Оп.1. Д. 1689. Л. 29.
[556] Там же. Л. 32.

Нужно отметить, что цены на отдельные медицинские услуги были установлены на достаточно высоком уровне и были рассчитаны на обеспеченные слои населения. К примеру, стоимость большой операции (25 рублей) равнялась зарплате некоторых низкооплачиваемых рабочих.

Что касается рабочего класса, то для него все виды медицинских услуг оставались бесплатными. Кроме того, если застрахованный направлялся из района на специализированное лечение в окружные учреждения, как стационарные, так и амбулаторные, то он должен был быть снабжен «проездными деньгами в оба конца пути» из средств лечебного фонда[557]. Перевозка в лечебные заведения рабочих и служащих, заболевших на месте производства, должна была производиться средствами и за счет того предприятия или учреждения, в котором работал заболевший[558].

«Группировка клиентуры по признаку платности производилась на основании документов, предъявляемых по служебной, профсоюзной, собесовской, военной, школьной социальной линиям»[559].

Рецепты, по которым отпускались лекарства больным, делились на несколько видов. Первый вид – рецепты с надписью «платный». По ним лекарства отпускались лицам, получающим медпомощь в городских лечебных учреждениях за плату – оплачивалась полная стоимость лекарства по таксе, установленной Наркоматом здравоохранения. Второй вид – рецепты с надписью «полуплатный». По ним лекарства отпускались по таксе Наркомата здравоохранения со скидкой 30%. В основном такие рецепты выписывались застрахованным, и лицам к ним приравненным. По таким рецептам необходимые медикаменты выдавались всем рабочим. 3 вид – рецепты с надписью «экстренно», «цито», по которым лекарства

[557] ГАКО. Ф. Р-1090. Оп. 1. Д. 1. Л. 34.
[558] Постановление СНК СССР «О возложении на учреждения и предприятия перевозки в лечебные заведения заболевших рабочих и служащих» от 12 сентября 1928 г. // Государственное социальное страхование. Сборник официальных материалов. М., 1954. С. 7.
[559] ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 1689. Л. 36.

отпускались абсолютно бесплатно, в основном лицам, которым требовалась экстренная медицинская помощь[560].

Введение платности отдельных видов медицинской помощи для нетрудового населения в регионе не принесло желаемого эффекта. Поступления от оказания платных видов услуг были мизерны, а выяснение классовой принадлежности больного перед приемом, приводило к конфликтам, дополнительным очередям, излишней бумажной волоките, и никак не способствовало лечебному процессу. Введение платной медпомощи негативно отразилось и на медобслуживании рабочих, так как им тоже приходилось доказывать свою социальную принадлежность.

В конце концов, в апреле 1934 г. было принято решение Наркомата финансов РСФСР о том, что во всех бюджетных лечебных учреждениях Наркомата здравоохранения все виды медицинской помощи должны оказываться бесплатно. Взимание платы допускалось лишь в хозрасчетных учреждениях здравоохранения (зубоврачебных кабинетах, поликлиниках и др.) с соблюдением классового принципа. Данная директива была разослана во все местные органы власти и вскоре начала действовать и на территории Вятского региона[561]. Так, с 1934 г. медицинское обслуживание в лечебных заведениях стало действительно бесплатным для всех категорий населения, что явилось одним из главных достижений советской медицины этого периода.

Более доступными для населения во второй половине 1930-х гг. стали лекарства. Чтобы избавиться от иностранной зависимости, в 1930-е гг. была создана отечественная фармацевтическая промышленность. Налажено производство собственных препаратов: стрептоцида,

[560] ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 1689. Л. 32.
[561] ГАКО. Ф. Р-1094. Оп. 2. Д. 111. Л. 6.

сульфидина, кофеина, эфедрина, и др. Была организована служба крови, в областных центрах появились станции переливания крови[562].

Все эти мероприятия позволили на основании постановления Совнаркома СССР от 2 июля 1935 г. «О торговле медикаментами» установить бесплатный отпуск лекарств всем больным, находящимся на излечении в стационарных учреждениях, амбулаторным больным, которые пользовались лекарственной помощью при внутри амбулаторных процедурах, а также при проведении профилактических мероприятий, при оказании неотложной помощи на дому. Платными оставались только те лекарства, которые отпускались больным на дом[563].

Кроме того, также в 1935 г., на основании приказа по НК здравоохранения РСФСР отменялась марочная система приема больных, введенная еще в 1928 г., которая за годы действия себя не оправдала. В приказе отмечалось, что марки отменялись в целях устранения возможности их использования в качестве денежного суррогата[564]. Отмена марок упростила систему медицинского обслуживания населения в Кировской области.

Важные преобразования в годы второй пятилетки произошли в сфере централизации системы управления здравоохранением. Следующий этап в этом направлении – окончательный переход от бюджетно-страховой медицины к государственной системе здравоохранения. Еще в 1928 г. ассигнования по фонду медицинской помощи застрахованным были включены в общий бюджет здравоохранения[565]. Последним шагом в ликвидации страховых касс стала передача в 1933 г. всех средств социального страхования в распоряжение ВЦСПС. Функции по руководству социального обеспечения населения также переходили профсоюзам. Вместе с тем профсоюзам передавались санатории, дома

[562] Кузьмин М.К. Этапы советской медицины за 70 лет // Советская медицина. 1987. № 11. С. 50.
[563] ГАКО. Ф. Р-1094. Оп. 2. Д. 148. Л. 159.
[564] Там же. Л. 127.
[565] Андреевская Е.С. Этапы становления обязательного медицинского страхования в России. С. 10.

отдыха и другие учреждения[566]. Ликвидация страховых касс дала значительный экономический эффект, сократив органы управления.

В обязанности местных профсоюзных органов с этого момента входили: выдача пособий по временной нетрудоспособности рабочим и служащим; приобретение и выдача путевок в санатории, на курорты, дома отдыха; взимание страховых взносов; разработка мероприятий по борьбе с заболеваемостью; капитальное строительство и управление санаториями и домами отдыха и др. Для ведения работы по социальному страхованию в ЦК союзов создавались кассы социального страхования[567].

Важным направлением работы профессиональных союзов стало санаторно-курортное лечение населения. По негласному правилу, путевки должны были распределяться профсоюзами в соотношении: 90% – рабочим, 10% – служащим. В первую очередь путевками обеспечивались ударники, стахановцы[568].

В Вятском крае такой дополнительный к лечению метод поправки здоровья особенное распространение получил уже после организации Кировского края в 1934 г. В 1929 г. рабочие Вятского округа могли рассчитывать, в основном, на получение путевок для лечения на «зимние курорты» на льготных условиях оплаты. Преимущества имели члены профсоюзов бумажников и химиков[569].

Уже в 1935 г. профсоюзы Кировского края обеспечили бесплатными путевками на курорты и в санатории Северного Кавказа, Южного побережья Крыма и т.д. более 1600 человек, а в 1936 г. – уже более 1900. Через дома отдыха было пропущено более 13500 человек в 1935 г., и более 14600 человек в 1936 г.[570]

---

[566] Постановление СНК СССР и ВЦСПС от 10 сентября 1933 года «О порядке слияния НКТ СССР с ВЦСПС» // Государственное социальное страхование. С. 8.
[567] О функциях профсоюзов в области социального страхования // Государственное социальное страхование. С. 10−11.
[568] Онучин П.В. Органы соцстраха на пороге последнего заключительного года пятилетки // Нижегородский медицинский журнал. 1932. № 3−4. С. 18.
[569] ГАКО. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 3. Л. 28.
[570] Кировский край между I и II чрезвычайными съездами Советов. Киров, 1936. С. 131.

Возрастающее год от года значение здравоохранения, как важнейшего государственного дела обусловило решение правительства об образовании Наркомздрава СССР, которое было принято 20 июля 1936 г. Главой Наркомздрава СССР стал Г.Н. Каминский. В непосредственное его ведение перешли крупнейшие медицинские вузы, институты усовершенствования врачей, курорты общесоюзного значения[571].

Структура местных органов управления здравоохранением в Вятском / Кировском регионе также во второй половине 1930-х гг. существенно видоизменилась. В декабре 1934 г., в связи с образованием Кировского края, был организован Кировский краевой здравотдел[572].

Вследствие реорганизации Кировского края в Кировскую область, в декабре 1936 г. был организован отдел здравоохранения исполнительного комитета Кировского областного Совета депутатов трудящихся, который в своей деятельности подчинялся, как Кировскому облисполкому, так и наркомату здравоохранения РСФСР. Облздравотдел руководил всем делом здравоохранения в масштабах региона и контролировал работу городских и районных отделов здравоохранения[573].

Таким образом, к концу второй пятилетки задача по централизации медицинского управления была, в основном, решена.

Насколько проводимые центральной и местной властью мероприятия способствовали решению накопившихся проблем в сфере медицинского обслуживания и повышению качества жизни рабочих вятской / кировской промышленности свидетельствуют данные статистики. Значительно увеличилась на территории Вятской губернии / Кировской области за годы первой и второй пятилетки сеть медицинских учреждений (см. табл. № 12, прилож. II). Сравнивая данные по количеству лечебных заведений в 1929 г. и 1937 г., несложно подсчитать, что за этот

[571] Потулов Б.М. Этапы большого пути (К 70-летию Ленинского декрета об образовании Наркомздрава) // Советское здравоохранение. 1988. № 6. С. 4.
[572] Краткий обзор истории управления здравоохранением Вятского края в 1918–1970 гг. С. 8−9.
[573] Краткий обзор истории управления здравоохранением Вятского края в 1918–1970 гг.

период количество больниц в Кировской области увеличилось почти в 2 раза, число врачей более чем в 2 раза, число коек в стационарах в 1,3 раза.

Кроме того, за эти годы врачебная помощь пришла туда, где её никогда не было – в село. Для того чтобы получить квалифицированную помощь рабочим Кировской области уже не обязательно было ехать в областной центр. Нужные специалисты появляются и в районных больницах. Так в Яранской больнице в 1935 г. лечебную сеть обслуживали 9 врачей: главный врач, 2 хирурга, 2 терапевта, 1 окулист, 1 гинеколог, 1 инфекционист, 1 венеролог[574]. Значительно увеличилось количество хорошо оборудованных больниц и родильных домов[575].

Успехи здравоохранения Вятского края часто были обусловлены большим личным участием медицинского персонала лечебных заведений. Так, например, Унинская районная больница, благодаря хлопотам заведующего М.Г. Кирьянова с 1936 г. имела собственную электростанцию и водопровод. На базе Слободской больницы главврач И.А. Салтыков по собственной инициативе организовал в 1935 г. 2-х годичную школу для медицинских сестер[576]. В 1936 г. доктор кировской железнодорожной больницы С.К. Бармин впервые в Кирове, после немногих московских больниц, применил метод лечения гнойных хирургических болезней при помощи аммиачного серебра[577].

Поставленные задачи невозможно было решить без своевременного и достаточного финансирования со стороны краевых и республиканских властей. По сумме из бюджетов всех уровней в Вятской губернии на здравоохранение в 1928 г. было заложено 4559 тыс. рублей[578]. Выявить размер вложений в здравоохранение бывшей Вятской губернии за тот период, когда она находилась в составе Нижегородского / Горьковского

[574] 200 лет Яранской больнице. Яранск, 2008. С. 18.
[575] Бармин С.К. История здравоохранения Вятской губернии. С. 23.
[576] «Трудовая доблесть». Корифеи земской и советской медицины и Красного креста Вятского края XIX–XX вв. (1937–2003гг.). Киров, 2007. С. 89, 122.
[577] Сталинец. 1936. № 52. 15 мая. С. 4.
[578] Отчет Вятского губернского исполнительного комитета. С. 196.

края достаточно сложно. Можно лишь отметить, что за 1932 г. на здравоохранение края из бюджета Горьковского края было выделено 18714,0 тыс. руб., что составляло 9,60 % от общей суммы бюджета края, в 1933 г. сумма возросла до 21143,5 тыс. руб., что составило 9,9% от всего бюджета края[579]. С образованием Кировской области расходы на здравоохранение составили 43927,4 тыс. руб. (бюджет 1938 г.), что составляло уже 16,8% от общей суммы бюджета[580]. Налицо увеличение объема средств выделяемых на здравоохранение за годы первой и второй пятилеток, что стало одним из факторов количественных и качественных достижений в сфере медицинского обслуживания в Вятской губернии / Кировской области.

Особенно высоких показателей в сфере медобслуживания удалось достичь в городах. В Кировской области в 1939 г. показатель обеспеченности городского населения по коечной помощи превышал средний по РСФСР: на 1000 человек в Кировской области приходилось 9,15 коек, по РСФСР – 7,5. По количеству врачей на 10000 жителей в городе Кирове приходилось 16,2 врачей, по другим городам – 9,1. В сельской местности показатели были значительно ниже. Число коек на селе на 1000 жителей в среднем составляло 1,44, а число врачей на 10000 жителей – 0,76[581].

За годы первых пятилеток увеличилось количество видов специализированной лечебной помощи, которые оказывались городскими медицинскими учреждениями. В уже существовавших лечебных заведениях появляются новые отделения. В областной больнице открывается онкологическое отделение (в 1936 г). До этого онкологических больных лечили в хирургии. К 1937 г. в ней уже существовали следующие отделения: терапевтическое, хирургическое,

[579] ЦАНО. Ф. Р-2626. Оп. 1. Д. 1918. Л. 67.
[580] ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 1651. Л. 164.
[581] Галлямова З.В. Указ. соч. С. 68−69.

гинекологическое, ушное, глазное, нервное, скарлатинозное, кожно-венерическое, брюшнотифозное, рожистое, рентгенологическое и онкологическое[582]. В 1933 г. по инициативе врача Крюкова П.В. были сделаны первые опыты по переливанию крови в Вятке. В 1935 г. при хирургическом отделении Кировской областной больницы доктором С.И. Василевским был открыт филиал московского института переливания крови[583].

Совершенствовались методы лечения больных. В 1935 г. в больницах г. Кирова был введен спаренный бригадный метод работы медперсонала по обслуживанию больных. Каждая бригада действовала в соответствии с определенным планом лечения пациента. Каждый член медицинской бригады имел определенную задачу, за выполнение которой он нес ответственность[584].

Улучшение медицинского обслуживания оказало позитивное воздействие на здоровье кировчан, и рабочих в том числе: заболеваемость заразными болезнями к 1936 г. была снижена среди населения региона в 2 раза по сравнению с 1934 г. и в 4 раза по сравнению с 1933 г. Заболевание оспой и сибирской язвой – единичные случаи, а в 1927 г. натуральной оспой болело почти 11 тыс. жителей Вятской губернии[585].

Главной причиной снижения заболеваемости оспой стала проводимая под руководством местных органов здравоохранения, начиная с 1929 г., компания в регионе по оспопрививанию населения. Прививочным материалом не только Вятский регион, но и весь Горьковский край снабжал Вятский санитарно-бактериологический институт[586]. По

[582] ГАКО. Ф. Р-1102. Оп. 5. Д. 26. Л. 183; ГАКО. Ф. Р-1094. Оп. 2. Д. 118. Л. 12.
[583] Полтавский С.П. От векового знахарства к передовому советскому здравоохранению. С. 124.
[584] Кировская правда. 1935. № 33. 9 февраля. С. 2.
[585] Материал крайздрава к докладу на пленуме крайисполкома о состоянии и задачах здравоохранения. Киров, 1936. С. 1.
[586] Глезеров З.Я. Здравоохранение в Горьковском крае и основные задачи в 1934 году // Горьковский медицинский журнал. 1934. № 6−7. С. 4.

Кировскому краю только в 1935 г. было сделано свыше 0,5 млн. прививок против оспы[587].

Была снижена заболеваемость дизентерией, дифтерией. Однако, по-прежнему напряженная ситуация оставалась с заболеваемостью туберкулезом, самой распространенной среди рабочих болезнью. Смертность (на 10000 населения) составляла 39 случаев по Кирову, 41,6 случаев по Слободскому, против 17 случаев в Ленинграде и 11 в Москве.[588] С 1929 г. в здравпунктах промышленных предприятий перестали регистрироваться такие заболевания как сифилис, стригущий лишай, чесотка[589].

Повышенное внимание в годы первых пятилеток уделялось и организации питания больных. Анализируя материалы местной прессы и документы проверок лечебных учреждений, можно сделать вывод о том, что питание больных в 1928 г. оставляло желать много лучшего. Многочисленны были жалобы рабочих на малокалорийную, холодную, а порой просто несъедобную пищу, которую им подавали в больницах[590].

Ответственность за решение данной проблемы была возложена на главных врачей. Подтверждением тому может служить выписка из приказа № 106 от 29 сентября 1935 г. по Кировской краевой больнице: «…ввиду повторных напоминаний зав. Крайздравом т. Шубникова о необходимости пробы обедов главным врачом предлагаю: зав. кухней ежедневно подавать мне на пробу по 2-3 блюда завтрака и обеда. Те блюда, которые, по мнению старшего повара или дежурного врача кажутся не вполне доброкачественными или не соответствуют нормальной раскладке…подавать на пробу обязательно…».

---

[587] Материал крайздрава к докладу на пленуме крайисполкома о состоянии и задачах здравоохранения. С. 1.
[588] Там же.
[589] Пятьдесят советских лет (1917–1967 гг.). Кировская область. Киров, 1967. С. 224.
[590] ГАКО. Ф. Р-1090. Оп. 1. Д. 15. Л. 224.

В 1936 г. при Краевой больнице приказом № 4 от 19 января были организованы кухня, столовая и снабженческая база специально для отделения лечебного питания[591].

Мероприятия принесли положительный эффект. Жалобы на питание в больницах сменяются восторженными отзывами. Вот один из них, опубликованный в газете «Вятская правда» в 1935 г.: «Питание в больнице (авт.- Кировской городской) хорошее, кормят нас 4 раза в день, чистота в палатах безукоризненная, имеется радио»[592].

Новые задачи, связанные с огромным ростом промышленных предприятий и образованием нового административного деления страны, вызвали необходимость пересмотра содержания работы санитарных служб. 19 февраля 1927 г. СНК РСФСР принял новый закон «О санитарных органах республики». В нем были установлены новые нормативы санитарных учреждений и должностей санитарных врачей. Должность санитарного врача и должность помощника устанавливалась в зависимости от хозяйственно-экономического значения и количества населения: в промышленных районах на 40000 жителей, промышленно-земледельческих – на 80000. В городах дополнительно вводилась должность жилищно-коммунального врача на каждые 85000 жителей и санитарно-пищевого врача на каждые 50000 жителей[593].

Перед Народным комиссариатом здравоохранения РСФСР стояли задачи санитарного оздоровления основных промышленных районов. Ответственность за проведение санитарно-оздоровительных мероприятий была возложена не только на органы здравоохранения, но и на хозяйственные наркоматы и местные органы советской власти[594].

---

[591] Куковякин С.А., Агалаков В.И. Указ. соч. С. 252.
[592] Кировская правда. 1935. № 33. 9 февраля. С. 4.
[593] Грибанов Э.Д. Всероссийские съезды здравотделов и их значение для практики советского здравоохранения. М., 1966. С. 144.
[594] Очерки истории здравоохранения СССР (1917–1956 гг.) С. 208.

В Вятском регионе в 1931 г. насчитывалось 14 санитарных врачей. Из них четверо работали в городе Вятке, обслуживая преимущественно промышленные предприятия. Остальные десять – в уездах. Работа санитарных врачей дифференцировалась по отдельным видам санитарии: пищевой, коммунальной, профессиональных заболеваний. При горздравотделе появилась должность врача по санитарному просвещению[595]. Получив самостоятельное административное существование, Кировский край обзаводится уже 27 санитарными врачами[596].

В функции санитарных врачей входило обследование жилищ рабочих, с целью выявления причины заболеваний. 11 января 1930 г. санитарный врач города Вятки Н.Ф. Усатов, обследовав место проживания заболевшего сибирской язвой рабочего Шубно-овчинного завода Д.П. Булдакова, в акте обследования отмечал, что «гражданин Булдаков занимает с семьей 1 комнату в нижнем этаже деревянного полусгнившего дома, комната высотой более 1 м, холодная, содержится грязно, имеет массу клопов и тараканов», и сделал заключение, что подобные жилищные условия способствуют усугублению болезни и распространению её на других членов семьи[597].

На территории Вятского края в годы первых пятилеток активно действовали санитарные дружины Российского общества красного креста. По воспоминаниям ветерана общества РОКК Е.М. Панкратова, к ноябрю 1928 г. на территории Нижегородского края действовало уже 153 первичных организаций с 6000 членов, работали 53 кружка первой помощи, имелось значительное число санитарных дружин. Организация РОКК проводила оздоровительную работу среди населения, создавала

[595] Полтавский С.П. От векового знахарства к передовому советскому здравоохранению. С. 28.
[596] Там же. С. 29.
[597] ГАКО. Ф. Р-1043. Оп. 1. Д. 21. Л. 17.

медицинские бригады для оказания 1 помощи строителям фабрик и заводов[598].

Особым направлением медицинской помощи стала санитарная авиация. С 1935 г. на аэродроме города Кирова ежедневно дежурили 2 санитарных самолета с бригадой врачей, готовых вылететь в самые отдаленные места области к людям, нуждающимся в срочной медицинской помощи[599].

Организация скорой медицинской помощи в Вятке имеет свою интересную историю. До революции в России было всего две станции скорой медицинской помощи − в Москве и Петербурге[600]. В 1920 г. отмечено существование таковой и в Вятке[601]. На первых порах Вятская станция скорой помощи обслуживала в сутки около двух десятков больных. Первым её местопребыванием стала маленькая комната при горздраве. Вызовы принимались по телефону дежурным фельдшером, выполнялись врачом-совместителем, штатных врачей поначалу не было, не было и младшего персонала. В 1930 г. для станции было выделено постоянное помещение в здании южной поликлиники. Четыре года спустя она получила отдельное помещение. В первые годы деятельности станция скорой помощи не имела собственного транспорта. Вызов выполнялся врачом на извозчике или пешком. Лишь в 1929 г. она обзаводиться первоначально грузовой автомашиной, переоборудованной для перевозки больных, а в 1939 г. – типовой санитарной[602].

В целях увеличения эффективности станции, в 1935 г. Кировским горсоветом принято решение об установлении для лиц, вызвавших скорую помощь ложным сообщением о несчастном случае, штрафа в размере 100 рублей, или наказания в виде 1 месяца исправительных работ.

---

[598] Бюллетень Кировского областного комитета Красного креста. Советскому красному кресту – 40 лет. Киров, 1958. С. 1.
[599] Из истории здравоохранения. Цифры и факты // Спутник агитатора. 1978. № 1. С. 22.
[600] Пятьдесят советских лет (1917–1967 гг.) С. 225.
[601] Бакулин В.И. Трудный переход от войны к миру. Кн. 1: 1920 год. Киров, 2009. С. 69.
[602] Полтавский С.П. От векового знахарства к передовому советскому здравоохранению. С. 141−142.

Должностные лица или медперсонал, которые были виновны в необоснованном отказе в оказании помощи, привлекались к уголовной ответственности[603].

Несмотря на несомненные успехи в деле развития здравоохранения Кировской области, некоторые его показатели все же отставали от потребностей жителей региона. Достаточно отметить, что в 1935 г. край имел 40 больниц, не обеспеченных врачами, и 14 районов, не имеющих больничных помещений. В ряде населенных пунктов на начало 1935 г. не было даже фельдшеров[604]. Проблема медицинских кадров продолжала оставаться достаточно острой до конца второй пятилетки[605].

Проблема недостатка помещений под лечебные учреждения была отчасти связана с тем, что часть больничных помещений была занята учреждениями и лицами, не имеющими отношения к медицине. Так, например, в Омутнинске главный корпус больницы был занят педтехникумом, в Халтурине здание, специально выстроенное под детскую больницу, было занято управлением НКВД, в Кирове в больничных зданиях жили 75 семей, были размещены пекарня, городской отдел ЗАГС и школа глухонемых[606].

Очень интересны оценки советской медицины иностранных врачей, которые по разным причинам оказались в 1930-е гг. в СССР. Член парижской ларингологического общества профессор Ф. Леметр провел в СССР три недели летом 1936 г. В ноябрьском номере журнала «Анналы отоларингологии» появилась его статья «Впечатления о советской медицине». В ней Леметр подробно описывает свое посещение больниц: Кремлевской в Москве, «такой же в Киеве» и санатория в Барвихе. Тут в ход идут превосходные эпитеты. В конце автор даже сетует на отсутствие

[603] ГАКО. Ф. Р-1094 . Оп. 2. Д. 148. С. 182.
[604] Материалы I Кировского краевого съезда советов // ГАКО. Ф. Р-2168. Оп. 1. Д. 52. Л. 93.
[605] Дело здравоохранения на уровень задач 2 пятилетки // Кировская правда. 1935. № 36. 12 февраля. С. 2; Материал крайздрава к докладу на пленуме крайисполкома. С. 7.
[606] Материал крайздрава к докладу на пленуме крайисполкома. С. 7.

повода для критических замечаний. Завершаются эти «путевые заметки» на высокой оптимистической ноте: «До совершенства еще очень далеко, многого в организации медицинского не хватает. Однако проделанная работа изумительна, возможности неограниченны и уже получены великие достижения»[607].

Таким образом, в годы первых пятилеток в СССР была проведена колоссальная работа по созданию принципиально новой системы государственного медицинского обслуживания населения. В Вятской губернии / Кировской области за этот период в сфере медицинского обслуживания населения при активном участии местных органов власти также было сделано немало. К несомненным достижениям Вятского здравоохранения относятся увеличение количества лечебных заведений (почти в 2 раза), в том числе специализированных, повышение качества оказываемой помощи, особенно в городах, за счет развития новых отраслей медицины, внедрения новых способов лечения больных, повышения квалификации медицинского персонала. К концу периода во всех лечебных заведениях региона, после некоторых колебаний со стороны местных органов власти, получение медицинской помощи становиться бесплатным и доступным для всех членов общества. Практическую реализацию принципов бесплатности и доступности медицины не без оснований считают одним из главных достижений первых пятилеток в области здравоохранения. Оценивая мероприятия, проводимые региональной властью в области медицины в Вятском / Кировском регионе, с точки зрения их значимости для рабочего класса, то нужно отметить, что медицина в этот период обращается лицом к производству. Организация здравпунктов на предприятиях, позволяла рабочим получать медицинскую помощь, не отходя от станка. Введение в

[607] Поддубный М.В. Иностранные врачи о советской медицине 30-х гг. // Советское здравоохранение. 1991. № 2. С. 72.

1930-е гг. практики регулярных профосмотров снижало общую цифру заболеваемости в их среде и тем повышало качество их жизни.

Вместе с тем необходимо отметить, что ряд проблем в этой сфере, несмотря на все старания местных органов власти, за годы первой и второй пятилетки решить не удалось. Острый недостаток медицинских кадров (в первую очередь врачей), отсутствие помещений под лечебные учреждения (особенно в сельской местности) – вот те основные проблемы, с которыми еще предстояло бороться руководителям Кировской области в последующие годы.

В целом, оценивая влияние уровня развития жилищно-коммунальной и медицинской сферы в Вятской губернии / Кировской области на социальное положение рабочих в 1928−1937 гг., нужно сказать, что проблемы в этих сферах были тесно увязаны между собой, и степень успешности их решения значительно определяла общий уровень социального благополучия рабочих. Тяжелые бытовые, часто антисанитарные, жилищные условия рабочих даже при высоком уровне развития учреждений здравоохранения, хорошо поставленной профилактической работе в их среде, оказывали деструктивное воздействие на уровень жизни и здоровья этой группы городского населения, усугубляли развитие профессиональных заболеваний, создавали предпосылки для их распространения. Кардинальное улучшение условий жизни рабочих Кировской области в дальнейшем было связано с решением жилищного кризиса в городах.

Глава III. Возможности для культурного развития личности рабочего в 1928–1937 гг.

3.1 Степень доступности образования и осуществление политики ликвидации безграмотности населения.

Культура, как любое сложное образование, является понятием многогранным. Не случайно существует более двухсот её определений. В данном диссертационном исследовании под культурой понимается совокупность материальных и духовных ценностей, созданных и создаваемых человечеством и составляющих его духовно-общественное бытие. В работе будут рассмотрены два аспекта этого сложного явления. Первый аспект – это образование в контексте проводимой в период с 1928 по 1937 гг. политики по ликвидации неграмотности и распространению знаний среди интересующей нас прослойки населения – промышленного рабочего класса. Второй аспект – это материальная база культуры Вятской губернии / Кировской области в годы первых пятилеток. Нас будет интересовать, какими возможностями для культурного развития рабочего располагала область на протяжении изучаемого периода.

Одним из показателей уровня жизни населения является уровень его образованности. Образование как элемент культуры имеет ценность, прежде всего, для развития личности. Образование в царской России было доступно главным образом для высших социальных слоев населения. Для низов, к которым относился и рабочий класс, получить образование, даже начальное, было практически невозможно. Неудивительно, что образование до революции являлось показателем высокого статуса человека в обществе.

После революции образование стало одним из приоритетных направлений государственной политики. «Грамота есть ключ...

Грамотность не является ценностью, хотя без неё другие ценности оказываются почти недоступными», – так считал нарком просвещения А.В. Луначарский, отводя образованию важнейшую роль в жизни человека[608].

Важнейшим фактором, замедлявшим темпы социально-экономического развития советского общества, являлся низкий общеобразовательный и культурный уровень населения СССР. К началу 1928 г. из 100 человек 43 не умели читать и писать[609].

Бывшая Вятская губерния являлась одной из отсталых в деле народного образования. Грамотность населения в 1913 г. составляла 24,2 %. Начальным образованием, по данным 1913 г. обеспечивалось всего 36,4% детей, имелось только 114 тыс. учащихся и 3600 учителей[610]. По данным переписи Министерства просвещения при заключении брака свой брачный контракт собственноручно могли подписать 16,8% мужчин и 2,1% женщин Вятской губернии[611]. Особой проблемой было большое количество неграмотного взрослого населения. Среди городского населения наибольшее количество неграмотных было в среде рабочих кожевенных предприятий[612].

С началом ускоренной индустриализации, когда из деревень в город хлынули миллионы, а потом и десятки миллионов не очень образованных и не подготовленных профессионально и психологически к индустриальному труду и его требованиям людей, проблема недостаточного общеобразовательного и профессионального уровня

---

[608] Луначарский А.В. Задачи внешкольного образования в Советской России. Выдержки из речи 28−29 августа 1918 года в Москве на Первом Всероссийском съезде по просвещению // Внешкольник. 2003. № 7−8. С. 32.
[609] Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи. Т. 2. М., 1957. С. 119.
[610] Очерки истории Кировской организации КПСС. Ч. 2: 1918–1968. Горький, 1969. С. 205.
[611] Храбрикова Т.Б. Школы Кировской области за 40 лет Советской власти // Кировский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина. Ученые записки. Вып. 16. Киров, 1958. С. 135.
[612] Очерки истории Кировской организации КПСС. Ч. 2. С. 205.

промышленных рабочих приобрела исключительную актуальность[613]. Новая техника, внедряемая на промышленных предприятиях страны в очень широких масштабах, могла дать большой экономический эффект в процессе ее эксплуатации лишь при условии достаточно квалифицированного с ней обращения, что предполагало определенный минимум общей культуры и технических знаний у обслуживающего персонала[614].

Борьба с неграмотностью взрослого рабочего населения началась сразу же после прихода большевиков к власти. Уже в первые недели после революции Внешкольный отдел Наркомата просвещения вырабатывал вместе с рабочими Выборгского района «Грамоту гражданина», которая, как писала позднее Н.К. Крупская, представляла собой «своеобразный курс, которым должен овладеть каждый рабочий, чтобы быть в состоянии принимать участие в общественной работе»[615].

Проблема безграмотности обсуждалась на самом высоком уровне. Главными вдохновителями борьбы за грамотность на первом этапе стали Н.К. Крупская и нарком просвещения А.В. Луначарский. Им верилось, что с помощью простых средств просвещения – от школ и рабочих клубов до сельских изб читален – можно будет совершить настоящую культурную революцию. В результате должна была появиться новая Россия с населением, имеющим современные светские и научные представления об обществе[616].

I Всероссийский съезд по внешкольному образованию, проходивший в мае 1919 г., принял специальную резолюцию «О ликвидации безграмотности» и обратился в Совнарком с просьбой издать декрет по

---

[613] Бакулин В.И. Проблема научной организации труда в СССР (в 20-е годы) // Бакулин В.И. Листая истории страницы: Вятский край и вся Россия в 20 веке. Киров, 2006. С. 145.

[614] Бакулин В.И. Борьба коммунистической партии за рационализацию промышленного производства в начальный период социалистической индустриализации 1926–1929 гг.: дисс. …канд. ист. наук. М., 1982. С. 99.

[615] Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. М., 1989. С. 277.

[616] Холмс Л. Социальная история России: 1917–1941 гг. Ростов-на-Дону, 1994. С. 60.

этому вопросу. Правительственный декрет был подписан В.И. Лениным 26 декабря 1919 г. и опубликован в печати 30 декабря. СНК постановил: все население республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее писать и читать, обязано обучаться грамоте на родном или русском языке по желанию[617]. Для стимулирования процесса обучения рабочих трудовой день для учащихся был сокращен на 2 часа с сохранением заработной платы. Кроме того, декрет давал право карать тех, кто уклонялся от обучения вплоть до привлечения к уголовной ответственности[618]. Последующим правительственным распоряжением было установлено, что рабочие милитаризированных предприятий, обучающиеся сверх 8-часового рабочего дня, за два часа учебы получают заработную плату как за сверхурочную работу, т.е. в полуторном размере[619].

Декрет вменял в обязанность всем снабжающим органам удовлетворять запросы учреждений, имеющих целью деятельности ликвидацию безграмотности, преимущественно перед другими учреждениями. Обучение должно было проводиться в государственных школах как существовавших, так и учреждаемых для неграмотного населения по планам Народного Комиссариата просвещения.

Наркомпросу и его местным органам предоставлялось право привлекать к обучению в порядке трудовой повинности все население страны, не призванное в армию. Оплата труда обучающих должна была производиться по нормам оплаты работников просвещения. К ближайшему участию в работе по ликвидации неграмотности Народный Комиссариат по просвещению и его местные органы должны были привлекать все организации трудового населения: профессиональные

---

[617] Декрет СНК РСФСР от 26 декабря 1919 г. «О ликвидации неграмотности среди населения РСФСР» // Культурное строительство в РСФСР. 1917–1927 гг.: Документы и материалы. Т. 1. М.: Наука, 1983. С. 210−211.
[618] Там же.
[619] Элькина А.Ю. На культурном фронте. Из истории борьбы за ликвидацию неграмотности. М., 1959. С. 64−65.

союзы, местные органы ВКП(б), Союз Коммунистической Молодежи, комиссии по работе среди женщин и пр.

Работа по ликвидации безграмотности была признана чрезвычайной. Для проведения ее была утверждена Совнаркомом в июне 1920 г. Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по ликвидации безграмотности (ВЧК л/б). Одновременно с ВЧК л/б было утверждено положение о губернских, уездных, волостных чрезвычайных комиссиях[620].

Преодоление неграмотности было поставлено в разряд важнейших политических задач. Однако, к 1928 г., несмотря на значительные достижения в этом деле, культурный и образовательный уровень взрослого населения, и рабочих в том числе, оставлял желать лучшего. Материалы переписей, проведенных в 1929–1930 гг., показали, что, к началу первой пятилетки процент неграмотных среди рабочих отдельных отраслей промышленности был все еще довольно высоким: в металлургической промышленности – 10,2 %, в каменноугольной – 15,6 %, в хлопчатобумажной – 20,2 %[621]. Начавшиеся в стране модернизационные процессы требовали значительно ускорить работу в этом направлении.

Первым шагом стало Постановление ЦК ВКП(б) (май 1929 г.) «О работе по ликвидации неграмотности», в котором необходимость преодоления неграмотности увязывалась с программой индустриального переустройства страны, и намечались решительные меры по ее усилению. Была поставлена задача: «большевистскими темпами» ликвидировать неграмотность среди промышленных рабочих в годичный срок[622].

В целом по стране по принятому чуть ранее пятилетнему плану было намечено обучить в ликпунктах 18,2 млн. человек в возрасте от 15 до 35 лет, в том числе 17 млн. в сельской местности. При этом проектировалось

---

[620] Элькина А.Ю. Указ. соч. С. 65−66.
[621] Рашин А.Г. Рост культурно-технического уровня рабочего класса СССР в 1917–1958 гг. // История СССР. 1961. № 2. С. 12.
[622] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. М., 1970. С. 267−268.

полностью преодолеть неграмотность среди рабочих в возрасте до 50 лет. Всего на ликвидацию неграмотности было выделено 246,3 млн. рублей[623]. К концу пятилетия грамотность среди взрослых (в возрасте от 16 до 35 лет) предполагалось повысить до 80%[624].

Значение осуществления ускорения в области ликвидации неграмотности осознавалось и на местном уровне. На пленуме Вятского Окружного исполнительного комитета в 1929 г. в резолюции по докладу «О состоянии и дальнейших задачах работы по ликвидации неграмотности» отмечалось, что «ликвидация неграмотности является одной из важнейших задач, успешное разрешение которой в значительной степени будет способствовать ускоренному выполнению пятилетнего плана народного хозяйства»[625].

Для определения масштабов проблемы на территории Нижегородского края (частью которого являлась бывшая Вятская губерния) в 1929 г. была организована перепись неграмотного и малограмотного населения. Учет неграмотных и малограмотных производился на основании постановления Крайисполкома от 13 сентября 1929 г.[626] Переписи подлежали все жители в возрасте от 12 до 50 лет, за исключением учащихся в школах более 1 года и военнослужащих. В городах и поселках городского типа на каждого неграмотного и малограмотного составлялась «личная карточка». Население переписывалось по месту жительства. Организация и руководство переписью были возложены на особые комиссии, создаваемые при исполкомах при непосредственном участии статистических отделов. В качестве регистраторов для производства переписи привлекались наиболее грамотные люди города и деревни: учителя, прочие работники

[623] Куманев В.А. Революция и просвещение масс. М, 1973. С. 206.
[624] Массовое просвещение в СССР к 15-летию Октября. Ч. 1. М.−Л., 1932. С. 88.
[625] ГАКО. Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 6. Л. 35.
[626] Ардашев Г. Итоги переписи неграмотных и малограмотных в Нижегородском крае. Н.Новгород, 1930. С. 3.

просвещения, учащиеся вузов, техникумов, рабочих факультетов, советские служащие, «наиболее квалифицированные сотрудники» из числа добровольных корреспондентов, и др. Регистраторы и инструкторы должны были набираться из числа местных жителей на общественных началах (их труд не оплачивался)[627].

Согласно «инструкционным указаниям по производству переписи», к неграмотным следовало относить всех тех, кто совершенно не умел ни писать, ни читать, а также тех, кто выучился подписывать свою фамилию, но не умел читать (даже если был знаком с алфавитом). Малограмотными считались те, кто умели только читать, но не умели писать и те, кто сами признавали себя слабо читающими и пишущими. При опросе никакой проверки не делалось и, в подавляющем большинстве случаев отнесение к категории неграмотных или малограмотных производилось исключительно со слов опрашиваемых лиц[628].

Задачей переписи было не только собрать необходимый материал для построения плана ликвидации неграмотности, но и привлечь население, в особенности рабочих, для обучения в школы и ликпункты. При переписи в городах каждого неграмотного и малограмотного спрашивали – «желает ли он обучаться»[629]. Результаты ответов были следующие:

Таблица № 14.
Процент городского населения Нижегородского края, желающего повысить свое образование (по результатам переписи неграмотного и малограмотного населения Нижегородского края в 1929 г.)

округа	Неграмотные. % желающих обучаться к общему числу неграмотных данного пола.			Малограмотные. % желающих обучаться к общему числу малограмотных данного пола.		
	Мужчины	Женщины	Обоего пола	Мужчины	Женщины	Обоего пола
Н.Новгород	74,6	73,4	73,5	78,8	79,2	79,1
Нижегородский	83,8	82,7	82,9	84,6	82,0	82,9
Муромский	93,2	91,3	91,6	92,0	93,2	92,8
Вятский	88,5	83,1	83,7	86,9	78,7	80,7
Шарьинский	90,4	84,9	85,4	80,6	77,2	77,8

[627] ГАКО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 15 Л. 16.
[628] Ардашев Г. Итоги переписи неграмотных и малограмотных в Нижегородском крае. С. 7.
[629] Там же. С. 14.

Котельнический	89,7	87,5	87,7	90,4	87,6	88,1
Нолинский	92,7	96,1	95,6	96,4	94,1	94,6
Арзамасский	97,2	97,1	97,1	90,8	93,5	92,6
Чувашская АССР	92,7	97,8	97,2	91,7	93,4	92,9
Марийская АО	100,0	99,9	99,9	100,0	100,0	100,0
По краю	86,5	84,1	84,5	86,0	84,2	84,7

Источник: Ардашев Г. Итоги переписи неграмотных и малограмотных в Нижегородском крае. С. 15.

Обращает на себя внимание довольно большой процент желающих обучаться как среди неграмотных, так и среди малограмотных городских жителей. Среди жителей Вятского, Котельнического и Нолинского округов наибольшую «тягу к знаниям» проявило городское население Нолинского округа (обучаться желали 95,6% неграмотных и 94,6% малограмотных), наименьшую – население Вятского округа (стремление к обучению высказали 83,7% неграмотных и 80,7% малограмотных).

Всего в результате переписи по Нижегородскому краю было выявлено неграмотных 1256 тыс. человек, малограмотных – 734 тыс. человек. Итого предстояло обучить почти 2 млн. (1990566 человек) малограмотных и неграмотных жителей края[630]. Большая их часть приходилась на сельское население. Во всех городских поселениях неграмотных и малограмотных было выявлено только 60 тыс. человек или 3% от общего числа[631]. Из городских поселений самыми отсталыми по грамотности были рабочие поселки, что было связано с большим притоком в них сельского населения[632].

По степени грамотности округа края распределялись в следующем порядке от наиболее грамотного к менее грамотному округу[633]:

[630] Ардашев Г. Итоги переписи неграмотных и малограмотных в Нижегородском крае. С. 12−13.
[631] Там же. С. 16.
[632] Там же. С. 18.
[633] Ардашев Г. Итоги переписи неграмотных и малограмотных в Нижегородском крае. С. 18.

1 группа с грамотностью выше средней краевой	*2 группа с грамотностью ниже средней краевой*
1. Муромский	*5. Шарьинский*
2. Нижегородский	*6. Нолинский*
3. Котельнический	*7.Чувашская АССР*
4. Вятский	*8. Арзамаский*
	9. Марийская АО
	10. Вотская АО

По Вятскому округу среди населения в возрасте от 12 до 50 лет было выявлено 43,8% неграмотных и малограмотных (из них 26% неграмотных, 17,8% малограмотных). По Котельническому округу процент неграмотных и малограмотных составлял 42,7% (из них 25,6% – неграмотных, 17,1% малограмотных). В Нолинском округе этот показатель равнялся 50% (32,2% – неграмотные, 17,8% – малограмотные)[634]. Так, наиболее проблемным в плане образования был Нолинский округ.

По сравнению с соседними территориями уровень грамотности Вятского и Котельничского округов был немного выше. Так, например, в Вотской Автономной области в 1929 г. грамотность среди населения от 7 лет составляла 49,2% (т.е. 50,8% населения относились к неграмотным)[635], в Марийской Автономной области процент грамотного населения в 1929 г. равнялся 36,8% (т.е. 63,2% населения являлось неграмотным или малограмотным)[636].

По отдельным городам и рабочим поселкам бывшей Вятской губернии процент неграмотного населения виден из таблицы № 1 (в прилож. III). Самый большой процент неграмотного и малограмотного населения приходился на город Омутнинск (25%) и рабочие поселки.

[634] Там же. С. 63, 67.
[635] Шатров В. Десять лет культурного строительства Удмуртской области // Нижегородский просвещенец. 1931. № 1−2. С. 42.
[636] Данилов И. Десять лет борьбы на культурном фронте // Нижегородский просвещенец. 1931. № 1−2. С. 51.

Наибольшей грамотностью отличалось население городов Малмыжа (процент неграмотного и малограмотного населения – 5,2%) и Вятки (5,9%). Среди отдельных районов наибольшей грамотностью городского населения отличался Малмыжский район (грамотность 97,14%), наименьшей – Мурашинский (87,11%) (см. табл. № 2, прил. III).

Рабочие и их иждивенцы исчислялись в количестве 30 тыс. человек или 49,6 % от всех неграмотных и малограмотных зарегистрированных в городах Нижегородского края. Еще 50 тыс. рабочих, которым требовалось обучение, проживало в сельской местности[637].

По Вятскому округу показатель грамотности рабочего населения (количество неграмотных и малограмотных на 1000 человек населения данной социальной группы и возраста) в возрасте от 12 до 50 лет равнялся 453, по Котельническому округу – 451, т.е. почти половина от опрашиваемых рабочих в этих округах не обладала нужными знаниями и требовала обучения[638].

На протяжении всего периода ликвидации неграмотности одним из действенных средств воздействия на население, помимо мощной агитационно-пропагандисткой кампании, было гибкое сочетание широкого спектра принудительных мер с методами материального и морального стимулирования. Для борьбы с низкой посещаемостью ликпунктов широко использовался административный ресурс и система наказаний. Но наибольший эффект все же имело использование для борьбы с неграмотностью широких сил общественности[639]. С этой целью решено было начать широкомасштабную кампанию под названием *«Всесоюзный культпоход»*.

---

[637] Ардашев Г. Итоги переписи неграмотных и малограмотных в Нижегородском крае. С. 39.
[638] Там же. С. 42.
[639] Петрова Я.И. Ликбез как социальный проект (На материалах Самарской губернии, 1920–1930-е гг.) // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. № 4. С. 532.

Начавшийся еще осенью 1928 г. по инициативе комсомола, культпоход ознаменовал собой совершенствование всей системы ликбеза, а также появление принципиально новых методов и форм работы[640].

Непосредственное участие в культпоходе приняли представители творческой интеллигенции: поэты В. Маяковский, А. Безыменский, Н. Асеев, А. Жаров писатели Н. Погодин, В. Ибнер, академики Н. Марр, А. Карпинский, художники Кукрыниксы и многие другие мастера культуры, ученые. На экраны был выпущен специальный документальный фильм о культпоходе[641]. Активное участие в его организации приняла Н.К. Крупская. Только в течении осени 1928 г. ею было опубликовано более десятка различных статей, в которых определялись задачи массового похода за новую культуру, давались ценные советы и рекомендации[642].

Идея культпохода была поддержана органами ВЛКСМ и в Вятской губернии в ноябре-декабре 1928 г. на пленуме губкома ВКП(б)[643].

Мысль о необходимости привлечения к «материальному и трудовому участию» в деле просвещения широких слоев населения, хозяйственных и общественных организаций была одобрена и на первом Нижегородском краевом съезде союза работников просвещения, проходившем 27 июля 1929 г.[644] Инициатива самих масс, широкое развертывание творческой самодеятельности на всех участках культурного строительства, организация культурных походов, оживление деятельности различных обществ (профсоюзов, общества «Долой

[640] Климашин И.А. Ликвидация неграмотности на территории Мордовского края в 20-е–60-е гг. XX века: автореф. …канд. ист. наук. Саранск, 2011. С. 13.
[641] Куманев В.А. Указ. соч. С. 210.
[642] Там же. С. 211.
[643] Из материалов к отчету губкома ВЛКСМ за ноябрь−декабрь 1928 г. // Сборник документов и материалов по истории Кировской организации ВЛКСМ. 1918–1978 гг. Киров, 1978. С. 105, 106.
[644] Резолюция I Нижегородского краевого съезда союза рабпрос по докладу губоно «Об очередных задачах в деле народного образования» от 27 июля 1929 г. // Нижегородский просвещенец. 1929. № 1−2. С. 111.

неграмотность» и др.) должны были привести к решительному перелому в деле культурной работы[645].

Массовые мероприятия в рамках культпохода на территории бывшей Вятской губернии развернулись осенью 1929 г.

В Котельническом округе решением президиума Котельнического окружного исполнительного комитета Советов началом культурного похода по наиболее острым проблемам народного образования (библиотечное дело, ликвидация неграмотности и дошкольное воспитание) было объявлено 20 сентября 1929 г. Основными задачами культпохода для округа стали: 1) «придать боевой темп работе в области народного просвещения, главным образом по ликвидации неграмотности, считать кампанию по ликвидации неграмотности, в условиях обострившейся классовой борьбы, как боевую политическую задачу»; 2) в наибольшей степени вовлечь в дело культурного строительства широкие массы крестьянства и силы общественных организаций; 3) путем привлечения сил и средств общественности укрепить материальную базу наиболее отсталых участков работы народного образования (ликбез, библиотечное дело, дошкольное воспитание); 4) «добиться решительного перелома в содержании работы учреждений народного образования и всей культурно-массовой работе со стороны классовости и приспособленности её к очередным задачам социалистического строительства»[646]. Для руководства культпоходом на местах создавались районные штабы в составе членов президиума районного исполкома, представителей районных комитетов ВКП(б) и ВЛКСМ, женотдела и других организаций[647].

Особая роль в деле ликвидации неграмотности отводилась учителям. Союз работников просвещения принял осенью 1929 г. постановление, по

[645] Тюркин П. Директивы партии // Нижегородский просвещенец. 1929. № 1−2. С. 13.
[646] ГАКО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 5. Л. 65.
[647] Там же. Д. 16. Л. 149.

которому каждый школьный работник обязался обучить 5 неграмотных, и приступил к реализации этого постановления[648]. В районах создавались отделения общества «Долой неграмотность», пункты по ликвидации неграмотности (ликпункты), для работы в которых на общественных началах направлялись грамотные рабочие, учителя, горожане и даже школьники. Все «ликвидаторы» должны были пройти специальные курсы методического характера.

Развертывание работы по ликвидации неграмотности и малограмотности потребовало значительного количества педагогических кадров. А их не хватало катастрофически. Важным средством преодоления кризиса кадров стало внедрение в 1930 г. в СССР системы заочного обучения[649]. Учителя, участвующие в ликвидации неграмотности, имели льготы в области снабжения, получали хлеб и продукты по нормам индустриальных рабочих[650].

Кроме того, проблема кадров решалась за счет увеличения числа педагогических учебных заведений. В 1920-х–первой половине 1930-х гг. учителей начальной школы в Вятской губернии готовили, главным образом, педагогические техникумы: Вятский, Уржумский, Советский, Малмыжский. В середине 1930-х гг. для решения проблемы недостатка кадров в Кировском крае были открыты дополнительно Котельнический, Слободской, Белохолуницкий, Нолинский, Омутнинский, Санчурский, Халтуринский, Шабалинский и Яранский педагогические техникумы. В январе 1937 г. педтехникумы были переименованы в педагогические училища[651].

---

[648] Помелов В.Б. Народное образование в 1917–1999 гг. // Энциклопедия Земли Вятской. Т. 9: Культура и искусство. Киров, 1999. С. 74−75.
[649] Помелов В.Б. Указ. соч. С. 74−75.
[650] Резолюции Второго Халтуринского районного съезда Советов рабочих, крестьян и красноармейских депутатов. 24−27 января 1931 года. Вятка, 1931. С. 20.
[651] Котряхов Н.В. Из истории Вятской средней педагогической школы // Вятская земля в прошлом и настоящем. К 500-летию вхождения в состав Российского государства: тезисы докладов и сообщений к научной конференции. Киров, 23−25 мая 1989 г. Киров, 1989. С. 91.

Важную роль в деле ликвидации неграмотности бывшей Вятской губернии сыграли студенты педагогического института, для которых участие в культурно-просветительской работе, стало частью производственной практики.

Широко распространенной в 1930-е гг. становиться практика заключения соглашений между Нижегородским (Горьковским) краевым бюро пролетарского студенчества и краевым отделом народного образования. Например, согласно такому соглашению от 1930 г. для участия в культпоходе краевое бюро Пролетстуда выделило в помощь краевому отделу образования 2300 студентов учебных заведений с таким расчетом, чтобы обучить не менее 23000 рабочих и крестьян. Студентов можно было использовать в качестве ликвидаторов в индивидуально-групповом обучении неграмотных и малограмотных, в качестве методистов-инструкторов и культармейцев-общественников, в качестве организаторов-контролеров школ ликвидации неграмотности и малограмотности, в качестве докладчиков, чтецов в ликпунктах и школах малограмотных. Рабочее время в организуемых ликпунктах определялось свободным временем от учебной работы студентов в учебных заведениях[652].

Только в 1930–1931 гг. для участия в культпоходе на территории бывшей Вятской губернии было создано 175 бригад, в которые вошли 1179 студентов и 40 преподавателей. Они создали около 500 комитетов и комиссий содействия всеобучу и ликбезу[653].

Одним из главных методов борьбы с неграмотностью рабочего населения в Вятской губернии / Кировской области стала организация ликпунктов, школ грамоты и школ для малограмотных.

Пункты ликвидации неграмотности («школы грамоты») стали создаваться по всей стране сразу же после опубликования декрета о

[652] ГАКО. Ф. Р-1138. Оп. 1. Д. 35. Л. 129.
[653] Полвека в пути. КГПИ им. Ленина. 1918–1968 гг. Киров, 1970. С. 51.

ликвидации неграмотности. Типы школ для взрослых делились в зависимости от контингента обучаемого населения. Каждый населённый пункт с числом неграмотных свыше 15-ти должен был иметь ликпункт.

В городах «школы грамоты» были первой ступенью в системе образования рабочих**.** В них обучали неграмотных. Главной задачей школ была помощь в овладении техническими навыками чтения, письма, счета в пределах программы и побуждение обучаемых к дальнейшему закреплению полученных знаний. «Школы грамоты» в Вятском крае в 1929 г. делились на 2 категории. В школах первой категории обучались те, кто не знал ни одной буквы, и те, кто знал буквы, но не умел сливать их в слова. В школах второй категории, обучались те, кто читал по буквам, но не умел писать[654].

В Вятской губернии в 1920 г. насчитывалось около 1000 ликпунктов[655]. В 1932/1933 г. на территории бывшей Вятской губернии действовало уже 1824 «школ грамоты», в 1935/1936 – 1832 школы, 1937/1938 году – 1942 школы[656]. Таким образом, за период с 1920 по 1938 гг. количество учебных заведений подобного типа увеличилось в 2 раза, что, безусловно, создавало условия для успешного вовлечения рабочего населения региона в образовательный процесс. С 1920 по 1940 гг. в школах по ликбезу было обучено свыше 380 тыс. человек[657].

Активное участие в работе по ликбезу среди вятских рабочих с 1929 г. начинают принимать профсоюзы. До этого их роль в этом деле, видимо, была не столь значительна. По крайней мере, об этом свидетельствуют материалы пленума Вятского окружного исполкома Советов за сентябрь 1929 г., на котором принимается решение «просить

[654] ГАКО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 15. Л. 136.
[655] 50 лет Декрету о ликвидации неграмотности в РСФСР // Блокнот агитатора. 1969. № 35. С. 28.
[656] ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 772. Л. 126.
[657] 50 лет Декрету о ликвидации неграмотности в РСФСР. С. 28.

ОСПС принять соответствующие меры к действительному вовлечению профсоюзов в работу по ликвидации неграмотности»[658].

Следующей образовательной ступенью для взрослых были школы для малограмотных, имевшие целью «привить обучаемым целую систему необходимых для общепроизводственной деятельности технических навыков в чтении, письме, счете, органически увязывая их с общественно-политическим воспитанием». Они также делились на два типа в зависимости от уровня образовательной подготовки учащихся. В школах первого типа обучались окончившие ликпункт и самоучки с аналогичной подготовкой (скорость чтения до 120 знаков в минуту, скорость письма до 10 знаков в минуту). В школы второго типа принимались учащиеся, не закончившие обучение или утерявшие навыки грамотности, а также самоучки с аналогичной подготовкой (скорость чтения от 120 до 130 знаков в минуту, скорость письма от 10 до 25 знаков в минуту) [659].

За годы первой и второй пятилетки на территории Кировской области сеть школ для малограмотных взрослых стараниями местного органов образования и профсоюзов постоянно расширялась.

Таблица № 15.

Сеть школ для малограмотных по Кировской области.

годы	Число школ	Число учащихся
1928	68	2000
1932	2036	50900
1935	2278	43560
1936	1989	41069

Источник: ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

Из приведенных выше данных можно заметить, что сеть школ подобного типа увеличилась за период с 1928 по 1936 гг. в регионе в 30 раз, а число учащихся в 20 раз. Это весьма серьезные показатели качественного роста вложений в образование рабочего населения в этот

[658] ГАКО Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 6. Л. 35.
[659] ГАКО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 15. Л. 131.

период, тем более что проблема малограмотности в рабочей среде стояла более остро, чем проблема неграмотности.

Для обучения неграмотных и малограмотных рабочих создавались особые программы. В качестве примера приведем программу школ для неграмотных. Она предполагала изучение основ русского языка и арифметики. Программа по русскому языку, рассчитанная на 200 часов, состояла из двух разделов: 1) чтение 2) письмо. Первая часть предполагала обучение неграмотных элементарным умениям чтения: правильно прочесть простой текст или статью с остановками на точке, правильно прочесть рукописный текст, ответить на простой вопрос по прочитанному, прочитать несложную заметку из газеты и передать её содержание.

Кроме того, программа по русскому языку предполагала обучение рабочих простейшим навыкам письма: писать чисто и разборчиво с соблюдением расстояния между буквами, умению самостоятельно писать короткие предложения без пропуска в словах букв и слогов и без вставки лишних букв, с соблюдением точки в конце предложения, умению применять при письме элементарные орфографические правила, умению записать свою мысль, написать адрес, заполнить анкету, ответить письменно на простые вопросы. Программа по арифметике (объемом 130 часов) включала в себя чтение и запись шестизначных целых чисел, сложение и вычитание целых чисел, умножение, деление целых чисел на однозначное число, на 10, на 100, на 1000, метрические меры длины, веса, меры времени, понятие о силе и процентах и др.

Обязательной частью программы обучения взрослых было общественно-политическое воспитание, которое включало в себя обсуждение наиболее актуальных политических вопросов, чтение партийных документов и прочее [660].

[660] Программы школ для неграмотных. Русский язык. Арифметика. Киров, 1936. С. 3−4.

С 1933 г. для выполнения целей обучения взрослых на территории Горьковского края наряду с традиционными начинают активно использоваться новые средства обучения такие, как кино, радио, издание массовой технической литературы, сеть школ заочного обучения[661].

Результаты политики ликвидации неграмотности были неоднозначны. Нужно сказать, что к середине 1930-х гг. в официальной печати укоренилось мнение, что наша страна стала страной сплошной грамотности, и что с неграмотностью населения покончено окончательно. Однако перепись 1937 г. данную информацию не подтвердила. Политика ликбеза в СССР добилась немалых успехов в распространении знаний: среди мужчин было 86% грамотных на момент переписи, а среди женщин – 66,2% (с 9 лет и старше). Особенно высокие показатели грамотности были у молодежи: среди 12–14 лет и 18–19 летних грамотных было 90%. Грамотным считался тот, кто мог читать по слогам и написать свою фамилию. Но вопреки ожиданиям, грамотность оказалась вовсе не «сплошной». Тем не менее, следует отметить, что по сравнению с концом 1920-х гг. достижения в деле ликвидации неграмотности были впечатляющими[662].

По данным переписи 1926 г. уровень грамотности в среднем по СССР составлял всего 51,1% [663].Если брать данные по Вятской губернии, то, согласно переписи 1926 г., неграмотного населения в возрасте выше 8 лет здесь было около 44,8%[664]. В 1938 г. грамотность населения Кировской области, если верить официальным данным печати, достигла 96,8%[665].

---

[661] Моносзон Э. Культурное строительство Горьковского края за 15 лет // Горьковский просвещенец. 1933. № 1−2. С. 6.

[662] Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «Секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996. С. 94−96.

[663] Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992. С. 83.

[664] Отчет Вятского губернского исполнительного комитета XIV губернскому съезду Советов. Вятка, 1929. С. 177.

[665] Материалы к отчету Кировского областного исполнительного комитета за 1935–1939 гг. Киров, 1939. С. 97, 104.

Однако некоторые краеведы считают, что этим цифрам верить нельзя, так как приписок была масса[666].

Проверка отчетности школ взрослых органами управления народно-хозяйственного учета, проведенная в 1938 г., показала, что на 1 апреля 1938 г. в Кировской области оставалось еще более 700 тыс. неграмотных, т.е. примерно 29% населения. Правда, большинство из них проживало в сельской местности. Такое расхождение с данными отчета областного исполнительного комитета объяснялось отсутствием в областном отделе народного образования должного учета неграмотного населения и предоставлением рядом районных отделов народного образования завышенных данных о количестве учащихся в школах взрослых. Кроме того, проверка выявила низкое качество преподавания в школах для взрослых, вследствие чего многие обучившиеся выходили из них, не обладая нужными знаниями, и на следующий год вновь попадали в число неграмотных[667].

Рабочих не только обучали основам грамоты. Параллельно с ликвидацией неграмотности в стране создавалась система повышения общеобразовательного уровня взрослого населения, которая включала в себя начальные школы, общеобразовательные курсы, школы для взрослых повышенного типа, рабочие университеты и т.д. В этом деле большую роль сыграли профсоюзные организации.

При активном участии профсоюзов была развернута работа по повышению технического и профессионального уровня знаний рабочих. В этих целях использовались различные формы: курсы по повышению квалификации, кружки технических знаний, командировки на предприятия данной отрасли за границу, рабфаки и т.д. При местных профсоюзных органах создавались специальные комиссии по

[666] Загвоздкин Г.Г. Триумф и трагедия 30-х годов // Энциклопедия Земли Вятской. Т. 4: История. Киров, 1995. С. 387.
[667] ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 773. Л. 229.

производственному обучению. Большое внимание вопросам технического просвещения уделяла местная и центральная печать[668]. В Вятской губернии / Кировской области материалы на эти темы регулярно печатали газета «Вятская (Кировская) правда», журнал «Нижегородский (Горьковский) просвещенец».

В городах и рабочих поселках бывшей Вятской губернии была организована сеть средних общеобразовательных учебных заведений для взрослых: неполные средние школы и средние школы для взрослых. В них проводились занятия по русскому языку, литературе, арифметике, алгебре, геометрии, естествознанию, истории, географии, физике, химии, иностранному языку, черчению. После окончания неполной средней школы выдавалось свидетельство об окончании, после обучения в средней школе для взрослых выпускнику выдавался аттестат[669].

Профтехническое образование в Вятской губернии в начале 1928 г. было представлено высшими, среднетехническими учебными заведениями и краткосрочными курсами. Сеть среднетехнических учебных заведений в 1927/1928 г. была представлена 16 техникумами[670].

К началу первой пятилетки в Вятском округе насчитывалось одно высшее учебное заведение (педагогический институт) и 11 техникумов. Учитывая своеобразие губернии (кустарные промыслы, сельское и лесное хозяйство, уровень грамотности, наличие заболеваний), Нижегородский крайком и Вятский окружком сделали ставку в первую очередь на медицинское, педагогическое, сельскохозяйственное образование, а также подготовку специалистов для лесной, кожевенно-обувной и промысловой индустрии. В годы первой пятилетки были открыты ветеринарно-зоотехнический институт и 16 средних учебных заведений, шла

[668] Бакулин В.И. Борьба коммунистической партии за рационализацию промышленного производства. С. 102−103.
[669] ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 2. Д. 248. Л. 14.
[670] Культурное строительство в Кировской области. 1917–1987 гг. Документы и материалы. Киров, 1987. С. 95− 96.

реорганизация других учреждений[671]. На базе кожевенного отделения Вятского промышленно-экономического техникума для подготовки специалистов кожевенно-обувной и шубно-овчинной промышленности 1 июля 1930 г. был открыт кожевенно-политехнический техникум[672].

Благодаря внедрению системы заочного обучения стало возможным в Вятке получать специальности в области горной, лесной, текстильной, металлургической, химической, электротехнической и строительной промышленности. Система заочного обучения охватывала подготовку рабочих (срок 1 год)[673].

На 1 января 1931 г. в бывшей Вятской губернии было уже два Вуза (Педагогический институт и Сельскохозяйственный институт), в которых насчитывалось 637 студентов, и 23 техникума с числом учащихся около 4400 человека[674]. Набор студентов должен был соответствовать директивам губкома партии, который требовал, чтобы среди принятых было не менее 75% рабочих, батраков, крестьян[675]. Студенты Вузов были обеспечены стипендиями в размере от 20 до 25 рублей в месяц[676].

На 1 января 1938 г. в Кировской области насчитывалось уже три Высших учебных заведения с 1783 студентами и 41 техникум, в которых обучалось 9966 учащихся[677]. Так число высших учебных заведений за рассматриваемый период увеличилось в Вятской губернии / Кировской области в 3 раза (с одного в 1928 г. до трех в 1937 г.), а число техникумов в 2,5 раза (с 16 в 1928 г. до 41 в 1937 г.). Это значительно повышало возможности рабочих региона в получении высшего и среднего специального образования.

---

[671] Щепин Б.П. Перестройка системы подготовки кадров специалистов в Кировской области в годы I и II пятилеток // Вятская земля в прошлом и настоящем. К 500-летию вхождения в состав Российского государства: тезисы докладов и сообщений к научной конференции. Киров, 23−25 мая 1989 г. Киров, 1989. С. 94.
[672] Помелов В.Б. Указ. соч. С. 76–77. .
[673] Там же. С. 75.
[674] Щепин Б.П. Указ. соч. С. 94.
[675] Загвоздкин Г.Г. Под знаком серпа и молота. С. 378.
[676] Отчет Вятского губернского исполнительного комитета. Вятка, 1929. С. 182.
[677] Щепин Б.П. Указ. соч. С. 94.

Краевым руководством ставилась задача охватить рабочих различными видами дополнительного образования, начиная от курсов и заканчивая вечерними техникумами, втузами. Работа Вузов и техникумов должна была быть тесно связана с производством[678].

Для рабочих создавались благоприятные условия для поступления в высшие учебные заведения. Одним из способов, который для этого использовался, стала организация рабфаков (рабочих факультетов). Организация и контроль деятельности рабочих факультетов стали одной из важных направлений деятельности местных профсоюзных организаций в 1920–1930-е гг.

4 декабря 1921 г. в Вятке в здании института народного образования (ул. Дрелевского д. 8) состоялось торжественное открытие вечернего рабочего факультета[679]. Вятский рабфак был создан как самостоятельное учебное заведение и находился в ведении губернского профсоюза образования. Задача рабфака заключалась в подготовке в кратчайший срок лиц к поступлению в Высшие учебные заведения, исключительно из среды пролетариата и трудового крестьянства. Срок обучения на рабфаке составлял 4 года. Рабфак разделялся на 2 отделения: 1) для подготовки в технические Вузы; 2) для подготовки в гуманитарные Вузы. Существовало также дневное отделение для рабочих, с отрывом от производства, где обучение длилось в течение 2-х лет[680]. Зачисление на рабфак шло без вступительных экзаменов[681].

Первый набор на рабфак дал 168 человек. Первоначально состав студентов не вполне соответствовал наименованию этого учебного заведения. Рабочих было меньше, чем служащих. Только в 1928 г.

---

[678] Матвеев П. Культурное строительство края на пороге третьего года пятилетки // Нижегородский просвещенец. 1931. № 1−2. С. 11.
[679] ГАКО. Ф. Р-1149. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.
[680] Там же. Л. 5.
[681] Загвоздкин Г.Г. Под знаком серпа и молота. С. 378.

факультет становится действительно рабочим. В этом году на рабфак поступило 68 рабочих и 12 крестьян[682].

В августе 1929 г. на заседании президиума Вятского окружного профсовета была вынесена на обсуждение и одобрена мысль о необходимости организации заочного рабочего факультета в городе Вятке, в связи со значительной тягой рабочих к повышению своего образования и невозможностью охвата всех желающих обучаться в существующих учебных заведениях. Средства на организацию заочного рабфака решено было просить у окружного отдела народного образования[683]. Уже 1 октября 1929 г. по распоряжению Вятского окружного отдела образования при рабфаке было открыто вечернее заочное отделение, куда принимались рабочие и крестьяне с 2-х годичным стажем на срок обучения 4 года[684]. В январе 1931 г. при педрабфаке было открыто вечернее медицинское отделение[685].

В 1930 г. был образован второй рабфак при зооветинституте[686]. В конце 1930-х гг. в связи с развитием средней школы и организацией школ рабочей молодежи рабфаки утратили свое значение и были упразднены. Кировский педрабфак был ликвидирован в 1937 г.[687]

В 1930-е гг. у рабочих существовала возможность приобщиться к научным знаниям и без учебы в Вузе. В этот период была организована работа по распространению научных и особенно педагогических знаний среди населения, путем чтения публичных научных лекций. В 1934 г. в Вятке был открыт, в соответствии с Постановлением бюро Вятского горрайкома ВКП(б), университет культуры[688]. Занятия в университете проходили по выходным дням в помещении библиотеки им. Герцена,

[682] Спутник большевика. 1929. № 6. С. 34.
[683] ГАКО. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 3. Л. 25.
[684] ГАКО. Ф. Р-1149. Оп. 1. Д. 1636. Л. 11−12.
[685] Там же. Д. 2678. Л. 170−171.
[686] Помелов В.Б. Указ. соч. С. 74−75.
[687] ГАКО. Ф. Р-1149. Оп. 1. Д. 2678. Л. 170−171.
[688] Культурное строительство в Кировской области (1917–1987 гг.). С. 105.

лекции продолжались 4 академических часа. Число слушателей было ограничено – 300 человек. Лекции читали в основном профессора и доценты местных Вузов. Курс истории Греции и Рима читал известный историк А.В. Эммаусский[689].

Одной из основных форм профессиональной подготовки рабочих являлись школы ФЗУ (фабрично-заводского ученичества), а затем училища системы трудовых резервов. Они являлись частью системы неполного среднего профессионального образования. Техническая учеба в конце 1920-х–начале 1930-х гг. получила широкое распространение на вновь вводимых и реконструируемых заводах Саратова, Сталинграда, Астрахани и др. городов[690]. Возможности школ ФЗУ первоначально из-за длительности сроков обучения и перегруженности программ общеобразовательными дисциплинами были значительно ограничены. XIV съезд партии принял решение о перестройке работы школ ФЗУ.

Работа по реорганизации затянулась. На основании постановления ЦИК и СНК СССР от 15 сентября 1933 г. школы ФЗУ были преобразованы в профессиональные школы, которые готовили квалифицированных рабочих массовых специальностей. Срок обучения сокращался до 6 месяцев, для подготовки более квалифицированных групп рабочих допускался годичный срок обучения. Эта мера, связанная с острой нехваткой рабочей силы в промышленности, дала возможность резко увеличить пропускную способность школ ФЗУ[691].

В 1927/1928 г. подготовка низшей квалифицированной рабочей силы для крупной промышленности в Вятской губернии производилась через школы ФЗУ, профтехнические курсы и индивидуально-бригадное ученичество. Сеть этих учреждений в 1927/1928 г. была представлена: 6

[689] Полвека в пути. КГПИ им. Ленина. С. 51.
[690] Житкова С.А. Государственная политика в сфере народного образования и её реализация в Российской Федерации в 1928–1941 гг. (На материалах Нижнего Поволжья): автореф. … канд. ист. наук. Астрахань, 2007. С. 17, 20.
[691] Рашин А.Г. Рост культурно-технического уровня рабочего класса СССР в 1917–1958 гг. // История СССР. 1961. № 2. С. 18.

школами ФЗУ, в которых обучалось 538 рабочих, двумя профтехкурсами, обучение в которых проходило 422 рабочих. Школы ФЗУ по специальности распределялись следующим образом: при металлургическом заводе, при лесном заводе № 1, текстильная при фабрике «Красный труд», спичечная при спичтресте, Коссинская при бумажной фабрике и обувная в Ленинском районе кожтреста[692]. Преимущество системы школ ФЗУ состояло в том, что образование становилось доступным для рабочих без отрыва от производства. Так фабрики и заводы постепенно превращались в «техникумы на ходу».

Обычные средние школы для детей в 1920–1930-е гг. также были подчинены интересам индустриализации. Государственные школы подготовили учащихся для жизни в новом промышленном урбанизированном обществе. При обучении особое внимание уделялось трудовому воспитанию, культивированию образа привлекательности профессий рабочих специальностей[693].

Таким образом, политика проводимая государством и местными властями в годы первых пятилеток способствовала повышению общего уровня образования и культуры среди рабочих промышленных предприятий города.

Руководство страны не жалело средств на образование и культуру. В бюджетах всех уровней статья расходов на просвещение была одной из самых значительных и год от года постоянно возрастала. Приведем несколько примеров. В 1928/1929 г. в местном бюджете Вятской губернии на народное образование было заложено 7681 тыс. рублей, что составляло 37,3% от всей суммы расходов. Это была самая большая статья расходов в бюджете. Для сравнения: на коммунальное хозяйство было отпущено в этом году 1132,1 тыс. рублей (7,3%), на местные советы и исполкомы – 1684,9 тыс. рублей (9,2%), на местную промышленность –1103,8 тыс.

[692] Культурное строительство в Кировской области (1917–1987 гг.). С. 96−97.
[693] Holmes Larry E. Stalin's school. Moskow's Model school № 25, 1931–1937. Pittsburg, 1999. P. 104.

рублей (3,3%)[694]. В едином бюджете Нижегородского края на 1929–1930 гг. расходы на народное просвещение составляли 43051,3 тыс. рублей – 29,3%[695]. В бюджете г. Вятки на просвещение в 1932, 1933, 1934 гг. было отпущено 2649,1, 2915,5, 4274,3 тыс. рублей соответственно, что составляло 45,1%, 47,6% и 50,2% от общей суммы расходов бюджета в эти годы[696]. Общая сумма расходов на народное образование из бюджетов всех уровней по Кировской области за годы первой и второй пятилеток колебалась следующим образом:

Таблица № 16.

Бюджет Народного образования по Кировской области. Расходы.

годы	**Расходы (в млн. руб.)**	**Расходы на 1 человека (в руб.)**
1928 г.	**7,8**	**2,62**
1934 г.	**37,2**	**15,2**
1935 г.	**52,8**	**21,3**
1936 г.	**98,6**	**38,7**
1937 г.	**183,15**	**51,8**

Источник: ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 2. Л. 100.

Но средства бюджета не стали главным фактором решения проблем культуры и образования. Еще на первой Нижегородской краевой партконференции в 1929 г. была высказана и одобрена мысль о том, что одни лишь прямые бюджетные ассигнования не смогут удовлетворить потребности культурного роста. Поэтому к делу культурного строительства стали привлекаться средства промышленности, профсоюзов, средства кооперации и иных общественных организаций[697].

[694] Коваленко С.Н. Местный бюджет Вятской губернии в 1929–1929 гг. // Вятское хозяйство. 1929. № 1−2. С. 62.
[695] Единый государственный бюджет Нижкрая на 1929–1930 гг. // Нижегородский край. 1930. № 3. С. 36.
[696] РГАЭ. Ф. Р-1562. Оп. 14. Д. 108. Л. 98.
[697] Тюркин П. Директивы партии // Нижегородский просвещенец. 1929. № 1−2. С. 13.

Также производился сбор средств среди населения в фонд ликбеза. В газете «Вятская правда» периодически печатались сообщения такого рода: «Иванов И.И., работник такого-то учреждения, вношу в фонд ликвидации неграмотности столько-то рублей и призываю товарища Петрова П.П. последовать моему примеру»[698].

Достижение первых пятилеток в области народного образования и просвещения заключалось в том, что даже в самые трудные годы индустриализации поддерживался порядок, при котором пользование учебными заведениями не зависело от доходов и социального положения человека. Реальный демократизм образовательной системы во многом возмещал и оправдывал в глазах рабочего населения те жертвы, которых требовала от него форсированная индустриализация. Направляемая директивами из центра деятельность органов местной власти по преодолению неграмотности рабочих и созданию сети образовательных учреждений специально для них была достаточно успешной и значительно расширила их возможности в этой сфере. Эффективность политики местных органов власти в сфере образования была обусловлена в первую очередь, тем, что она была достаточно хорошо обеспечена финансовыми ресурсами. Хотя процесс построения новой системы образования для взрослых в Кировской области в этот период еще не был завершен.

[698] Помелов В.Б. Указ. соч. С. 74−75.

3.2 Эволюция духовно-культурных возможностей рабочих Вятской губернии / Кировской области.

Участие рабочих цензовой промышленности в разнообразной культурной деятельности – необходимая составляющая формирования его общего социального благополучия. Культурная деятельность вырабатывает определенные черты характера, активно воздействует на процесс формирования личности, обогащая её эмоционально, духовно. В число форм культурно-массовой деятельности традиционно включают: чтение газет, книг, посещение учреждений культуры, участие в экскурсиях, занятия в кружках художественной самодеятельности, занятия в любительских объединениях и кружках по интересам.

Для того чтобы выяснить была ли богатой культурная жизнь рабочих Вятской губернии / Кировской области, рассмотрим, насколько развитой была материальная база (наличие в городах учреждений культуры и отдыха) для духовного развития людей, и как она совершенствовалась в годы первых пятилеток.

Сложность решения задач культурного строительства для Вятской губернии / Кировской области в годы нахождения в составе Нижегородского края была связана с разбросанностью территорий края, с его пестрым национальным составом. Основное внимание партийных организаций края в этот период уделялось увеличению ассигнований на народное образование, расширению школьной сети, изданию учебников и пособий т.д.[699]

Первая Нижегородская краевая партийная конференция, в связи с задачами хозяйственно-политического роста края, следующим образом определила пути и задачи его культурного развития: «Исходя из необходимости ускоренного установления органической увязки

[699] Бармина Н.А. Развитие народного образования в Нижегородском крае в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.) // Вятская земля в прошлом и настоящем. К 500-летию вхождения в состав Российского государства: тезисы докладов и сообщений к научной конференции. Киров, 23−25 мая 1989 г. Киров, 1989. С. 92−93.

культурного строительства с задачами хозяйственного подъема края, усиления наступления на идеологическом фронте, четкого проведения классовой линии во всех звеньях просветительской работы (наука, искусство, театр, кино, литература) и учитывая, что состояние народного образования в крае значительно отстает от средне-республиканских показателей, – краевая партконференция считает необходимым при построении как пятилетки, так и перспективных планов развития в области культурной работы обеспечить форсированное развертывание всех мероприятий по народному просвещению»[700].

Важнейшим средством культурного развития населения была и остается художественная литература. После Октябрьской революции 1917 г. положение на российском книжном рынке было весьма нестабильным. Несмотря на имевшиеся запасы дореволюционной книжной продукции и их муниципализацию (переход в собственность местных органов власти), книгоиздательство и книжная торговля находились в состоянии близком к хаосу. Однако уже с 1917 г. в стране началось издание книг новой властью. Это были не только политические брошюры и работы основоположников марксизма, как можно было ожидать, но и массовые серии художественной классической литературы, рассчитанные на малоподготовленного читателя (например, серия «Народная библиотека» в 82 выпусках, выходившей с 1918 по 1922 гг.), учебники.

Основным каналом распространения литературы сразу после революции и во время Гражданской войны стала бесплатная раздача брошюр, листовок, плакатов, так как торговля была практически дезорганизована из-за голода, разрухи и временной, неизбежной в условиях войны дезорганизации производства и системы управления, инфляции, в результате чего возобновился натуральный обмен. Для

[700] Цит. по: Матвеев П. Культурное строительство края на пороге третьего года пятилетки // Нижегородский просвещенец. 1931. № 1−2. С. 3.

распространения печатной продукции в ноябре 1918 г. было создано «Центральное Агентство ВЦИК по снабжению и распределению произведений печати» (Центропечать). Впервые десятки миллионов людей разных национальностей прикоснулись к родникам культуры, взяли в руки книги А.С. Пушкина, И.В. Гете, В. Шекспира, Л.Н. Толстого[701]. Это было время, о котором, перефразируя стихи поэта, можно сказать: «сахар непрерывно дорожал, но Пушкин дешевизной поражал»[702].

В Вятской губернии книгоиздательское дело также получило развитие. В январе 1918 г. при Вятском губисполкоме было создано бюро по делам печати для контроля за работой типографий и книгоиздательском делом. В 1918–1920 гг. популярные брошюры на политические темы по вопросам народного образования, здравоохранения издавали губком партии, культурно-просветительный отдел губисполкома, губком комсомола и другие организации и учреждения. В 1920 г. открылось Вятское отделение государственного издательства. В 1921 г. оно выпустило около 100 изданий[703]. В 1920-е гг. в Вятке был издан сборник произведений пролетарских писателей «Чугунный улей»[704].

За один 1928 г. полиграфическими предприятиями Советского Союза было выпущено более 270 миллионов книг, что превысило выпуск книжных изданий в царской России за 1913 г. более чем в 3,5 раза. Второе десятилетие существования Советской власти (1928–1937 гг.) характеризовалось значительным увеличением выпуска изданий – до 5 миллиардов 600 млн. экземпляров.

28 декабря 1928 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «Об обслуживании книгой массового читателя». Был провозглашен не

---

[701] Измозик В.С., Фролов Б.В. Противоречивость социально-экономического развития общества в 20–30-е гг.// Вопросы истории КПСС. 1991. № 5. С. 130−131.
[702] Гордон Л., Клопов Э. Тридцатые − сороковые // Знание − сила. 1988. № 4. С. 23.
[703] Пятьдесят советских лет (1917–1967 гг.). Киров, 1967. С. 186.
[704] Там же. С. 187.

индивидуальный, а групповой, классовый подход к спросу на книгу, что облегчало управление спросом, подведение издательской продукции под шаблон: «Тип книги, ее содержание, язык должны отвечать специальному назначению ее, уровню и потребностям той группы читателей, для которых она предназначена»[705]. «Госиздат» разработал в 1929 г. проект серии общественно-политической и художественной литературы «Дешевая библиотека» (предполагаемый тираж – сотни тысяч экземпляров). На широкие массы рабочего читателя была рассчитана «Библиотека рабочего», популяризирующая задачи партии, ее программу и устав. Об успешной реализации решений партии свидетельствуют цифры: если в 1927–1928 гг. массовая литература занимала во всей книжной продукции меньше 20%, то уже в 1929–1930 гг. ее удельный вес поднялся до 50%. Тиражи в полмиллиона, миллион и более экземпляров становятся обычными. Ни одна страна мира не знала таких колоссальных тиражей массовой книги. Центральное место занимала популярная книга для рабочих и крестьян. В начале 1929 г. вятский рабочий мог подписаться на «Дешевую библиотеку» Госиздата и каждый месяц получать по почте произведения русских и зарубежных классиков – Д. Фурманова, И. Гончарова, Д. Лондона и др. Стоимость подписки составляла всего 30–50 копеек в месяц[706].

Издавались сотни миллионов экземпляров учебников по математике, естествознанию, родному языку, географии, литературе для начальной и средней школы, причем треть из них – на языках народов СССР. Печаталось значительное количество учебников для школ взрослых, что имело большое значение в процессе ликвидации неграмотности и малограмотности населения[707].

[705] КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М., 1979. С. 385.
[706] Вятская правда. 1929. № 150. 7 июня. С. 4.
[707] Баренбаум И.Е. История книги. М., 1984. С. 120−121.

В 1929 г. местная издательская деятельность в связи с ликвидацией Вятской губернии сократилась. До 1934 г. выходили в свет лишь брошюры на политические темы и литературные сборники[708]. Если судить по внешнему виду издаваемых в этот период в Вятской губернии / Кировской области книг о состоянии книгоиздательского дела, то очевидно, что главной проблемой для этой отрасли был острый недостаток бумаги.

В 1936 г. для удовлетворения растущего спроса среди рабочего населения на книги в области было создано Кировское книжное издательство. Оно публиковало книги по вопросам промышленности и сельского хозяйства. Стремясь удовлетворить читательский интерес, издательство печатало также произведения русской классической и советской литературы. Издавались произведения кировских авторов[709]. Издательство выпускает серии книг: «Стахановцы нашей области», «Знатные люди Кировской области», печатает брошюры по геологии, полезным ископаемым, физико-географическому описанию края, лесному хозяйству. В серии «Библиотека начинающего читателя» печатаются произведения Л.Н. Толстого, Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, И.А. Крылова, В.Г. Короленко, Д.А. Фурманова[710]. О выпуске издательством книг за 1937–1937 гг. говорят следующие цифры: общий тираж книг увеличился с 91 тыс. экземпляров до 202 тыс.[711]

При этом в стране существовал огромный неудовлетворенный спрос на книги. Венгерский писатель Дюла Ийеш, побывавший в СССР в 1934 г., писал об этом: «В период с 1929 по 1933 гг. произведения Горького издавались тиражом 19 963 000 экземпляров, которые тотчас же

[708] Чайкина Г.П. Книгоиздание // Энциклопедия земли Вятской. Т. 9: Культура и искусство. Киров, 1999. С. 209.
[709] Кирюхина Е.И. Под знаменем Октября. Кировская область за 60 лет Советской власти. Киров, 1977. С. 88.
[710] Чайкина Г.П. Книгоиздание. С. 209.
[711] Материалы к отчету Кировского областного исполнительного комитета за 1935–1939 гг. Киров, 1939. С. 107.

расходились… Писатели не успевают писать, государство не успевает удовлетворять потребности в литературе. Со времен революции в стране увидело свет двенадцать миллионов всевозможных книг. Я посетил книжную выставку, где от книжек на оберточной бумаге образца 1918 г. до современных подарочных изданий на рисовой бумаге были отражены все этапы бурного развития российской духовной жизни, развития системы, появившейся на свет благодаря книге великих ученых, книгами проложившей себе путь и книгами же стремящейся покорить мир»[712].

Значительную часть информации о мире и обществе рабочий цензовой промышленности Вятской губернии / Кировской области в 1920-1930-е гг. получал посредством чтения периодической печати. Газеты и журналы, центральные и местные, были наиболее доступным средством просвещения и культурного развития рабочего.

В конце 1920-х–1930-е гг. в СССР происходит значительный количественный рост и увеличение тиражей газет и журналов. Используя зачастую печать для политической агитации среди населения, власть была заинтересована в том, чтобы свежая советская пресса была в каждом доме. Политика центральных и местных органов власти была направлена на обеспечение их низкой стоимости и доступности для рабочего населения страны. Эффективность их деятельности в этом направлении позволяют оценить следующие цифры: если в 1928 г. в стране выходило около 2-х тыс. газет, разовый тираж которых составлял 9,5 млн. экземпляров, то в 1940 г. их стало около 9 тыс., а тираж превысил 38 млн. экземпляров[713].

Любую интересующую рабочего газету или журнал, он мог купить или оформить подписку. На вятских / кировских предприятиях широко была распространена практика принудительной подписки среди рабочих на различные местные и центральные издания, которую осуществляли профсоюзы. Анализ бюджетов рабочих района им. Коминтерна

[712] Ийеш Д. Россия. 1934. М., 2005. С. 208.
[713] Пельт В.Д. Предвоенная Советская печать (1937–июнь 1941 гг.). М., 1974. С. 5–6.

показывает, что в среднем каждый второй из них выписывал или изредка покупал какую-либо центральную или местную прессу, расходуя на это в среднем от 0,5 до 2 рублей в месяц[714]. Стоимость одного экземпляра газеты была невысокой – несколько копеек, стоимость подписки на центральное издание колебалось от 0,5 до 1 рубля за месяц. Газеты и журналы были обязаны выписывать все государственные учреждения, библиотеки, клубы, больницы. В 1935 г. одна только областная больница в городе Кирове выписывала 34 наименования различных газет и журналов для пациентов[715].

Особой популярностью у рабочих пользовались все же местные газеты. Их число за период с 1913 по 1936 гг. в Вятской губернии / Кировской области увеличилось почти в 30 раз: с 4 до 83 [716]. В городе Вятке / Кирове главной газетой, которая информировала читателей обо всех важных событиях, происходящих в области и мире (первая страница её всегда была посвящена анализу международных и общесоюзных событий), в 1930-е гг. была «Вятская правда» (с декабря 1934 г. − «Кировская правда»). Стоимость газеты «Вятская правда» в годы первой и второй пятилетки колебалась от 5 до 10 копеек за номер, подписка стоила 50−60 копеек. Цена для рабочего даже с низкой зарплатой (50−60 рублей) была вполне доступной.

Одним из наиболее ярких проявлений роста культурного уровня рабочего населения, являлся непрерывно возрастающий спрос на периодическую печать. Простой пример, в Котельническом районе в 1930 г. выпускалась газета «Ударник», и её тираж не превышал 2,5 тыс. экземпляров. В 1934 г. газета, ранее выходившая раз в пять дней, становится ежедневной и её тираж увеличивается до 3860 экземпляров[717].

---

[714] ГАКО. Ф. Р-1054. Оп. 2. Д. 130.
[715] Вятская правда. 1935. № 33. 9 февраля. С. 3.
[716] ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 2. Л. 99.
[717] Материалы к отчетному докладу Котельнического районного исполнительного комитета. К IV съезду Советов Котельнического района. Котельнич, 1934. С. 74.

Рабочие не только являлись читателями местных новостей, в этот период они активно участвуют в их создании. Полосы «Вятской правды» в этот период пестрят сообщениями от рабочих о некачественных обедах в столовых, о задержке заработной платы, жалобами на злоупотребления должностных лиц, отсутствие товаров в магазинах и т.п. Газетная публикация в те годы имела большую силу. На основании постановления президиума ЦК ВКП(б) и коллегии РКИ ВКП(б) и распоряжений Наркомюстиции, все учреждения, предприятия и отдельные лица, критически затронутые газетной статьей, обязаны были дать объяснение по существу заметки или приступить к расследованию указанных в ней ненадлежащих фактов незамедлительно[718]. Рабочие часто использовали газету для решения своих социальных проблем.

Культурная политика местных органов власти в регионе была направлена также на расширение ассортимента выпускаемых журналов. В Вятке в 1928 г. издавались такие журналы как: «Спутник большевика», «Вятская жизнь», «Вятско-Ветлужский край», комсомольские журналы: «Зарево», «Новая молодежь». Выпускались кооперативные и медицинские журналы[719].

Фабрично-заводская печать являлась также весьма интересным явлением культурной жизни края в 1920–1930-е гг. XX в. В краеведческом отделе Кировской областной научной библиотеки им. А.И. Герцена сосредоточено большое количество фабрично-заводских изданий 1920–1930-х гг. XX в. Это: «Вагонник» (железнодорожные мастерские); «Вагранка» (завод «Вятский металлист»); «Вятский полиграфист» и «Кировский полиграфист» (областная типография); «Гайка» (фабрика учебных пособий); «За качество овчины» (шубно-овчинный завод); «За пласткожу» и «Искожевец» (комбинат «Искож»); «За темпы и качество» (комбинат учебно-технического и школьного оборудования им. Кирова);

[718] ГАКО. Ф. Р-2922. Оп. 1. Д. 58. Л. 114.
[719] Кирюхина Е.И. Под знаменем Октября. С. 88.

«За фосфорит» (Верхнекамские фосфоритные рудники); «Кировец» (Уржумский судостроительный завод) и др[720].

К моменту районирования в 1929 г. предприятия Вятской губернии издавали 8 фабрично-заводских газет тиражом 6550 экземпляров[721]. В 1932 г. после выхода постановления ЦК ВКП(б) от 19 августа «О фабрично-заводской печати» общий тираж вятских многотиражных изданий достиг 18 тыс. экземпляров. Все многотиражные газеты имели одинаковую структуру. На первой странице – передовые статьи, часто перепечатанные из местных и центральных газет. Довольно часто там же помещались сводки о ходе выполнения плана предприятием. На следующих страницах печатали заметки и письма рабкоров, «критику и самокритику», различные призывы. На последних страницах – информация о бытовых сторонах жизни рабочих, стихи, сатира и фельетоны.

Вот, к примеру, статья Б. Першмана в «Красном кожевнике». Он пишет, что «кожевенная промышленность Вятки проработала этот год с худшими результатами, чем прошлый». Несмотря на немалые капитальные вложения в переоборудование и установку новых машин производительность труда повысилась незначительно. «При росте производительности труда по кожзаводам на 3,3%, зарплата выросла на 6,6%», – пишет автор статьи. Далее он указывает, что на будущий хозяйственный год будет отпущено меньше средств на повышение зарплаты, ибо «приоритет отдан горной промышленности, металлургии и химической промышленности». В заключении автор настаивает, чтобы рабочие при обсуждении условий нового коллективного договора не

[720] Поздеев П.В. Фабрично-заводская печать как источник по истории промышленности в 20–30-е годы XX века // Герценка: Вятские записки. Вып. 3. Киров, 2002. С. 67−68.
[721] Материалы к отчету Вятского горайкома ВКП(б) на II районной партконференции ВКП(б). Вятка, 1931. С. 67.

требовали повышения зарплаты «исходя из интересов рабочего класса в целом»[722].

В рассматриваемый период в Вятской губернии / Кировской области широкое распространение получило театральное искусство. Продолжал свою работу городской (затем Областной) драматический театр. На его сцене в 1930-е гг. шли спектакли по лучшим произведениям классической драматургии и пьесам советских авторов[723]. Особой популярностью пользовались произведения М. Горького (спектакли «На дне», «Егор Булычев и др.», «Мещане»), К. Тренева («Любовь Яровая», «На берегу Невы»), Б. Лавренева («Разлом», «Враги»), В. Вишневского («Оптимистическая трагедия», «Первая колонна»), М. Шолохова («Поднятая целина»), Д. Фурманова («Чапаев», «Мятеж») и других советских писателей.

Среди классической русской литературы внимание режиссеров драмтеатра в 1930-е гг. привлекали произведения А. Пушкина («Каменный гость», «Цыганы», «Полтава», «Граф Нулин»), Ф. Достоевского («Униженные и оскорбленные»), А.П. Чехова («Дядя Ваня», «Вишневый сад»), Л. Толстого («Живой труп»), А. Островского («Без вины виноватые», «Доходное место»).

Не осталась без внимания и мировая художественная литература. Спектакли по произведениям Г. Ибсена («Привидения»), В. Шекспира («Ромео и Джульетта», «Оттело», «Макбет»), Э. Золя («Наследники Рабурдена»), Лопе-де-Вега («Собака на сене»), К. Гольдони («Слуга двух господ»), В. Гюго («Рюи Блаз») пользовались огромной популярностью среди рабочего населения города Вятки / Кирова[724]. Подбор репертуара

[722] Поздеев П. В. Фабрично-заводская печать как источник по истории промышленности в 20–30-е годы XX века. С. 67−68, 70.
[723] Заболотский В. Два театра. К 75-летию Кировского областного драматического театра // По родному краю. Сб. статей по краеведению. Вып. 2. Киров, 1952. С. 67.
[724] Сазонов В. Страницы истории Кировского театра драмы (1877–1977 гг.) Киров, 1976. С. 73−77.

свидетельствовал о стремлении руководства театра к формированию у местного населения чувства высокого художественного вкуса.

Чтобы привлечь к работе театра внимание рабочих города Вятки в 1929 г. силами комсомольских и профсоюзных организаций, был проведен «двухнедельник по театру». С 1936 г. закрепился постоянный коллектив театра, который включал в себя опытных мастеров сцены во главе с заслуженным деятелем искусства Л. Самборской[725]. Интересным фактом в его истории стала взаимосвязь с Московским государственным театром им. Вахтангова, который в 1935 г. являлся шефом кировского театра. В работе театра активное участие принимали некоторые московские артисты театра им. Вахтангова и его директор Е.Н. Ванеева[726].

Однако слабым местом театрального искусства Вятского края в годы первой и второй пятилеток оставалась его материальная оснащенность. В Вятке / Кирове спектакли городского драмтеатра проходили в старом деревянном строении, построенном ещё в XIX в. Этот нелицеприятный факт был отмечен в 1935 г. на открытии I Кировского Краевого съезда Советов в докладе председателя крайисполкома А.А. Бобкова: «В краевом центре нет приличного театра. Есть нечто вроде средневекового сарая, который называется городским театром. В нем мы даже не решились Съезд открывать, и вынуждены были перейти в прекрасное здание библиотеки имени Герцена»[727].

Несмотря на острую необходимость, только в 1939 г. драматический театр получил новое здание[728]. На его строительство было потрачено 6 млн. рублей. В сооружении принимали участие добровольцы из числа рабочих и служащих города[729].

---

[725] Заболотский В. Указ. соч. С. 67.
[726] Культурное строительство в Кировской области (1917–1987 гг.). Киров, 1987. С. 108.
[727] Материалы I Кировского краевого съезда Советов (декабрь 1934–январь 1935 гг.)// ГАКО. Ф. Р-2168. Оп. 1. Д. 52. Л. 97.
[728] Кирюхина Е. К сокровищам науки и культуры // Кировская правда. 1962. № 106. 22 мая. С. 2.
[729] История города Кирова. Киров, 1974. С. 226−227.

К числу бесспорно лучших архитектурных произведений того времени относится построенный в 1934 г. в саду им. Ст. Халтурина (бывшем Александровском) деревянный театр вместимостью 1200 человек. Театр был спроектирован известным архитектором И.А. Чарушиным, который обратился к интерпретации классического облика театра, что в те времена воспринималось как определённая новация после господства конструктивизма[730].

Проблема материальной оснащенности учреждений культуры была общей для всех городов региона. Так, например, в июне 1930 г. на заседании президиума Котельнической окружной плановой комиссии отмечалось, что в городе «наблюдается полное отсутствие помещений для культурно-просветительских учреждений»[731].

Мероприятия, направленные на решение данной проблемы, приходятся на годы второй пятилетки. В этот период в Кирове были открыты: областной театр юного зрителя (1936 г.), кукольный областной театр (1935 г.). К концу периода в городе действовали уже 3 театра[732].

Театр юного зрителя действовал в городе и раньше, но лишь в летнее время. Только в 1936 г. он получил «зимнее» помещение и возможность работать на постоянной основе. По решению Кировского краевого исполнительного комитета Советов от 4 октября 1936 г. под театр было предоставлено помещение кинотеатра Октябрь вместе с располагавшимся в нем оборудованием[733]. Ведущее место в репертуаре театра юного зрителя занимала героико-патриотическая тема. Коллектив театра многое сделал для воплощения на сцене произведений Н.А. Островского, имя которого было присвоено ему в 1938 г.[734].

---

[730] Андреева Е.А. Архитектор Иван Чарушин. Ижевск, 2007. С. 152.
[731] Протокол № 38 заседания президиума Котельнической окружной плановой комиссии за 10 июня 1930 г. // ГАКО. Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 21. Л. 221.
[732] Кирюхина Е.И. Под знаменем Октября. С. 92−93.
[733] ГАКО. Ф. Р-2333. Оп. 1. Д. 28. Л. 79.
[734] Кирюхина Е.И. Под знаменем Октября. С. 92−93.

Театральная жизнь в других городах Кировского края также была весьма насыщенной. В 1935 г. в городе Уржуме по решению крайисполкома появился второй колхозный театр. Открытие театра стало для города значительным культурным событием[735]. В работе новому театру активное содействие также оказывал московский театр им. Вахтангова, а в частности режиссеры этого театра Миронов и Шереметьев. Годовщина с момента открытия второго колхозного тетра в 1936 г. праздновалась в Уржуме с большим размахом. Краевым исполкомом были отмечены успехи театра за этот период, а также были выделены средства в размере 10 тыс. рублей на премирование артистов и такая же сумма на ремонт основного помещения театра в городе Уржуме[736].

Благодаря деятельности местных органов власти, количество театров в регионе за годы первых пятилеток увеличилось в 1,5 раза, что свидетельствует о том, что возможности по приобщению рабочих к этому виду искусства также возросли.

Таблица № 17.

Количество театров.

1928 г.	**5**
1932 г.	**5**
1935 г.	**7**
1936 г.	**7**
1937 г.	**8**

Источник: ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 2. Л. 103.

Большое внимание в 1928–1937 гг. уделялось таким видам массовой культуры, как кино и радио, которые должны были превратиться в один из главных видов культурного досуга рабочего населения. В 1919 г.

[735] Постановление Кировского краевого исполнительного комитета №766 от 21 июня 1935 г. «Об открытии второго колхозного театра в г. Уржуме» от 21 июня 1935 г. // ГАКО. Ф. Р-2333. Оп. 1. Д. 28. Л. 7.

[736] Постановление президиума Кировского крайисполкома «О годовщине второго краевого колхозного театра» от 7 августа 1936 г. // Культурное строительство в Кировской области. С. 114.

Совнарком принял декрет о национализации кинодела в Советской России. Эта дата стала началом отсчета советского кинематографа. В 1930-е гг. кинематограф постепенно превращается в массовый вид искусства. В 1929 г. при Совнаркоме СССР был создан специальный Кинокомитет, который был призван осуществлять централизованное руководство киноделом страны. В 1930 г. для усиления руководства технической стороной кинодела Кинокомитет был упразднен и вместо него при ВСНХ СССР образовано объединение кинофотопромышленности («Союзкино»), в котором сосредоточивалось все производство киноиндустрии. Однако, сосредоточив основное внимание на решении производственно-технических проблем, «Союзкино» в меньшей степени занималось творческой стороной дела. Для поднятия роли и значения кинематографии как крупнейшего фактора культурного подъема страны в 1933 г. «Союзкино» и его местные органы были реорганизованы в Главное управление кинофотопромышленности при СНК СССР и соответствующие республиканские управления[737].

Следует отметить, что проблемы развития отечественной кинематографии, кинообслуживания населения страны в этот период обсуждались на всесоюзном уровне. С 8 по 14 января 1932 г. они рассматривались на Первом всесоюзном совещании по кинофикации, с 15 по 19 мая 1932 г. – на Первом всесоюзном совещании работников военно-оборонной кинематографии, с 25 по 31 декабря 1932 г. – на Первом всесоюзном совещании работников кинохроники, с 25 по 29 ноября 1933 г. – на Втором всесоюзном совещании по кинохронике[738].

История вятского кинематографа началась с 20 минутного показа в 1897 г. в павильоне сада «Аполло». Первым кинотеатром в Вятке считается «Прогресс». Его открытие состоялось в летнем помещении

[737] Песков В.В. Государственная политика в сфере культурного строительства в Нижнем поволжье в 1928–1941 гг.: автореф. …канд. ист. наук. Астрахань, 2010. С. 16−17.
[738] Вишневский В. 25 лет Советского кино в хронологических датах. М.: Госкиноиздат, 1945. С. 54, 55, 58.

Александровского сада в мае 1908 г. Первым кинотеатром жители Вятки были обязаны «Торговому дому Братья Усмановы и М.А. Усманов», что располагался в гостином ряду на Московской улице. В мае 1908 г. владельцы Торгового дома обратились в Вятскую городскую думу с просьбой выделить им место в Александровском саду для строительства кинотеатра. 12 (25) мая 1908 г. разрешение было получено. Первый кинотеатр представлял из себя тесовый сарай на столбах под железной крышей, примерно 10 на 20 м, поэтому на его строительство не понадобилось много времени, и 18 июня (1 июля) 1908 г. в нём прошел первый киносеанс[739].

В начале 1929 г., как отмечалось на первой Нижегородской краевой партконференции, степень охвата населения края кино и радио была совершено неудовлетворительной[740]. По состоянию на 1 ноября 1928 г. в Вятской губернии имелось 5 стационарных кинотеатров (из них 3 – в Яранском уезде, 1 – в городе Слободском, 1 – в городе Вятке) и 72 кинопередвижки (из них 2 в городе Вятке, а остальные в уездах)[741]. Сначала на губернской, а после проведения районирования на краевой партийных конференциях ВКП(б) была поставлена задача в 2 раза увеличить эти цифры и сделать кино массовым видом искусства в регионе.

По состоянию на декабрь месяц 1935 г. в Кировском крае (без УАССР) уже имелось городских звуковых кинотеатров – 17, киноустановок (немых) – 2, кинопередвижек (немых) – 193. Как можно заметить из сопоставления цифр, задача по количественному увеличению киноиндустрии в регионе была выполнена уже к 1935 г. Правда, большинство кинотеатров находилось в малоприспособленных ветхих

[739] Марков А.А. «Прогресс» – первый кинотеатр города Вятки // Герценка: Вятские записки. Вып. 5. Киров, 2003. С. 59−60.
[740] Тюркин П. Директивы партии // Нижегородский просвещенец. 1929. № 1−2. С. 9.
[741] ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 7. Д. 30. Л. 289.

деревянных помещениях, характеризовавшихся малой вместимостью зрителей, отсутствием фойе, комнат отдыха[742].

Что показывали рабочим в районах Вятской губернии, можно судить из отчета Малмыжского инспектора печати и зрелищ Клюкина за период с 1927 по 1928 гг. В этот период кинопередвижками были продемонстрированы фильмы: «Всем на радость», «Первые огни», «Трагедия Чиркина», «Князь Мклавадзе», «Перевал», «Броненосец Потемкин». Автор отчета отмечает, однако, что «кино за весь квартал по качеству фильмов было очень неважное, на 80% комедии не нашего производства»[743].

До 1938 г. в городе Кирове действовало три кинотеатра: «Колизей», «Прогресс» и «Одеон». Решение о необходимости строительства в городе еще одного кинотеатра было принято на заседании президиума Кировского краевого исполкома 17 апреля 1935 г. В постановлении о начале строительства кинотеатра отмечалось, что имеющиеся в Кирове три кинотеатра пришли в полную негодность, и не обеспечивают интересы жителей[744]. Строительство длилось около трех лет, и к концу 1930-х (в 1938 г.) был пущен в строй кинотеатр «Октябрь» с просторным фойе и залом на 500 мест. На открытии этого кинотеатра 5 июля 1938 г. был показан фильм «Детство Горького». Кино показывали также в городском саду им. Горького, саду им. 1 мая в летнее время[745].

В этом же году был пущен в эксплуатацию кинотеатр в городе Слободском на 300 мест, и начато строительство кинотеатра в городе Советске на 200 мест. 29 районных центров имели на конец второй пятилетки стационарные киноустановки[746].

---

[742] Из докладной записки культпросветотдела Кировского крайкома ВКП(б) культпросветотделу ЦК ВКП(б) о состоянии кинофикации в крае // Культурное строительство в Кировской области. С. 109.
[743] Из отчета Малмыжского инспектора печати и зрелищ Клюкина о работе за октябрь 1927 г.–январь 1928 г. // Энциклопедия земли Вятской. Т. 9: Культура и искусство. Киров, 1999. С. 305−306.
[744] ГАКО. Ф. Р-2168. Оп. 1. Д. 335. Л. 60.
[745] Вятский край в 1920–1930-е годы. Киров, 2006. С. 61-62.
[746] Материалы к отчету Кировского областного исполнительного комитета за 1935–1939 гг. Киров, 1939. С. 111.

Билеты в кино стоили не дорого. Средняя цена посещения кинотеатра в Вятке – 10 коп. (1935 г.). Случались и бесплатные сеансы [747]. Упор делался на фильмы социального и научного содержания. В начале 1930-х гг. жители Вятки могли смотреть только немое и черно-белое кино[748].

С 1932 г. в Вятке появляется звуковое кино. Вятское агентство «Союзкино» приступило к его устройству в помещении кинотеатра «Колизей». Премьера показа первого звукового фильма в Вятке намечалась на 15 марта. Планировалось давать по 5 сеансов в день. Цены дифференцированы на 8 групп. Рабочим предоставлялось право получения билетов вне очереди и со скидкой[749]. Первый звуковой фильм, который имели возможность посмотреть жители города, назывался «Златые горы». Первая цветная кинокартина появилась в кинотеатрах города в конце 1930-х, она называлась «Груня Корнакова»[750].

Кроме кинотеатров большой популярностью пользовались передвижные киноустановки. Они позволяли знакомить с киноискусством рабочих и не только в самых отдаленных уголках области. Их число за годы пятилеток выросло с 84 в 1928 г. до 317 в 1936 г. Большой популярностью среди рабочих промышленности пользовались звуковые кинопередвижки. Впервые в области они появились в 1935 г.[751]

Важным средством повышения общекультурного и политического уровня рабочих масс стало радио. В условиях 1920–1930-х гг. радио было призвано, не просто дополнять прессу, но и выполнять своеобразную функцию замещения её обязанностей в системе информации, пропаганды и просвещения масс.

Одной из форм деятельности на радио в эти годы стала работа «Радиогазеты». Первый номер «Радиогазеты РОСТА» «Всем, всем, всем!»

---

[747] ГАКО. Ф. Р-2168. Оп. 1. Д. 335. Л. 62, 123.
[748] Вятский край в 1920–1930-е годы. С. 61-62.
[749] Информация газеты «Вятская правда» об устройстве первой звуковой киноустановки в городе Вятке // Культурное строительство в Кировской области (1917–1987 гг.) С. 103−104.
[750] Кирюхина Е.И. Под знаменем Октября. С. 94.
[751] ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 2. Л. 99.

был передан со станции им. Коминтерна 23 ноября 1924 г. Этот день принято называть днем рождения советского регулярного радиовещания. Структура «радиогазеты» окончательно оформилась к 1925 г. и состояла из постоянных рубрик: «Что нового за границей?», «По Союзу Советских Республик», «Что слышно в Москве?», «Спорт» и др. Все материалы связывал между собой конферанс ведущего, который пояснял по ходу дела менее понятные выражения, комментировал события, акцентировал внимание слушателей на той или иной информации[752].

К середине 1928 г. в стране насчитывалось уже около 80 радиогазет, а к 1930 г. их количество доходило до 300[753]. Радиогазета передавала в эфир информацию, имевшую важное политическое значение, нуждавшуюся в высокой степени оперативности при доведении ее до сведения населения. Радио передавало информацию спустя несколько минут после ее получения. Если учитывать, что в некоторые районы СССР газета поступала лишь через 3–4 недели, то можно себе представить, как стремились люди услышать новости из Москвы[754].

Примером нового использования возможностей вещания стало создание в 1928 г. Рабоче-крестьянского университета на радио. Уникальный инструмент ликбеза среди советских граждан, он имел три факультета: общеобразовательный, антирелигиозный и кооперативный. Чуть позже появились еще два: педагогический и сельскохозяйственный. Уже в 1929 г. был создан целый ряд других радиоуниверситетов: рабочий, крестьянский, коммунистический, комсомольский. Эта инициатива концентрировала в себе надежды на «просвещение» народа, путём тотальной радиофикации – установки радиоточек на каждой улице, в каждой деревне, а потенциально – в каждом доме. Завершение централизации управления радио связывают с решениями, принятыми 31

[752] Горяева Т.М. Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920-х–1930-х годах. Документированная история. М., 2009. С. 57−58.
[753] Там же. С. 56, 61.
[754] Горяева Т.М. Указ. соч. С. 62.

января 1933 г. – постановлением СНК СССР о создании «Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР». К 1 февраля 1937 г. была введена единая эфирная радиосетка, корректировавшаяся с учётом различия часовых поясов[755].

В Вятской губернии история радио началась в 1919 г., когда в городе Вятке была построена первая приемно-передающая радиотелеграфная станция. В 1924 г. при педагогическом институте возникла ячейка «Общества друзей радио», которая стала основой созданного позднее Вятского губернского отделения «Общества друзей радио». Уже в 1920-е гг. жители Вятки получили возможность слушать радиопередачи из Москвы, а с 1929 г. им стали доступны местные радиопередачи. 10 января 1926 г. в помещении Дома крестьянина открылся первый губернский съезд «Общества друзей радио». С конца 1920-х гг. радиофикация области переходит в руки Вятской конторы связи. В 1930 г. в ведении этой конторы находились Вятский радиоузел – с 1197 точками, Вожгальский – с 374, Слободской – с 140, Омутнинский – с 132, Халтуринский – с 88. Проводилась активная работа по радиофикации рабочих клубов, красных уголков[756]. В 1932 г. на территории бывшей Вятской губернии насчитывалось уже 9620 радиоточек, а в 1937 г. – 28257. Динамика роста колоссальная более чем в 3 раза[757].

В те годы областное радиовещание уделяло особое внимание вопросам просвещения. По радио шли, как правило, передачи, носившие образовательный характер, создавались радиоуниверситеты, курсы, кружки. Обычным повседневным явлением стали выступления у микрофона областного радио писателей, журналистов газеты «Вятская

[755] Бондаренко С., Шеманов И. Советское радио 1920–1930-х гг. Проблемы и задачи «широковещания» // Электронный ресурс. «Уроки истории XX век. http://urokiistorii.ru/sites/all/files. 21.02.2010

[756] Фокин Г.Т. В эфире и на экранах город Киров и область // Энциклопедия земли Вятской. Т. 9: Культура и искусство. Киров, 1999. С. 307−308.

[757] 200 лет Вятской губернии. 60 лет Кировской области. Стат. сборник / Ред. кол. В.А. Зырин и др. Киров, 1996. С. 188.

правда», актеров. Эстетическое просвещение по радио благотворно воздействовало на развитие рабочего населения региона[758].

О том, что рабочие этот вид культурного отдыха очень любили, свидетельствует следующий документ. Информация уполномоченного по лесозаготовкам Харина в Зюздинский райисполком «О радиопередачах для рабочих-лесозаготовителей» от 10 января 1930 г.: «В 1930 г. января 7-го дня я приехал на Яковятскую пристань для проведения месячника лесозаготовок и сказал, что привезем сюда радио, то рабочие это ожидали с энтузиазмом. 9 января приехал тов. Посников, который привез радиоприемник и батарейки…Тот же вечер радио уже говорило и народу пришло послушать таковое человек 60. Но радио восстановили сейчас временно, т.к. нужно было поставить в типовой барак, а который в настоящее время не выстроен, поэтому пришлось поставить 2 антенны: в деревне Яковята и около типового барака. Сегодня все рабочие опять собираются прийти послушать радио и говорят, что неохота ехать домой. Все рабочие очень довольны»[759].

Важными очагами культуры для промышленных рабочих в этом период являлись клубы, красные уголки, библиотеки, находившиеся в ведении профессиональных организаций. На их базе профсоюзные организации проводили работу по организации культурного досуга, распространению технических знаний[760].

Существовало несколько типов городских библиотек – центральные, муниципальные, клубные, ведомственные (фабрично-заводские, студенческие) и наконец, библиотеки при партийных и комсомольских коллективах[761].

---

[758] Фокин Г.Т. В эфире и на экранах город Киров и область. С. 307−308.
[759] Информация уполномоченного по лесозаготовкам Харина в Зюздинский райисполком «О радиопередачах для рабочих-лесозаготовителей» от 10 января 1930 г. // Энциклопедия земли Вятской. Т. 9: Культура и искусство. Киров, 1999. С. 317−318. (Стиль и пунктуация первоисточника сохранены).
[760] Профессиональные союзы СССР. 1926–1928: Отчет ВЦСПС к VIII съезду профессиональных союзов. М., 1928. С. 273.
[761] Яров С. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х гг. Спб., 2006. С. 289.

Большое значение для культурного развития рабочих имело наличие в области развитой сети библиотек. На период 1920-х гг. приходится создание такого типа массовых библиотек, как профсоюзные. Первой профсоюзной библиотекой стала библиотека, организованная в 1922 г. при культпросветотделе Вятского губпросвета в Доме Союзов. А в 1925 г. в губернии уже работало 59 профсоюзных библиотек при заводах и фабриках лесной, кожевенно-обувной, меховой промышленности, на железнодорожном транспорте, предприятиях местной промышленности и кооперации, организуются библиотеки при МТС и совхозах[762].

На начало первой пятилетки библиотечная сеть в городах Вятской губернии насчитывала 119 учреждений[763]. В 1929 г. на первой Нижегородской краевой партконференции количество просветительских учреждений в крае было признано недостаточным. В среднем одна библиотека в Нижегородском крае в 1929 г. приходилась на 7334 человек населения. Этот показатель был значительно хуже среднего по РСФСР, где одна библиотека приходилась на 1092 человека, а одна изба-читальня обслуживала 5500 человек[764]. Для решения проблемы местными органами власти был выбран путь «библиопохода», который стал составной частью культпохода.

Библиотечный поход ставил своей целью довести книгу до массового читателя, поэтому его лозунгом было «Книгу – в массы!». Строился поход на основе опыта ликбеза, взяв за основу его организационные принципы. В городах, сельских районах, округах создавались штабы бибпохода, руководившие работой на своих территориях. В каждом городе работало несколько бригад библиопохода, причем каждая в определенном районе. Ее члены являлись организаторами библиопохода на участках своего района. Большое распространение получили книжные повозки и

[762] Дерюгин В.Л. Библиотечная сеть в XX столетии // Герценка: Вятские записки. Вып. 2. Киров, 2001. С. 14.
[763] Материалы к отчету Вятского губкома XIX губконференции ВКП(б). Вятка, 1929. С. 51.
[764] Тюркин П. Директивы партии. // Нижегородский просвещенец. 1929. № 1−2. С. 8−9.

передвижные избы-читальни. В задачу этих передвижек входила помощь местным политпросветработникам (поскольку и она сама была одновременно звеном политпросвета), организация массовой работы, пропаганда книги, организация работы по культпоходу. В целом же библиопоход также явился одним из путей расширения и углубления политико-просветительной и культурно-массовой работы с рабочим населением[765].

В Котельническом округе начало библиотечного похода было объявлено с 10 сентября 1929 г. Для реализации целей данного мероприятия планировалось привлечь средства и силы общественных и профсоюзных учреждений[766].

Главная библиотека Вятского округа – библиотека им. Герцена – не могла остаться в стороне от участия в этом важном для региона деле. С 1 февраля по 1 марта 1930 г. «Герценка» провела «библиотечный поход» по городу Вятке. Отчитываясь о результатах библиопохода перед партийными и советскими органами, директор библиотеки К.И. Гусак отмечала, что главными целями этого мероприятия стали: привлечение внимания общественности к деятельности библиотек, улучшение их материального положения и перестройка их работы в соответствии с задачами реконструкции народного хозяйства.

Сотрудники библиотеки им. А.И. Герцена в течение месяца выступали на собраниях коллективов предприятий и обследовали деятельность 16-ти библиотек города. Выводы были очень печальные. Вот, например, некоторые из них: «...имеющиеся при ряде библиотек детские отделения влачат жалкое существование из-за отсутствия средств для пополнения детской литературы, некоторые закрывают детские отделения... Выявленная в связи с библиотечным походом безобразная

[765] Песков В.В. Государственная политика в сфере культурного строительства в Нижнем поволжье в 1928–1941 гг. С. 15− 16.
[766] ГАКО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 16. Л. 149.

картина состояния библиотечного дела по городу должна серьёзно заставить задуматься всю вятскую общественность об изменении существующего положения». В заключение отчёта К.И. Гусак предложила создать единую профсоюзную библиотеку в городе (в то время каждый отраслевой профсоюз имел свою библиотеку), единый передвижной фонд книг, открыть специальную детскую библиотеку в южном районе, организовать курсы библиотекарей[767].

В 1930–1931 гг. работа по линии «приближения книги к рабочему» в Вятском районе проходила главным образом в форме «книгоношества» по рабочим общежитиям и даже непосредственно на квартиры рабочих. Также при содействии профсоюзных организаций была развернута передвижная работа. По району работало до 150 передвижных книжных передвижек (так называли книжные обозы) с количеством книг до 9000 экземпляров[768].

За период первой и второй пятилеток количество библиотек в крае возросло. На начало 1928 г. по губернии насчитывалось 334 библиотеки с количеством книг в 1693700 экземпляров[769]. На конец второй пятилетки в Кировской области насчитывалось уже 480 массовых библиотек с книжным фондом 1917278 книг[770].

Важным местом для отдыха и просвещения рабочего населения городов Вятской губернии / Кировской области были музеи. На 1 января 1928 г. в губернии были открыты для посещения 12 музеев: Вятский областной музей с художественным отделом, музей революции, а также десять краеведческих музеев в Малмыжском, Санчурском, Уржумском,

[767] Жаравин В.С. Директор библиотеки им. А.И. Герцена Клара Исааковна Гусак // Герценка: Вятские записки. Вып. 14. Киров, 2009. С. 31.
[768] Материалы к отчету Вятского горрайкома ВКП(б) II районной конференции ВКП(б). Вятка, 1931. С. 77–78.
[769] 200 лет Вятской губернии. 60 лет Кировской области. С. 267.
[770] ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 7. Л. 28–29.

Советском, Котельническом, Яранском, Нолинском, Халтуринском, Слободском и Шурминском уездах[771].

Вятский областной музей имел в 1929 г. 4 исследовательских кабинета: геологический, ботанический, зоологический, этнографический. Выставочная часть музея состояла из 7 отделов: геологии, ботаники, зоологии, этнографии, истории, археологии и картографии.

Художественный отдел областного музея имел картинную галерею (270 картин, 493 акварели и рисунки, 36 скульптурных работ), библиотеку (1671 книг), гравюрный кабинет. При художественном отделе работал кружок по истории искусства[772]. Позднее на его основе был создан художественный музей им. Горького, который за годы первых пятилеток был пополнен ценными экспонатами[773]. В декабре 1930 г. совместно с НИИ краеведения музей проводил лекции и беседы по краеведческим вопросам на предприятиях Вятки.

При губернском Доме крестьянина существовал сельскохозяйственный музей, где имелись в 1929 г. отделы полеводства, животноводства, молочного хозяйства, луговодства с мелиорацией и землеустройством, ветеринарии, фабрично-заводской промышленности и другие[774].

В 1927 г. в Вятке был организован музей Революции. Он имел свою интересную историю. С 1 августа 1927 г. музей Революции был включен в государственную сеть, поэтому, как и все другие музеи, подчинялся и финансировался губернским отделом народного образования. В отчёте музея за 1928 г. читаем, что посещаемость за первый год работы составила 30 тыс. человек. По инвентарю там числилось 610 художественных

---

[771] Из отчета губисполкома XIV губернскому съезду Советов «О культурном строительстве в губернии». 10 апреля 1929 г. // Культурное строительство в Кировской области. С. 93−95; Хохлов А.А. Формирование музейной сети Вятской губернии / Кировской области в 1918–1940 гг. // П.В. Алабин, Вятка, музей. / сост. В.С. Жаравин. Киров, 1998. С. 126.
[772] Отчет Вятского губернского исполнительного комитета. Вятка, 1929. С. 180−181.
[773] Кирюхина Е.И. Под знаменем Октября. С. 88.
[774] Отчет Вятского губернского исполнительного комитета. С. 180−181.

экспонатов, 28 живописных картин, 9 скульптур, 2 художественных изделия из бронзы. Библиотека музея составляла 700 книг.

Особенностью музея была организация при нем кинозала «Октябрь»: все кинозрители обязательно проходили по залам музея, поэтому музей был самым посещаемым в городе. Кроме того, за счёт дохода от кино в музее даже содержались два научных сотрудника. Штат музея был небольшой: директор, лектор-обществовед, работник справочного бюро, секретарь и технические работники. Как отмечала проверка музея в 1930 г.: «Состояние экспозиции, в общем и целом – прекрасное». В музее постоянно проводились новые выставки на ленинскую тему, о 1905 г., о вятских революционерах. Организовывались выходы с лекциями на фабрики и заводы, велась научно-исследовательская работа по изучению политической ссылки и роли большевиков в революции 1905 г. Таким образом «за два года работы музей сумел... занять прочное и авторитетное место среди ряда просветительных учреждений Вятки». В городе было создано «Общество друзей музея Революции», которое в своей работе отчитывалось перед Центральным советом Всесоюзного «Общества друзей музеев Революции», возглавляемого Л.Н. Сталь, работавшей в Вятке в 1918–1920 гг.

Музей Революции функционировал в обычном режиме до 1935 г. В декабре 1934 г., когда был образован Кировский край, потребовались здания под краевые организации. В связи с этим горисполком принял решение: перевести музей краеведения в здание музея Революции, освободив место для краевого совета профсоюзов.

Газета «Известия ВЦИК» от 10 марта 1935 г. в заметке «Музейные нравы» об этом писала: «Как ни трудно разместиться двум музеям в одном тесном здании, однако эту задачу пришлось решить. Музей Революции вынужден был совершенно закрыть отдел советского строительства и значительно свернуть исторический отдел. Что же

касается краеведческого музея, то ему пришлось разместить ценнейшую краеведческую библиотеку (несколько тысяч томов) в приемной и отказаться от выставки экспонатов археологического отделения. Ряд своих экспонатов оба музея свалили в склад, где много мышей». Копия этой заметки была направлена в крайком партии для принятия мер. В течение нескольких месяцев оба музея не работали, потом открылись, правда, в усеченном виде: площадей под экспозиции катастрофически не хватало.

Видя ненормальное существование музеев, Губоно принял решение объединить их, и с 1 января 1936 г. новый музей стал называться «Кировский краевой музей Революции и краеведения». Постепенно из названия исчезло слово «Революции», экспонаты «растворились» среди других музейных предметов. И сейчас в фондах областного краеведческого музея хранится коллекция фотографий и документов о революционном движении – наследие бывшего музея Революции[775].

После вхождения Вятской губернии в состав Нижегородского (Горьковского) края сеть музеев не изменилась вплоть до 1934 г. Были только изменения названий, укрупнения[776]. Музеи в уездах в 1929−1934 гг. работали слабо. Краеведческая организация не могла обеспечить руководство районами из-за обширности территории, уменьшились средства на содержание музеев, наблюдалась текучесть кадров, не хватало опытных, подготовленных работников. Количество краеведческих музеев в годы первых пятилеток увеличилось незначительно: в 1928 г. в губернии действовало двенадцать музеев, а в 1937 г. в области стало на один музей больше, т.е. тринадцать[777].

1930-е это годы создания ряда музеев, посвященных политическим деятелям. 3 июня 1937 г. Нолинский райисполком принимает решение о создании музея в здании, где прошли детские годы В.М. Молотова.

[775] Жаравин В.С. Музей революции в Вятке. Из истории музейного дела края // Герценка: Вятские записки. Вып. 5. Киров, 2003. С. 153−155.
[776] Хохлов А.А. Формирование музейной сети Вятской губернии / Кировской области. С. 126.
[777] 200 лет Вятской губернии. 60 лет Кировской области. С. 369.

Областной исполком Советов утвердил это решение. В ноябре этого же 1937 г. музей В.М. Молотова был торжественно открыт как отдел краеведческого музея[778].

К 18-летию Великой Октябрьской социалистической революции в декабре 1935 г. в Уржуме был открыт мемориальный музей С.М. Кирова в домике, где он жил в детстве с матерью, бабушкой и сестрами. Это явилось большим событием в музейной жизни Кировской области[779].

Важным местом культурного отдыха рабочих стали городские сады и парки. Сад им. Степана Халтурина, сад им. Горького, парк им. 1 мая были любимыми местами отдыха в Вятке / Кирове. В летнее время там показывали кино, устраивались концерты и спектакли. Они были оборудованы танцплощадками, сценой, площадками для занятий спортом, ежедневно играла живая музыка. Часть мероприятий были абсолютно бесплатны. Согласно плану «культурного обслуживания и организации отдыха трудящихся города Кирова в летний период» на 1935 г., разработанному городским Советом, в саду им. Горького в месяц должны были показывать минимум 3 бесплатных киносеанса для рабочих, в саду им. 1 мая в месяц было запланировано 10 кинопоказов, из них 5 – бесплатных.

Для рабочих города Кирова непосредственно по месту их жительства в рабочих поселках в летнее время также была организована культурная программа. Рабочие поселки при Лесозаводе № 1, КУТШО (комбинат учебно-технического школьного оборудования), кожкомбинате им. Коминтерна были оборудованы физкультурной площадкой, площадкой для игры в волейбол и городки, сценой и танцплощадкой, в выходные дни жителям показывали кино на открытом воздухе, спектакли[780].

[778] ГАКО Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 188. Л. 105.
[779] Хохлов А.А. Формирование музейной сети Вятской губернии/Кировской области. С. 127.
[780] ГАКО. Ф. Р-2168. Оп. 1. Д. 335. Л. 121−124.

Одной из форм развития культурной активности рабочего в 1920–1930-е гг. стали клубы. Финансировались клубы, как правило, при поддержке местных профсоюзных комитетов или за счет собственных средств[781]. Содержание клубной работы было весьма разнообразно: это митинги, доклады, лекции, беседы, чтение книг и газет вслух, спектакли, художественные вечера, выставки, политсуды и др. Согласно решениям V съезда профсоюзов вокруг клуба следовало группировать культурные учреждения, «обслуживающие бытовые общекультурные потребности рабочего (библиотеки, художественные и театральные студии, музыкальные, экскурсионные и спортивные кружки, хоры и т.п.)»[782]. В 1928 г. на территории Вятской губернии действовало 445 клубных учреждений, в 1932 г. – 525, в 1937 – 1234. Из этих цифр видно, что этот вид культурного досуга стал доступнее для рабочего промышленности за период с 1928 по 1937 гг. более чем в 2 раза[783].

В 1920–1930-х гг. широкой известностью в Вятке пользовался центральный рабочий клуб им. Демьяна Бедного. Он был популярен не только среди рабочих кожевенного завода, где располагался, но и среди всех горожан[784]. В январе 1930 г. Д. Бедный лично посетил Вятку по приглашению рабочих-кожевенников. Во время приезда он встретился с рабочими кожевенных комбинатов имени Ленина и имени Коминтерна, со студентами пединститута, выступил на собрании актива МОПР, осмотрел книгохранилище библиотеки имени А.И. Герцена[785].

Таким образом, культурная политика советской власти в годы первой и второй пятилеток оказала положительное влияние на духовное развитие рабочих Вятской губернии / Кировской области, способствовала повышению их образовательного уровня. Образование стало не просто

[781] Яров С. Указ. соч. С. 265.
[782] Там же. С. 260.
[783] 200 лет Вятской губернии. 60 лет Кировской области. С. 369.
[784] Вятский край в 1920–1930-е годы. С. 58.
[785] Решетников М.М. Демьян Бедный в Вятке // Спутник агитатора. 1983. № 10. С. 26−27.

доступным, оно стало обязательным для каждого члена общества. В годы первых пятилеток основополагающей оставалась задача ликвидации неграмотности рабочего населения. Рабочие, которые уже владели грамотой, имели возможность продолжить свое образование. Они получили привилегии при поступлении в Вузы, для них создавались рабфаки. Преобразования в области культуры и образования сделали доступными для промышленного рабочего класса такие социальные блага, как радио, театр и кино, художественную литературу. Подобное положение достигалось бесплатностью или льготностью культурного обслуживания, политикой низких цен на книги, билеты в кино и музеи, номинальной оплатой общественных развлечений. Высокий уровень достижений в сфере культуры и образования в массовом сознании ассоциировался, как непосредственно связанный с форсированной индустриализацией и сглаживал некоторые негативные её проявления такие, как товарный дефицит и бытовую неустроенность.

Недостатком культурной жизни Вятской губернии / Кировской области в 1920–1930-е гг. XX в. оставалось все ещё её слабое материальное оснащение. Учреждения культуры остро нуждались в помещениях, страдали от тесноты. Огромную роль здесь сыграл жилищный кризис. Осуществление многих общегосударственных и региональных культурных инициатив происходило в 1930-е гг., в первую очередь, за счет значительного роста государственного финансирования этой сферы. Кроме материальных вливаний большую роль сыграла грамотная организация местными партийными и профсоюзными организациями мероприятий по привлечению широких масс общественности к решению культурно-образовательных проблем.

Заключение.

Социальная политика, которую в самом обобщенном виде можно определить как деятельность государства по удовлетворению социальных потребностей людей, в конце 1920-х–1930-е гг. XX в. имела ключевое значение для общественного развития советского государства. Материально-бытовое положение и культурные возможности рабочих цензовой промышленности Вятской губернии / Кировской области в период 1928–1937 гг. в значительной степени определялись уровнем развития социально-экономической сферы региона, которая испытывала на себе в тот момент воздействие ряда кризисных явлений. К ним относились: продовольственные затруднения и связанная с ними проблема организации снабжения основными продуктами питания и товарами повседневного спроса, относительно невысокий уровень реальной заработной платы рабочих, жилищный кризис в городах и рабочих поселках, недоразвитость системы медицинского обслуживания населения, малограмотность и просто неграмотность значительной части взрослого населения, а также слабость материальной базы для его культурного развития. Эффективность социально-экономической деятельности органов центральной и местной власти в отношении рабочего класса Вятской губернии / Кировской области в этот период определялась, в первую очередь, способностью решать эти проблемы.

Перечисленные проблемы наблюдались в СССР и раньше, но индустриализация и высокие темпы урбанизации страны привели к значительному их обострению в 1928–1937 гг., особенно в среде городского населения. Промышленные рабочие были основной опорой власти, от них в значительной степени зависели результаты проводимой в стране политики индустриализации, поэтому им необходимо было гарантировать достойные условия жизни, обеспечить пакетом социальных

услуг достаточным для удовлетворения наиболее важных материальных и культурных потребностей.

На выполнение этих задач была направлена деятельность органов управления Вятской губернией / Кировской областью в 1928−1937 гг. Важность решения социальных проблем осознавалась руководящими органами местной исполнительной и партийной власти. Об этом говорит хотя бы постоянное обсуждение данных вопросов на региональных съездах Советов, партийных конференциях и т.д. Участие в социально-экономической политике региона принимали профсоюзы, кооперация, организация ВЛКСМ и другие общественные организации. Чаще степень их участия сводилась к исполнению указаний вышестоящих органов и органов местного управления.

Местные Советы и органы ВКП(б) получили довольно большую самостоятельность в решении проблем, связанных с организацией рабочего снабжения, проблем жилищно-бытовой сферы. Однако предоставленные полномочия, не были подкрепленные достаточными финансовыми средствами и материальными ресурсами, центральная власть призывала искать дополнительные ресурсы в регионе. Недостаток централизованного финансирования, продовольственного и иного снабжения местные власти в полной мере компенсировать не смогли. В результате, не удалось добиться повышения реальной заработной платы рабочих, жилищный кризис в городах также не был преодолен, а, напротив, еще более усугубился. Осложняли ситуацию также частые территориально-административные преобразования региона, смена руководителей, недостаточная развитость инфраструктуры в крае.

Нерешенные социальные проблемы оказывали негативное влияние на уровень жизни рабочего населения Вятской губернии / Кировской области. В этой связи в их среде возникают различные формы

недовольства властью (от простой критики руководства до забастовок и участия в различных оппозиционных партийных течениях).

Более ощутимых успехов удалось добиться в сфере здравоохранения, образования и культуры, где наряду с партийными и государственными органами была велика роль профсоюзов, а также комсомола. Мероприятия в этих областях были гораздо в большей степени обеспечены общегосударственными ресурсами и соответствующей политикой центральной власти. Благодаря этому, удалось значительно усовершенствовать систему медицинского обслуживания рабочего населения в регионе, сделать её бесплатной и более качественной, организовать сеть медицинских учреждений непосредственно на производстве. Хотя привилегии рабочих в этой сфере были не столь значительны, но имели большой психологический эффект и способствовали формированию общественного мнения о высокой социальной значимости статуса рабочего.

Мероприятия в области культуры сделали доступными для рабочих Вятской губернии / Кировской области (и даже массовыми) такие виды досуга, которые ранее считались элитарными (театр, кино, радио, чтение художественной литературы и др.). Недостаток материальных ресурсов в сфере культуры и образования часто компенсировался привлечением ресурсов общественных. Для решения проблемы образовательной и культурной отсталости рабочего населения активно использовалась инициатива самих граждан, которая не без помощи партийных, профсоюзных и комсомольских организаций, вылилась в такое оригинальное явление, как организация массовых «культпоходов». Высокий уровень достижений в сфере культуры и образования в массовом сознании воспринимался, как побочный результат форсированной индустриализации и несколько смягчал воздействие таких негативных её проявлений, такие как дефицит товаров и бытовая неустроенность.

Одной из проблем, с которой столкнулись местные власти в ходе реализации своих полномочий, стал острый недостаток финансирования социально-экономических мероприятия со сторон центральной власти. Часто средства, которые получали региональные власти для решения имеющихся проблем, не соответствовали не только реальной необходимости, но и заявленным и согласованным заранее цифрам планов. Особенно остро проблема обозначилась в период нахождения территорий бывшей Вятской губернии в составе Нижегородского (Горьковского) края. Краевые власти в этот период не всегда могли оперативно отреагировать на возникающие запросы отдельных районов, в том числе в силу объективных причин, к числу которых следует отнести огромную территорию региона.

Недостаток ресурсов и средств на социально-экономическое развитие, которыми располагала Вятская губерния / Кировская область в те годы, был обусловлен также существовавшей в этот период взаимосвязью между промышленностью и социально-экономической политикой государства. Чем более развит был регион в индустриальном плане, чем выше был его промышленный потенциал, тем большие объемы средств выделялись центральной властью на его социально-экономическое развитие. Бывшая Вятская губерния к числу промышленно развитых регионов (особенно на фоне отдельных районов Горьковского края) на протяжении всего периода с 1928 по 1937 гг. не относилась, поэтому финансировалась по остаточному принципу.

Нужно отметить, что в исследовании характеристики социально-экономического положения рабочих цензовой промышленности раскрываются в обобщенном виде. Внутри рабочего класса в этот период существовала значительная дифференциация по социальному происхождению, полу, принадлежности к определенной отрасли производства, производительности труда, месту жительства и т.д. Более

детальный анализ условий жизни каждой из групп – задача будущих исследований. Требуют дальнейшей конкретизации и отдельные направления социально-экономической политики местных органов власти в этот период. Требуют дальнейшей конкретизации и отдельные направления социально-экономической политики местных органов власти в этот период.

Список использованных источников и литературы

Неопубликованные источники.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Ф. Р-5451 Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов. Оп. 15. Д. 479.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ).

Ф. Р-1562. Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР. Оп. 14. Д. 108, Д. 221, Д. 232, Д. 457.

Ф. Р-5751. Строительный комитет ВСНХ СССР (1925–1930 гг.) Оп. 1 Д. 1, Д. 11.

Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО).

Ф. Р-2626 Горьковский краевой Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет. Оп. 1. Д. 36, Д. 848, Д. 1564, Д. 2029, Д. 1570.

Ф. Р-910 Горьковская краевая контора Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами в СССР «Торгсин» Оп. 1. Д. 61, Д. 6.

Государственный архив Кировской области (ГАКО).

Ф. Р-1. Отдел торговли Вятского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 444, Д. 445, Д. 447, Д. 456, Д. 457.

Ф. Р-4. Отдел торговли Вятского окружного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 4. Д. 3, Д. 5.

Ф. Р-5. Отдел торговли Котельнического окружного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 4, Д. 45, Д. 106.

Ф. Р-72. Кировский городской рабочий кооператив. Оп.1. Д. 3; Оп. 3. Д. 10.

Ф. Р-374. Кировский областной коммунальный банк. Оп. 1. Д. 71.

Ф. Р-490. Вятский окружной совет профессиональных союзов. Оп. 1. Д. 3

Ф. Р-495. Кировский краевой совет профессиональных союзов. Оп. 1. Д . 7, Д. 43.

Ф. Р-847. Кировский станкостроительный завод Совета народного хозяйства Волго-Вятского экономического административного района. Оп. 1. Д. 136.

Ф. Р-875. Вятский губернский исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 1661, Д. 1689, Д. 1693.

Ф. Р-877. Вятский окружной исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 1, Д. 6, Д. 12, Д. 21, Д. 120, Д. 122, Д. 150, Д. 162.

Ф. Р-1054. Статистический отдел Вятского окружного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 85; Оп. 2. Д. 130.

Ф. Р-1090. Отдел здравоохранения Вятского окружного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 1, Д. 7, Д. 15, Д. 16, Д. 56; Оп. 2. Д. 18, Д. 36, Д. 56.

Ф. Р-1094. Отдел здравоохранения Кировского городского Совета депутатов трудящихся. Оп. 2. Д. 6, Д. 77, Д. 111, Д. 118, Д. 148.

Ф. Р-1102. Клиническая больница отдела здравоохранения исполнительного комитета Кировского областного Совета народных депутатов. Оп. 5. Д. 26.

Ф. Р-1138. Отдел народного образования Вятского окружного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 35.

Ф. Р-1142. Отдел народного образования Котельнического окружного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 5, Д. 15, Д. 16.

Ф. Р-1149. Педагогический рабочий факультет им. Ст. Халтурина при Кировском государственном педагогическом институте имени В.И. Ленина. Оп. 1. Д. 1, Д. 813, Д. 1636, Д. 2678; Оп. 3. Д. 552.

Ф. Р-1241. Вятский государственный строительный трест «Вятстрой». Оп. 1. Д. 1038, Д. 1702, Д. 1801.

Ф. Р-1257. Котельнический окружной исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 3.

Ф. Р-1327. Вятское отделение Всесоюзного объединения торговли с иностранцами «Торгсин». Оп. 1. Д. 1, Д. 2.

Ф. Р-1898. Кировский областной отдел статистики. Оп. 3. Д. 1, Д. 3.

Ф. Р-2047. Строительно-Монтажный трест управления по строительству Совета народного хозяйства Волго-Вятского экономического района «Кировстрой». Оп. 2. Д. 3.

Ф. Р-2116. Кировское краевое управление народнохозяйственного учета Государственной плановой комиссии при Совнаркоме РСФСР. Оп. 1. Д. 7, Д. 283, Д. 2295; Оп. 4. Д. 7.

Ф. Р-2168. Кировский краевой исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 52, Д.335.

Ф. Р-2333. Отдел народного образования Кировского краевого исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 29.

Ф. Р-2344. Кировский областной комитет государственной статистики Госкомстата РФ. Оп. 1. Д. 2, Д. 3, Д. 7, Д. 8, Д. 772, Д. 773, Д. 1651, Д. 2295.

Ф. Р-2922. Отдел торговли исполнительного комитета Кировского городского Совета депутатов трудящихся. Оп. 1. Д. 2, Д. 17, Д. 54, Д. 58; Оп. 2. Д. 5.

Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО).

Ф. П-1. Вятский губернский комитет партии (губком) (1917–1929 гг.) Оп. 7. Д. 5, Д. 10.

Ф. П-2. Вятский окружной комитет партии (окружком) (1929–1930 гг.) Оп. 1. Д. 23, Д. 28, Д. 151, Д. 142.

Ф. П-99. Вятская городская контрольная комиссия ВКП (б)-РКИ (Горрай КК ВКП (б)-РКИ) (1930–1934 гг.) Оп. 2. Д. 10, Д. 12; Оп. 4. Д. 3.

Ф. П-100. Вятский Горрайком партии (1930–1934 гг.) Оп. 1. Д. 73.

Ф. П-101. Вятская Окружная контрольная комиссия ВКП (б)-РКИ (ОКР КК ВКП (б)-РКИ) (1929–1930 гг.) Оп. 2. Д. 23.

Ф. П-1290. Кировский областной комитет КПСС. Оп. 2. Д. 248.

Ф. П-1293. Кировский городской комитет партии (горком) (1934–1991 гг.) Оп. 2. Д. 13.

Бармин С.К. История здравоохранения Вятской губернии. Рукописи и документы. (Рукопись). Киров, 1967. / Кировская ордена Почета государственная универсальная областная научная библиотека им. А.И. Герцена, краеведческий отдел.

Полтавский С.П. От векового знахарства к передовому советскому здравоохранению. Очерки и материалы по истории здравоохранения Кировской области за годы советской власти. (Машинопись). Киров, 1950. / Кировская ордена Почета государственная универсальная областная научная библиотека им. А.И. Герцена, краеведческий отдел.

Опубликованные источники

Нормативно-правовые источники и сборники документов.

1. Государственное социальное страхование. Сборник официальных материалов. [Текст]. М.: Профиздат, 1954. – 288 с.
2. Горьковский край к 3-му краевому съезду Советов. Материалы к отчету краевого исполнительного комитета к 3-му съезду советов Горьковского края. [Текст]. Горький: Изд. Горьковского краевого исполнительного комитета, 1934. – 352 с.
3. История индустриализации Нижегородского-Горьковского края (1926–1941 гг.) Документы и материалы. [Текст]. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1968. – 616 с.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. [Текст]. М.: Политиздат, 1970. – 692 с.
5. КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. [Текст]. М.: Политиздат, 1979. – 221 с.
6. Культурное строительство в Кировской области. 1917–1987 гг.: Документы и материалы. [Текст] / Сост. Л.И. Краева, В.Д. Белобородова. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1987. – 366 с.
7. Культурное строительство в РСФСР. 1917–1927 гг.: Документы и материалы. Т. 1. [Текст]. М.: Наука, 1983. – 464 с.
8. Материалы к отчету КрайКК-РКИ на третьей краевой партконференции (июль 1930–декабрь 1931 гг.). [Текст]. Н. Новгород: [б.и.] , 1932. – 104 с.
9. Материалы к отчету Вятского губкома на XIX губернской партийной конференции ВКП(б). [Текст]. Вятка: Изд. Вятского губкома ВКП(б), 1929. – 125 с.
10. Материалы к отчету Вятского горрайкома ВКП(б) на II районной конференции ВКП(б). [Текст]. Вятка: Изд. Вятского горрайкома ВКП(б), 1931. – 130 с.

11. Материалы к отчету Вятского горрайкома и горрайкома ВКП(б) на III районной конференции ВКП(б). [Текст]. Вятка: Изд. Вятского горрайкома ВКП(б), 1932. –122 с.
12. Материалы к отчету Кировского областного исполнительного комитета за 1935–1939 гг. [Текст]. Киров: Изд. Кировского облисполкома, 1939. – 168 с.
13. Материалы к отчету Кировского обкома ВКП(б). I областная конференция ВКП(б). [Текст]. Киров: Изд. Кировского обкома ВКП(б), 1937. – 160 с.
14. Материалы к отчету Вятского окружкома на II окружной конференции ВКП(б). [Текст]. Вятка: Изд. Вятского окружкома ВКП(б), 1930. – 28 с.
15. Материалы к отчетному докладу Котельнического районного исполнительного комитета. К IV съезду Советов Котельнического района (1930–1934 гг.). [Текст]. Котельнич: Изд. Котельнического райисполкома, 1934. – 140 с.
16. Материал крайздрава к докладу на пленуме крайисполкома о состоянии и задачах здравоохранения в Кировском крае. [Текст]. Киров: [б.и.], 1936. – 10 с.
17. Отчет Вятского губернского исполнительного комитета. [Текст]. Вятка: Изд. Вятского губисполкома, 1929. – 214 с.
18. Отчет о работе Вятского городского Совета XV состава за период с 1931 по 1934 годы. [Текст]. Вятка: Изд. Вятского горсовета, 1934. – 45 с.
19. Отчет Вятского губернского исполнительного комитета XIV губернскому съезду Советов. [Текст]. Вятка: Изд. Вятского губисполкома, 1929. – 26 с.
20. Профессиональные союзы СССР. 1926–1928 гг.: Отчет ВЦСПС к VIII съезду профессиональных союзов. [Текст]. М.: [б.и.], 1928. – 624 с.

21. Постановление Президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета от 07 декабря 1934 г. «О разделении Горьковского края» // Консультант Плюс. Законодательство. Документы СССР. [Электронный ресурс]. / АО «Консультант Плюс». М., 2011.
22. Постановления Первого Нолинского окружного съезда советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (с 23 по 25 июля 1929 г.). [Текст]. Нолинск: Изд. Нолинского окр. исполкома, 1929. – 34 с.
23. Постановление президиума Кировского краевого исполнительного комитета от 21 апреля 1935 г. «О контрольных цифрах народного хозяйства и социально-культурного строительства края на 1935 г.». Киров, 1935. – 34 с.
24. Постановление XII собрания уполномоченных ЦРК (1-2 авг.1931 г.). [Текст]. Вятка: Издание Вятского ЦРК, 1931. –10 с.
25. Пятилетний план Вятской губернии [Текст]. Вятка: [б.и.], 1929. – 236 с.
26. Резолюции и постановления XIX Вятской губернской конференции ВКП(б). [Текст]. Вятка: Изд. Вятского губкома ВКП(б), 1929. – 36 с.
27. Резолюции второго Халтуринского районного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 24-27 января 1931 г. [Текст]. Вятка: [б.и.], 1931. – 20 с.
28. Резолюции VII всесоюзный съезд профессиональных союзов. 6-19 декабря 1926 г. [Текст]. М.: [б.и.], 1927. – 638 с.
29. Решение совещания работников по заборным документам гор. Горького и промышленных районов края от 21 марта 1934 г. [Текст]. Горький: [б.и.], 1934. – 10 с.

30. Сборник документов и материалов по истории Кировской организации ВЛКСМ. 1918–1978 гг. [Текст]. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1978. – 302 с.
31. Сборник постановлений и приказов по промышленности ВСНХ СССР. Вып. № 13. [Текст]. М.-Л.: [б.и.] –, 1927. –264 с.
32. Сборник постановлений и приказов по промышленности ВСНХ СССР. Вып. № 31. [Текст]. М.-Л.: [б.и.], 1930. –164 с.

Периодическая печать.

1. Вопросы страхования. [Текст]. 1928. № 12, № 32.
2. Вопросы страхования. [Текст]. 1933. № 1.
3. Вятская правда. [Текст]. 1929. № 5 (6 января), № 44 (24 февраля), № 48 (1 марта), № 51 (8 марта), № 76 (5 апреля), № 83 (13 апреля), № 123 (4 июня), № 244 (25 октября).
4. Вятская правда. [Текст]. 1930. № 1 (1 января), № 4 (4 января), № 17 (21 января), № 19 (24 января), № 47 (26 февраля), № 64 (20 марта), № 83 (11 апреля), № 233 (8 октября), № 277 (30 ноября).
5. Вятская правда. [Текст]. 1931. № 51. 3 марта.
6. Вятская правда. [Текст]. 1932. № 104. 8 мая.
7. Вятская правда. [Текст]. 1933. № 252. 1 ноября.
8. Вятская правда. [Текст]. 1934. № 103. 7 мая.
9. Вятско-Ветлужский край. [Текст]. 1928. № 10−11.
10. Вятское хозяйство. [Текст]. 1929. № 1−2, № 3.
11. Вятское хозяйство. [Текст]. 1930. № 1−2, № 3.
12. Горьковский край. [Текст]. 1932. № 5−6.
13. Горьковский край. [Текст]. 1934. № 7.
14. Горьковский медицинский журнал. [Текст]. 1934. № 6−7.
15. Горьковский просвещенец. [Текст]. 1933. № 1−2.
16. Жилищная кооперация. [Текст]. 1929. № 8.

17. Жилищная кооперация. [Текст]. 1929. № 4, № 5.
18. Жилищная кооперация. [Текст]. 1934. № 48.
19. Известия ЦИК, СНК. [Текст]. 1928. № 16. 19 января.
20. Известия ЦИК, СНК. [Текст]. 1929. № 14. 17 января.
21. Кировская правда. [Текст]. 1934. № 281. 8 декабря.
22. Кировская правда. [Текст]. 1935. № 1 (1 января), № 2 (2 января), № 4 (4 января), № 33 (9 февраля).
23. Нижегородский край. [Текст]. 1929. № 1, № 3, № 4-5.
24. Нижегородский край. [Текст]. 1930. № 3, № 4.
25. Нижегородский край. [Текст]. 1931. № 7−8.
26. Нижегородский край. [Текст]. 1932. № 4.
27. Нижегородский медицинский журнал. [Текст]. 1932. № 3−4.
28. Нижегородский просвещенец. [Текст]. 1929. № 1−2.
29. Нижегородский просвещенец. [Текст]. 1931. № 1−2.
30. Нижегородский ударник. [Текст]. 1932. № 6−7.
31. Новая деревня. [Текст]. 1930. № 46 (1 июня), № 47 (2 июня).
32. Собрание Законов и Распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. [Текст]. 1932. № 30, № 31.
33. Собрание законодательства СССР. [Текст]. 1927. № 33.
34. Собрание законодательства СССР. [Текст]. 1937. № 69.
35. Советская торговля. [Текст]. 1929. № 12.
36. Советская торговля. [Текст]. 1930. № 3, № 26.
37. Советская торговля. [Текст]. 1933. № 1, № 4, № 6.
38. Советская торговля. [Текст]. 1935. № 8, № 9.
39. Советская торговля. [Текст]. 1936. № 1.
40. Советское строительство. [Текст]. 1929. № 5.
41. Советское строительство. [Текст]. 1934 г. № 6, № 11.
42. Спутник большевика. [Текст]. 1928. № 3.
43. Спутник большевика. [Текст]. 1929. № 14, № 6.

44. Сталинец. [Текст]. 1936. № 52. 15 мая.
45. Статистический бюллетень. [Текст]. 1928. № 4.
46. Ударник. [Текст]. 1935. № 75. 2 апреля.

Статистические сборники и справочники.

1. Административно-территориальное деление и органы власти Нижегородского края / Горьковской области 1929–1979 гг. Справочник. [Текст]. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1984. – 264 с.
2. Внутренняя торговля РСФСР (1931–1934 гг.) [Текст]. М.: Пищепромиздат, 1935. – 109 с.
3. Вятский край на рубеже тысячелетий. История и современность. Историко-статистический сборник. [Текст] / Ред. кол. Н. И. Зорин и др. Киров: Кировский областной комитет государственной статистики, 2000. – 680 с.
4. Государственная власть в СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители 1923–1991 гг. Историко-биографический справочник. [Текст] / Сост. В.И. Ивкин. М.: Росспэн, 1999. – 639 с.
5. 200 лет Вятской губернии. 60 лет Кировской области. Стат. сборник [Текст] / Ред. кол. В. А. Зырин и др. Киров: ГИПП Вятка, 1996. – 448 с.
6. К первой годовщине Кировского края. Справочный материал. [Текст]. Киров: [б.и.], 1935. – 16 с.
7. Кировский край в цифрах. [Текст]. М.: [б.и.], 1936. – 192 с.
8. Кировский край между I и II чрезвычайными съездами Советов. [Текст]. Киров: [б.и.], 1936. – 124 с.
9. Кировская область к 60-летию образования СССР. Краткий стат. сборник. [Текст] / Под ред. П.С. Касьянова. Киров: ЦСУ РСФСР, 1982. – 128 с.
10. Народное хозяйство СССР в 1960 году. [Текст]. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1961. – 903 с.

11. Народное хозяйство СССР 1922–1972 гг. Юбилейный статистический ежегодник. [Текст]. М.: Изд. ЦСУ СССР, 1972. – 849 с.
12. Население России за 100 лет. (1897–1997 гг.). Стат. сборник. [Текст] / Ред. Ю.А. Юрков. М.: Госкомстат, 1998. – 210 с.
13. Нижегородский край. Экономический справочник. Т. 2. Ч. 2: Районы Нижегородского края. Статистические таблицы. [Текст]. Н. Новгород: Нижегородское краевое издательство, 1932. – 264 с.
14. Политические лидеры Вятского края. Биографический справочник. [Текст] / Сост. В.С. Жаравин, Е.Н. Чудиновских. Киров: Лобань, 2009. – 730 с.
15. Районы Горьковского края (краткие характеристики). Экономический справочник. Т. 2. Ч. 1. [Текст] / Под ред. Р.А. Шишлянникова. Горький: Горьковское краевое издательство, 1934. – 346 с.
16. Районы Кировской области. [Текст]. Киров: [б.и.], 1937. – 152 с.
17. Социалистическое строительство в СССР. Статистический ежегодник. [Текст]. М.: ЦУНХУ Госплана СССР В/О «Союзоргучет», 1936. – 545 с.
18. Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии.1917–1991 гг. [Текст] / Сост. О.М. Безносова, С.Т. Дерендяева, А.А. Королёва. Ижевск: Удмуртия, 1995. – 744 с.

Воспоминания, речи и статьи современников.

1. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. [Текст]. М.: Политиздат, 1989. – 380 с.
2. Жданов, А.А. Отчетный доклад IV Горьковской краевой конференции ВКП(б). [Текст]. М.: Партиздат, 1934.
3. Луначарский, А.В. Задачи внешкольного образования в Советской России. Выдержки из речи 28–29 августа 1918 года в Москве на

Первом Всероссийском съезде по просвещению // Внешкольник. 2003. № 7–8. С. 32.

4. Молотов, В. Задачи 2-ой пятилетки. Доклад на XVII съезде ВКП(б) 3 февраля 1934 г. [Текст]. Горький: Партиздат, 1934. – 35 с.
5. Орджоникидзе, Г.К. Статьи и речи. Т. 2. [Текст]. М.: Госполитиздат, 1957. – 274 с.
6. Цихон, А. Добьем уравниловку и обезличку. [Текст]. М.: Партийное изд-во, 1934. – 38 с.

Литература.

1. Андреева, Е.А. Архитектор Иван Чарушин [Текст] / Е.А. Андреева. Ижевск, 2007. – 172 с.
2. Андреевская, Е.С. Этапы становления обязательного медицинского страхования в России // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2009. № 8. С. 8–16.
3. Андреевский, Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1930–1940-е годы. [Текст] / Г.В. Андреевский. М.: Молодая гвардия, 2008. – 262 с.
4. Ардашев, Г. Итоги переписи неграмотных и малограмотных в Нижегородском крае. [Текст] / Г. Ардашев. Н.Новгород: [б.и.], 1930. – 84 с.
5. Аржанова, В. Очерки истории Горьковской организации КПСС. Ч. 2: 1918–1941 гг. [Текст] / В. Аржанова. Горький: ВВКИ, 1966. – 447 с.
6. Ахинов, Г.А., Калашников, С.В. Социальная политика. [Текст]: учебное пособие / Г.А. Ахинов, С.В. Калашников. М.: Инфра-М, 2009. – 272 с.
7. Бакулин, В.И. Листая истории страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке. [Текст] / В.И. Бакулин. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. – 203 с.

8. Бакулин, В.И. Трудный переход от войны к миру: Вятская губерния в 1920–1921 гг. Кн. 1: 1920 г. [Текст] / В.И. Бакулин. Киров: Лобань, 2009. – 98 с.
9. Баренбаум, И.Е. История книги. [Текст] / И.Е. Баренбам. М.: Книга, 1984. – 248 с.
10. Бармина, Н.А. Развитие народного образования в Нижегородском крае в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.) [Текст] / Н.А. Бармина // Вятская земля в прошлом и настоящем. К 500-летию вхождения в состав Российского государства: тезисы докладов и сообщений к научной конференции. Киров, 23–25 мая 1989 года. Киров: [б.и.], 1989. С. 92–93.
11. Беляев, И.В., Жуйков, В.В. Вятский водопровод. 100 лет Вятскому водопроводу. 1900–2000 гг. [Текст] / И.В. Беляев, В.В. Жуйков. Киров: [б.и.], 2000. – 144 с.
12. Бессонова, О.Э. Жилье: рынок и раздача. [Текст] / О.Э. Бессонова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1993. – 159 с.
13. Бессонова, О.Э. Механизм обеспечения жильем в СССР [Текст] / О.Э. Бессонова // Постижение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа. М.: Прогресс, 1989. С. 289–298.
14. Бехтерева, Л.Н. Личное хозяйство и быт ижевских рабочих в 1920-е гг. (на материалах архивов Удмуртии) // http://www.gasur.ru/events/conferences/2007/01/materials/12.php.
15. Близнакова, М. Советское жилищное строительство в годы эксперимента. 1918–1933 гг. [Текст] / М. Близнакова // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история / Сост. и ред. У. Брумфилд, Б. Рубл. М.: Три квадрата, 2001. С. 53–89.
16. Большаков, С.Д. В буднях великих строек: очерки по истории города Котельнича (1926–1940 гг.) [Текст] / С.Д. Большаков. Котельнич: [б.и.], 2004. – 124 с.

17. Большаков, С.Д. История города Котельнича [Текст] / С.Д. Большаков. Котельнич: [б.и.], 2006. – 114 с.
18. Болотин, З.С. Вопросы снабжения. [Текст] / З.С. Болотин. М.−Л.: Партиздат, 1935. – 142 с.
19. Бондаренко, С., Шеманов, И. Советское радио 1920–1930-х гг. Проблемы и задачи «широковещания» // Уроки истории XX век. http://urokiistorii.ru/sites/all/files. 21.02.2010
20. Вахитов, К.И. История потребительской кооперации в России. [Текст] / К.И. Вахитов. М.: Издательский дом «Дашков и К», 2007. – 400 с.
21. Верной дорогой: Хроника истории Кировской организации КПСС. 1883–1983 гг. [Текст]. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1983. – 367 с.
22. Вишневский, В. 25 лет Советского кино в хронологических датах. [Текст] / В. Вишневский. М.: Госкиноиздат, 1945. – 142.
23. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги [Текст] / Под ред. Ю.А. Полякова. М.: Наука, 1992. – 256 с.
24. Выцлан, М.А. Сталинский продуктообмен и товарное производство «особого рода» в 1930-е гг. [Текст] / М.А. Выцлан // Экономическая история России XIX−XX: современный взгляд. М.: Росспэн, 2001. С. 122–131.
25. Вятский край с древности до наших дней [Текст] / Под ред. В.А. Бердинских. Киров: [б.и.], 1996. – 400 с.
26. Вятский край в 1920–1930-е гг. [Текст]: учебно-метод. пособие / Сост. В.М. Кашина. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. – 68 с.
27. Галлямова, З.В. Здравоохранение г. Кирова в 20–30 гг. XX в. [Текст] / З.В. Галлямова // Бехтеревские чтения в Елабуге. М-лы международной научной конференции. Елабуга: [б.и.], 2008. С. 64–70.
28. Гордон Л., Клопов Э. Тридцатые−сороковые // Знание−сила. 1988. № 4. С. 22–31.

29. Город Киров. Хроника событий: 1374–1974 гг. [Текст]. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1974. – 44 с.
30. Горяева, Т.М. Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920-х–1930-х годах. Документированная история. 2-е изд. [Текст] / Т.М. Горяева. М.: Росспэн, 2009. – 159 с.
31. Горлов, В.Н. Жилищный вопрос как социальная проблема. Из истории создания ЖСК // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 1. С. 262–275.
32. Грегори, П. Политическая экономия сталинизма [Текст] / П. Грегори. М.: Росспэн, 2008. – 400с.
33. Грибанов, Э.Д. Всероссийские съезды здравотделов и их значение для практики советского здравоохранения [Текст] / Э.Д. Грибанов. М.: Медицина, 1966. – 192 с.
34. Гудошников, Ф.Ф., Новоселов, Р.С. Из истории становления советского здравоохранения на Урале // Советское здравоохранение. 1968. № 1. С. 67–69.
35. 200 лет Яранской больнице. [Текст]. Яранск: [б.и.], 2008. – 501 с.
36. Девис, Р.У., Хлевнюк, О.В. Отмена карточной системы // Отечественная история. 1999. № 5. С. 87–107.
37. Дерюгин, В.Л. Библиотечная сеть в XX столетии [Текст] / В.Л. Дерюгин // Герценка: Вятские записки. Вып. 2. Киров: [б.и.], 2001. С. 11–18.
38. Дерябин, А.А. Некоторые эпизоды из истории советского ценообразования [Текст] / А.А. Дерябин // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М.: Росспэн, 2001. С. 330–346.
39. Дихтяр, Г.А. Советская торговля в период построения социализма. [Текст] / Г.А. Дихтяр. М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 472 с.

40. Дьяченко, В.П. История финансов СССР. [Текст] / В.П. Дьяченко. М.: Наука, 1978. – 496 с.
41. Иванов, Ю.М. Положение рабочих России в 20-х–начале 30-х гг. // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 28–43.
42. Из истории здравоохранения. Цифры и факты // Спутник агитатора. 1978. № 1. С. 22.
43. Измозик, В.С., Фролов Б.В. Противоречивость социально-экономического развития общества в 20–30 гг. // Вопросы истории КПСС. 1991. № 5. С. 125–132.
44. Ильюхов, А. Как платили большевики. Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. [Текст] / А. Ильюхов. М.: Росспэн, 2010. – 415 с.
45. Индустриализация: исторический опыт и современность. Межуниверситетский сб. [Текст] / Под ред. Н.С. Бабинцева. Спб.: Изд-во СПбГУ, 1998. – 206 с.
46. Исаев, В.И. Быт рабочих Сибири. 1926–1937 гг. [Текст] / В.И. Исаев. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1988. – 218 с.
47. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР [Текст] / Ред. Ю.С. Чупрова. М.: Госстатиздат, 1963. – 456 с.
48. Йиеш, Д. Россия. 1934. [Текст] / Д. Йиеш. М.: Хроникер, 2005. – 239 с.
49. Жаравин, В.С. Директор библиотеки им. А.И. Герцена Клара Исааковна Гусак [Текст] / В.С. Жаравин // Герценка: Вятские записки. Вып. 14. Киров: [б.и.], 2009. С. 29–33.
50. Жаравин, В.С. Музей революции в Вятке. Из истории музейного дела края [Текст] / В.С. Жаравин // Герценка: Вятские записки. Вып. 5. Киров: [б.и.], 2003. С. 151–155.
51. Жиромская, В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. [Текст] / В.Б. Жиромская. М.: Росспэн, 2001. – 280 с.

52. Жиромская, В.Б., Киселев, И.Н., Поляков, Ю.А. Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 г. [Текст] / В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев, Ю.А. Поляков. М.: Наука, 1996. – 235 с.
53. Журавлев, С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электрозавода в Советском обществе 1920–1930-х гг. [Текст] / С.В. Журавлев. М.: Росспэн, 2000. – 352 с.
54. Заблудовский, П.Е. О становлении советского государственного здравоохранения (история, уроки, выводы) // Советское здравоохранение. 1988. № 6. С. 15–23.
55. Заболотский, В. Два театра. К 75-летию Кировского областного драматического театра [Текст] / В. Заболотский // По родному краю. Сб. статей по краеведению. Вып. 2. Киров: [б.и.], 1952. С. 19–23.
56. Загвоздкин, Г.Г. Под знаком серпа и молота [Текст] / Г.Г. Загвоздкин // Энциклопедия Земли Вятской. Т. 4: История. Киров: Областная писательская организация, 1995. С. 359–379.
57. Загвоздкин, Г.Г. Триумф и трагедия 30-х годов [Текст] / Г.Г. Загвоздкин // Энциклопедия Земли Вятской. Т. 4: История. Киров: Областная писательская организация, 1995. С. 379–393.
58. Зырин, Б.В. Архитектор Чарушин [Текст] / Б.В. Зырин. Киров, 1989. – 96 с.
59. Караваева, И.В. Эволюция теории и практики социалистической индустриализации [Текст] / И.В. Караваева // Экономическая история СССР: очерки. / Рук. авт. колл. Л.И. Абалкин. М.: Инфра, 2007. С. 99–137.
60. Кашина, В.М. Индустриализация в Кировском крае (области): замыслы и итоги [Текст] / В.М. Кашина // Энциклопедия Земли Вятской. Т. 10. Ч. 2: Промышленность. Киров: Областная писательская организация, 2008. С. 141–150.

61. Ким, М.Ю., Кузоро, К.А. Социальная политика Советской власти (1930-е гг.) в отечественной и зарубежной историографии // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 334. С. 64–68.
62. Кирюхина, Е.И. Под знаменем Октября. Кировская область за 60 лет Советской власти [Текст] / Е.И. Кирюхина. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1977. – 208 с.
63. Кирюхина, Е.И. К сокровищам науки и культуры // Кировская правда. 1962. № 106. 22 мая. С. 4.
64. Краткий обзор истории управления здравоохранением Вятского края в 1918–1970 гг. [Текст]. Киров: [б.и.], 1997. – 164 с.
65. Крылова, А.В. Административно-территориальное деление Нижегородской губернии и образование Нижегородской области в 20-х–30-х гг. XX в. // Электронное периодическое издание «Открытый текст» http://www.opentextnn.ru/history/rushist/sovigu/mau/?id=428.
66. Котряхов, Н.В. Из истории Вятской средней педагогической школы [Текст] / Н.В. Котряхов // Вятская земля в прошлом и настоящем. К 500-летию вхождения в состав Российского государства: тезисы докладов и сообщений к научной конференции. Киров, 23−25 мая 1989 года. Киров: [б.и.], 1989. С. 90–92.
67. Кузьмин, М.К. История медицины [Текст] / М.К. Кузьмин. М.: Медицина, 1978. – 200 с.
68. Кузьмин, М.К. Этапы советской медицины за 70 лет // Советская медицина. 1987. № 11. С. 48–52.
69. Кузнецова, Т.В. К вопросу о путях решения жилищной проблемы в СССР. Революционный жилищный передел в Москве // История СССР. 1965. № 5. С. 140–159.

70. Куковякин, С.А., Агалаков, В.И. Очерки истории Кировской областной клинической больницы 1802–2002 гг. [Текст] / С.А. Куковякин, В.И. Агалаков. Киров: [б.и.], 2002. – 404 с.
71. Кулябина, Т.В. Энергетике Вятки 100 лет [Текст] / Т.В. Кулябина. Киров: Издательский дом ТДТ, 2004. – 175 с.
72. Куманев, В.А. Революция и просвещение масс [Текст] / В.А. Куманев. М.: Наука, 1973. – 264 с.
73. Лахман, А.И. Основные занятия населения Вятки / Кирова [Текст] / А.И. Лахман // Энциклопедия Земли Вятской. Т. 1: Города. Киров: Областная писательская организация, 1994. С. 70–87.
74. Лебина, Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии.1920–1930-е гг. [Текст] / Н.Б. Лебина. Спб.: Журнал «Нева» –Издательско-торговый дом «Летний Сад», 1999. – 320 с.
75. Левский, А.А. На путях решения жилищного вопроса в СССР // История СССР. 1962. № 4. С. 3−16.
76. Лившин, А. Настроения и политические эмоции в Советской России 1917–1932 гг. [Текст] / А. Лившин. М.: Росспэн, 2010. – 344 с.
77. Лященко, П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 3. [Текст] / П.И. Лященко. М.: Госполитиздат, 1956. – 564 с.
78. Майзенберг, Л. Ценообразование в народном хозяйстве СССР [Текст] / Л. Майзенберг. М.: Госполитиздат, 1953. – 268 с.
79. Малафеев, А.Н. История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.) [Текст] / А.Н. Малафеев. М.: Мысль, 1964. – 364 с.
80. Марков, А.А. «Прогресс» – первый кинотеатр города Вятки [Текст] / А.А. Марков // Герценка: Вятские записки. Вып. 5. Киров: [б.и.], 2003. С. 59–66.
81. Массовое просвещение в СССР к 15-летию Октября, Ч. 1. [Текст]. М.−Л.: Соцэкгиз, 1932. – 106 с.

82. Меерович, М. Наказание жилищем: жилищная политика как средство управления людьми. 1917–1937 гг. [Текст] / М.Б. Меерович. М.: Росспэн, 2008. – 303 с.
83. Меерович, М. Жилищная политика в СССР. 1924–1937 гг. Социально-культурные и социально-политические аспекты [Текст] / М.Б. Меерович. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2004. – 264 с.
84. Меерович, М., Конышева, Е., Хмельницкий, Д. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР 1928–1932 гг. [Текст] / М.Б. Меерович, Е.В. Конышева, Д.С. Хмельницкий. М.: Росспэн, 2011. – 270 с.
85. Мирский, М.Б. Медицина России X–XX вв. [Текст] / М.Б. Мирский. М.: Росспэн, 2004. – 634 с.
86. Осокина, Е.А. В тисках социалистической торговли // Россия НЭПовская. Исследования [Текст] / Е.А. Осокина. М.: Новый хронограф, 2002. С. 403–418.
87. Осокина, Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927 –1941 гг. [Текст] / Е.А. Осокина. М.: Росспэн, 1998. – 272 с.
88. Осокина, Е.А. За зеркальной дверью Торгсина // Отечественная история. 1995. № 2. С. 86–104.
89. Осокина, Е.А. Золотая лихорадка по-советски // Родина. 2007. № 9. С. 111–117.
90. Осокина, Е.А. СССР в конце 20-х–первой пол. 30-х гг. Торговля? – Распределение! // Отечественная история. 1992. № 5. С. 40–52.
91. От капитализма к социализму. Основные проблемы истории переходного периода в СССР. 1917–1937 гг. Т. 2: Развертывание строительства социализма в СССР. 1928–1937 гг. [Текст]. М.: Наука, 1981. – 306 с.

92. Очерки истории Кировской организации КПСС. Ч. 2: 1918–1968 гг. [Текст]. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1969. – 532 с.
93. Очерки истории здравоохранения СССР (1917–1956 гг.) [Текст]. М.: Медгиз, 1957. – 394 с.
94. Очерки истории Кировской области. [Текст]. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1972. – 455 с.
95. Павлова, И.В. Торгсины в Западно-Сибирском крае // Журнал ЭКО (Экономика и организация). 2003. № 3 . С. 162–167.
96. Пельт, В.Д. Предвоенная советская печать (1937–июнь 1941 гг.) [Текст] / В.Д. Пельт. М.: [б.и.], 1974. – 204 с.
97. Петрова, Я.И. Ликбез как социальный проект (На материалах Самарской губернии, 1920–1930-е гг.) // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. № 4. С. 519–540.
98. Подавалова, З.В. Профсоюзная организация в период борьбы за создание фундамента социализма (Индустриализация и коллективизация, 1926–1932 гг.) [Текст] / З.В. Подавалова // Из истории профессионального движения в Кировской области. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1968. С. 89–108.
99. Поддубный, М.В. Иностранные врачи о советской медицине 30-х гг. // Советское здравоохранение. 1991. № 2. С. 70–73.
100. Полвека в пути. КГПИ им. Ленина. 1918–1968 гг. [Текст]. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1970. – 440 с.
101. Поляков, Ю.А., Жиромская, В.Б., Киселев, И.Н. Полвека молчания (Всесоюзная перепись 1937 г.) // Социс. 1990. № 6–8.
102. Прокопович, С.Н. Народное хозяйство СССР. Т. 2. [Текст]. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1952. – 398 с.
103. Поздеев, П.В. Фабрично-заводская печать как источник по истории промышленности в 20–30-е годы XX в. [Текст] / П.В. Поздеев // Герценка: Вятские записки. Вып. 3. Киров: [б.и.], 2002. С. 67–72.

104. Помелов, В.Б. Народное образование в 1917–1999 гг. [Текст] / В.Б. Помелов // Энциклопедия Земли Вятской. Т. 9: Культура и искусство. Киров: Областная писательская организация, 1999. С. 57–85.
105. Постижение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа [Текст]. М.: Прогресс, 1989. – 164 с.
106. Потулов, Б.М. Этапы большого пути (К 70-летию Ленинского декрета об образовании Наркомздрава) // Советское здравоохранение. 1988. № 6. С. 4−9.
107. Пятьдесят советских лет (1917–1967 гг.) [Текст]. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1967. – 240 с.
108. 50 лет Декрету о ликвидации неграмотности в РСФСР // Блокнот агитатора. 1969. № 35. С. 35–38.
109. Рашин, А.Г. Рост культурно-технического уровня рабочего класса СССР в 1917–1958 гг. // История СССР. 1961. № 2. С. 78–89.
110. Работать по-стахановски. Стахановцы Кировского края [Текст]. Киров: Изд. Кировской правды, 1936. – 94 с.
111. Решетников, М.М. Демьян Бедный в Вятке // Спутник агитатора. 1983. № 10. С. 26–27.
112. Родина Советская 1917–1980 гг. Исторический очерк. [Текст]. М.: Политиздат, 1981. – 580 с.
113. Рогалина, Н.Л. Борис Бруцкус – историк народного хозяйства России [Текст] / Н.Л. Рогалина. М.: АО «Московские учебники», 1998. – 192 с.
114. Рубинштейн, Г.Л. Развитие внутренней торговли в СССР [Текст] / Г.Л. Рубинштейн. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1964. – 369 с.
115. Сазонов, В. Страницы истории Кировского театра драмы. (1877–1977 гг.). [Текст] / В. Сазонов. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1976. – 96 с.

116. Сорокина, Т.С. История медицины: учебник [Текст] / Т.С. Сорокина . 3-е изд., перераб. и доп. М.: Academia, 2004. – 560 с.
117. «Совершенно секретно»: Лубянка−Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) Т. 8. Ч. 1. [Текст]. М.: Институт российской истории РАН, 2008. – 701 с.
118. Страховая медицина: начало и конец XX века. (Из материалов симпозиума по истории страховой медицины в России) // Медицинская газета. 1990. 11 февраля. С. 3.
119. Строительство в СССР. 1917–1957 гг. [Текст]. М.: Госстройиздат, 1958. – 751 с.
120. Тинский, А. Забытые имена [Текст] / А. Тинский // Вятка: Краеведческий сборник. Вып. 9. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1991. С. 129–139.
121. «Трудовая доблесть». Корифеи земской и советской медицины и Красного креста Вятского края XIX–XX вв. (1837–2003 гг.) [Текст]. Киров: тип. Киров. обл. Бюро мед. статистики, 2007. – 592 с.
122. Тюрин, А.О. Социальная политика Советской власти в Нижневолжском регионе в 1928–1941 гг. [Текст] / А.О. Тюрин. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2009. – 305 с.
123. Фельдман, М.А. К вопросу о материальном положении рабочих Урала к 1914 г. [Текст] / М.А. Фельдман // Документ. Архив. Современность: Сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во УРГУ, 2002. С. 157–175.
124. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. [Текст] / Ш. Фицпатрик. М.: Росспэн, 2008. – 336 с.
125. Фокин, Г.Т. В эфире и на экранах город Киров и область [Текст] / Г.Т. Фокин // Энциклопедия земли Вятской. Т. 9: Культура и

искусство. Киров: Областная писательская организация, 1999. С. 307–308.

126. Хиценко, Е.В. Социально-экономические проблемы развития архитектуры кооперативных жилых зданий г. Новосибирска в 1920-е гг. // Известия высших учебных заведений. Строительство. 2006. № 5. С. 99–102.
127. Холмс, Л. Социальная история России: 1917–1941 гг. [Текст] / Л. Холмс. Ростов-на-Дону: Рост. Ун-т, 1994. – 144 с.
128. Хохлов, А.А. Формирование музейной сети Вятской губернии / Кировской области в 1918–1940 гг. [Текст] / А.А. Хохлов // П.В. Алабин, Вятка, музей. / Сост. В.С. Жаравин. Киров: Кировская областная типография, 1998. С. 120–128.
129. Храбрикова, Т.Б. Школы Кировской области за 40 лет Советской власти [Текст] / Т.Б. Храбрикова // Кировский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина. Ученые записки. Вып. 16. Киров: Кировское книжное изд-во, 1958. С. 131–151.
130. Чайкина, Г.П. Книгоиздание [Текст] / Г.П. Чайкина // Энциклопедия земли Вятской. Т. 9: Культура и искусство. Киров: Областная писательская организация, 1999. С. 206–221.
131. Черных, А.И. Жилищный передел. Политика 20-х годов в сфере жилья // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 71–78.
132. Шпотов, Б.М. Использование опыта США при организации и управлении строительством в СССР в 1920–1930-е гг. // Российский журнал менеджмента. Т. 3. № 1. С. 145–162.
133. Щепин, Б.П. Перестройка системы подготовки кадров специалистов в Кировской области в годы I и II пятилеток [Текст] / Б.П. Щепин // Вятская земля в прошлом и настоящем. К 500-летию вхождения в состав Российского государства: тезисы докладов и сообщений к

научной конференции. Киров, 23−25 мая 1989 г. Киров: [б.и.], 1989. С. 93–95.

134. Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд [Текст]. М.: Росспэн, 2001. – 250 с.
135. Элькина, А.Ю. На культурном фронте. Из истории борьбы за ликвидацию неграмотности [Текст] / А.Ю. Элькина. М., 1959. – 108 с.
136. Яров, С. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х гг. [Текст] / С. Яров. Спб.: Европ. дом, 2006. – 570 с.
137. Allen, R.C. The standart of living in the SOVIET UNION, 1928–1940. [Text] / R.C.Allen. VANCOUVER: University of British Columbia, 1997. – 57 p.
138. Larry, E. Holmes. Stalin's school. Moskow's Model school № 25, 1931–1937. [Text] / E. Larry. Pittsburg: University of Pittsburg Press, 1999. – 228 p.

Диссертации, авторефераты.

1. Бакулин, В.И. Борьба коммунистической партии за рационализацию промышленного производства в начальный период социалистической индустриализации 1926–1929 гг. [Текст]: дисс. …канд. ист. наук / В.И. Бакулин. М., 1982. – 207с.
2. Вдовин, З.И. Деятельность Кировской партийной организации по руководству народным хозяйством и культурным строительством в годы второй пятилетки [Текст]: дисс. …канд. ист. наук / З.И. Вдовин. М., 1972. – 26 с.
3. Житкова, С.А. Государственная политика в сфере народного образования и её реализация в Российской Федерации в 1928–1941 гг. (На материалах Нижнего Поволжья) [Текст]: автореф. … канд. ист. наук / С.А. Житкова. Астрахань, 2007. – 23 с.
4. Климашин, И.А. Ликвидация неграмотности на территории Мордовского края в 20-е–60-е гг. XX века [Текст]: автореф. ...канд. ист. наук / И.А. Климашин. Саранск, 2011. – 21 с.

5. Песков, В.В. Государственная политика в сфере культурного строительства в Нижнем поволжье в 1928–1941 гг. [Текст]: автореф. …канд. ист. наук / В.В. Песков. Астрахань, 2010. – 19 с.
6. Русских (Чернышева), Н.В. Социально-демографические процессы в Кировской области в годы Великой Отечественной войны [Текст]: автореф. … канд. ист. наук / Н.В. Русских (Чернышева). Ижевск. 2010. – 28 с.
7. Шарабаров, П.Н. «Правый уклон» в социально-политической жизни Вятского региона в 1928–1933 гг. [Текст]: автореф. …канд. ист. наук / П.Н. Шарабаров. Ижевск, 2010. – 23 с.

Приложения.

Приложение I.

Таблица № 1.

Нормы снабжения различных категорий населения в 1931 г.(по хлебу нормы дневные, по чаю − годовые, остальные месячные).

Продукты в кг на человека	Особый список			Первый список			Второй список			Третий список		
	Категории населения, подлежащие снабжению согласно постановлению Наркомснаба № 42 от 13 января 1931 г.											
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
хлеб печеный	0,8	0,4	0,4	0,8	0,4	0,4	0,8	0,4	0,4	0,75	0,35	0,35
мука	1	-*	0,5	1	-	0,5	-	-	-	-	-	-
крупа	3	1,5	1,5	2,5	1,5	1,5	1,5	0,85	0,85	1	0,5	0,5
сахар	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1	1	1	0,8	0,8	0,8
чай	0,3	0,3	0,3	0,25	0,25	0,25	0,1	0,05	0,05	-	0,05	0,05
мясо	4,4	2,2	2,2	2,6	1,3	1,3	1	1	1	1	-	-
рыба	2,5	2,0	2,0	2,0	1,4	1,4	2	1	1	-	-	-
масло (живот).	0,4	-	0,4	0,2	-	0,2	-	-	-	-	-	-
масло (раст.)	0,6	0,2	0,2	0,4	-	-	-	-	-	-	-	-
яйца (шт.)	10	-	10	-	-	-	-	-	-	-	-	-

-* – централизованному снабжению по данному виду товара не подлежали.

1. – первая категория снабжения: рабочие.
2. – вторая категория снабжения: служащие, а также члены семей рабочих и служащих.
3. – третья категория: дети до 14 лет.

Источник: Осокина Е.А. СССР в конце 20-х–первой пол. 30-х гг. Торговля? – Распределение! // Отечественная история. 1992. № 5. С. 47.

Таблица № 2.

Нормы снабжения городского населения Вятского района на 1931 г. (по хлебу нормы дневные, по чаю, муке – годовые, остальные месячные).

Продукты в кг на человека	Особый список			Первый список			Второй список			Третий список		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
хлеб печеный	0,8	0,4	0,4	0,8	0,4	0,4	0,6	0,3	0,3	0,5	0,3	0,3
мука	14,4	8,7	8,7	14,4	8,7	8,7	12,2	6,1	6,1	9,9	6,1	6,1
крупа	3	1,5	1,5	2,5	1,5	1,5	1,0	0,5	0,5	0,5	-	0,5
сахар	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,0	1,0	1,0	0,8	0,8	0,8	0,5
чай	0,3	0,3	0,3	0,25	0,25	0,25	0,1	0,05	0,05	0,1	0,05	0,05
мясо	4,4	2,2	2,2	2,0	1,0	1,0	1	-*	-	-	-	-
рыба	3,0	2,0	2,0	2,5	1,4	1,4	1,5	0,8	0,8	1,0	-	-
масло (живот).	0,2	0,4	0,2	0,2	0,2	-	-	-	-	-	-	-
масло (раст.)	1,0	0,2	0,4	0,6	0,2	0,4	0,4	-	-	-	-	-

-* – снабжению по данному виду товара не подлежали.

1. – первая категория снабжения: рабочие.
2. – вторая категория снабжения: служащие, а также члены семей рабочих и служащих.
3. – третья категория: дети до 14 лет.

Источник: ГАКО. Ф. Р-2922. Оп. 1. Д. 2. Л. 349−350.

Таблица № 3.

Цены кооперации и частного рынка в городах Вятской губернии на 1 апреля 1928 г. (в рублях).

товар	единица измерения	Вятка		Котельнич		Малмыж		Нолинск		Омутнинск		Слободской		Халтурин		Яранск	
		цена (кооперативная)	цена (частная)	цена (кооперативная)	цена (частная)	цена (кооперативная)	цена (частная)	цена (кооперативная)	цена (частная)	цена (кооперативная)	цена (частная)	цена (кооперативная)	цена (частная)	цена (кооперативная)	цена (частная)	цена (кооперативная)	цена (частная)
Ржаная мука	кг	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	0,07	Нет данных	Нет данных	Нет данных	0,09	Нет данных	0,11	0,13	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
Пшеничная мука 1 сорт	кг	0,21	Нет данных	0,225	Нет данных	0,245	Нет данных	Нет данных	Нет данных	0,28	Нет данных	0,3	Нет данных	0,27	Нет данных	0,27	0,55
Гречневая мука	кг	0,185	0,23	0,19	0,25	Нет данных	0,3	Нет данных	Нет данных	0,24	Нет данных	0,2	0,25	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
Масло сливочное топленое	кг	2,28	Нет данных	2,5	Нет данных	Нет данных	Нет данных	2,1	Нет данных	2,3	Нет данных	2,25	Нет данных	2,2	Нет данных	Нет данных	Нет данных
Говядина 1 сорт	кг	0,58	0,58	0,48	0,5	0,5	0,55	Нет данных	0,45	0,5	0,5	0,48	0,5	0,43	0,4	0,53	0,55
свинина 1 сорт	кг	0,63	0,67	0,55	0,63	0,6	0,68	0,56	0,62	0,6	0,6	0,65	0,7	Нет данных	Нет данных	0,6	
Сельди	кг	0,56	Нет данных	0,75	Нет данных	Нет данных	Нет данных	0,6	0,7	0,52	Нет данных	0,6	0,8	Нет данных	Нет данных	0,69	0,75
Чай китайский	кг	6,3	Нет данных	6,5	Нет данных	6,3	Нет данных	6,3	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	6,3	Нет данных	Нет данных	Нет данных

Продолжение таблицы № 3.

Сахар рафинад	кг	0,71	0,72	0,72	0,75	0,73	0,75	0,74	Нет данных	0,74	Нет данных	0,73	0,73	0,73	0,75	0,75	0,75
Соль столовая	кг	0,035	Нет данных	0,033	Нет данных	0,033	Нет данных	0,033	Нет данных	0,05	Нет данных	0,03	0,035	0,028	Нет данных	0,055	Нет данных
Спички	пачка	0,13	0,14	0,14	0,14	0,14	0,15	0,14	0,14	0,14	Нет данных	0,135	0,14	0,14	0,15	0,14	0,15
Махорка	50 гр.	0,065	Нет данных	0,065	0,065	0,065	0,065	0,065	Нет данных	0,065	Нет данных	0,065	0,065	0,065	0,065	0,065	0,065
Ситец	метр	0,345	Нет данных	0,345	Нет данных	Нет данных	Нет данных	0,35	Нет данных	0,35	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	0,36	Нет данных
Сапоги яловые	пара	15,1	12,5	14,75	14	16,08	Нет данных	Нет данных	Нет данных	14	15	12	13,5	Нет данных	Нет данных	14,5	14,5
Ботинки женские	пара	9,44	9,5	7,8	Нет данных	Нет данных	Нет данных	8,3	Нет данных	9,52	Нет данных	9,5	11	Нет данных	Нет данных	8	8
Валенки мужские	пара	12,65	8,5	14	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	12,7	Нет данных	12	14	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
Керосин	литр	0,085	0,1	0,09	Нет данных	0,08	0,09	0,09	Нет данных	0,125	Нет данных	0,085	0,09	0,085	Нет данных	0,11	0,11
Галоши	пара	3,6	Нет данных	3,6	Нет данных	3,6	Нет данных	3,6	Нет данных	3,6	Нет данных	3,6	Нет данных	3,6	Нет данных	3,6	Нет данных

Источник: Городские и лавочные цены на 1 апреля 1928 года // Статистический бюллетень. 1928. № 4. С. 58

Таблица № 4.

Цены на продукты и товары в магазинах Вятского ЦРК в 1929 и 1932 гг.

Товар	Мера	цены 1929 г. (в копейках)	цены 1932 г. (в копейках)
Мука ржаная (нормирован.)	Кг	9,1	10
Мука пшеничная (нормирован.)	Кг	18,6	19
Хлеб ржаной (нормирован.)	Кг	10,3	9
Хлеб пшеничный (нормирован.)	Кг	17,2	15
Макароны	Кг	Нет данных	60
Пшено	Кг	20	18
Рис	Кг		90
Картофель	Кг	5	8
Капуста квашеная	Кг	14	45
Консервы овощ.	Шт.	Нет данных	165
Говядина	Кг	65,9	111
Баранина	Кг	60,1	111
Колбаса чайная	Кг	Нет данных	135
Молоко	Литр	15,8	39
Масло топленое	Кг	236	400
Масло сливочное (2 сорт).	Кг	228	410
Масло подсолнечное	Литр	55,5	106
Консервы рыб.	400 гр.	Нет данных	220
Соль	Кг	3,5	5,5– 8
Сахар-песок	Кг	64	62
Мыло туалетное	Пачка	Нет данных	50
Мыло хозяйственное	Кг	58	90
Керосин	Литр	9	13 –21

Источник: ГАКО. Ф. Р-1898. Оп. 3. Д. 1. Л. 34; ГАСПИ КО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 51. Л. 21; ГАКО. Ф. Р-1054. Оп. 1. Д. 85. Л. 11.

Таблица № 5.

Средние цены по стране и цены Вятского ЦРК на товары нормированного фонда (все в кг, литрах, штуках, цены – в копейках).

продукт	Цены 1928/1929 г.		Цены 1932 г.		Цены 1936 г.	
	по стране	Вятский ЦРК	по стране	Вятский ЦРК	по стране	Вятский ЦРК
Хлеб ржаной	8	10,3	12,5	9	85	100
Мука пшеничная	22	21	19	19	290	260
Рис	48,4	Нет данных	40	90	650	1000
Картофель	11,2	4	25	8	35	Нет данных
Сахар	62	71	95	62	380	750
Говядина	87,3	58	212	111	760	Нет данных
Баранина	80,2	Нет данных	212	111	800	Нет данных
Масло коровье	243	240	466	410	1600	2900
Молоко	6,8	15	40	39	160	Нет данных
Маргарин	53	Нет данных	100	Нет данных	1400	Нет данных
Яйца	19,1	39	10	Нет данных	40	Нет данных

Источник: Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк, 1952. С. 120; Городские лавочные цены на 1 апреля 1928 года // Статистический бюллетень. 1928. № 4. С. 58, 74; ГАКО. Ф. Р-1898. Оп. 3. Д. 1. Л. 34; ГАСПИ КО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 151. Л. 21; ГАКО. Ф. Р-1054. Оп. 1. Д. 85. Л. 11; ГАКО. Ф. Р-2922. Оп. 2. Д. 5. Л. 101.

Таблица № 6.

Цены крестьянского торга в Вятской губернии / Кировской области (в копейках).

Товар (в кг и литрах)	1928/1929 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1935 г.
Хлеб ржаной	24,8	45-95	90	400−700	Нет данных
Мука ржаная	24,1	34−107	109	400	Нет данных
Говядина	69,1	400	600	1000	550
Телятина		400	600	700	450
Баранина	77,4	417	700	1000	
Свинина	67	500	1000	1700	750
Масло топленое	294	1630	3500	3750	1500
Масло сливочное	Нет данных	1500	3000	3250	1400
Сметана	Нет данных	400	600	500	Нет данных
Творог	Нет данных	200	520	Нет данных	Нет данных
Молоко	16,7	90	200	235	130
Яйца (10 штук)	4,9	303	500	550	400
Керосин	10	Нет данных	21	Нет данных	Нет данных
Картофель	6,5	22	56	100	30
Капуста свежая	16	60	150	200	30
Морковь	Нет данных	40	100	200	30
Свекла столовая	10,8	30	120	250	25
Лук репчатый	21,8	100	162	1600	70
Масло льняное	78	950	2100	Нет данных	800

Источник: 200 лет Вятской губернии. 60 лет Кировской области. Стат. сборник. Киров, 1996. С. 287−288; Городские лавочные цены на 1 апреля 1928 года // Статистический бюллетень. 1928. № 4. С. 58; ГАКО. Ф. Р-1054. Оп. 1. Д. 85. Л. 11; ГАКО. Ф. Р-1898. Оп. 3. Д. 1. Л. 33; ГАКО. Ф. Р-1898. Оп. 3. Д. 3. Л. 37-а, 37-б.

Таблица № 7.

Цены колхозного рынка в крупных городах СССР.

города	Цены 1932 г.	Цены 1933 г.	Цены 1934 г.
Мука ржаная (в копейках за кг)			
Москва	455	341	380
Горький	385	252	267
Новосибирск	Нет данных	156	280
Говядина (в рублях за кг)			
Москва	13,8	9,6	11,6
Горький	13,8	9	10
Ленинград	13,3	8,5	Нет данных
Новосибирск	14	12	9
Масло топленое (в рублях за кг)			
Москва	51	33	26
Ленинград	62	30	Нет данных
Горький	50	35	22
Саратов	Нет данных	31	21
Картофель (в копейках за кг)			
Москва	180	113	175
Ленинград	177	100	Нет данных
Горький	199	55	78
Сталинград	300	240	173

Источник: Внутренняя торговля РСФСР (1931–1934 гг.). М., 1935. С. 39−40.

Таблица № 8.

Единые розничные цены. 1935 г. Кировский край.

товар	Мера	Цена (в рублях)
Хлеб печеный ржаной (96 %)	кг	1
Хлеб пшеничный (85 %)	кг	3 ,40
Хлеб пшеничный (96 %)	кг	1,10
Пшено 1 сорт	кг	3
Крупа гречневая	кг	5
Крупа манная	кг	6
Рис	кг	10
Сахарный песок	кг	6,50
Рафинад	кг	7,50
Макароны 1 сорта	кг	5
Макароны 2 сорта	кг	4,50
Яйца	10 штук	7
Масло растительное	литр	24
Масло слив.	кг	31
Масло топленое	кг	29
Мука ржаная	кг	2,50
Мука пшеничная	кг	2,60
Водка	0,5 литра	7

Источник: ГАКО. Ф. Р-72. Оп. 3. Д. 10. Л. 118; ГАКО. Ф. Р-2922. Оп. 2. Д. 5. Л. 101.

Таблица № 9.

Государственные розничные цены на печеный хлеб, муку и крупу по поясам (за кг) на 1 января 1935 г.

Пояса / Продукты	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
1. Хлеб печеный								
а) ржаной из муки 95-процентного помола	80 к.	90 к.	1 рубль	1 р. 10 к	1 р. 20 к.	1 р. 25 к.	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.
б) пшеничный из муки 96-процентного помола	90 к.	1 рубль	1 р. 10 к.	1 р. 20 к	1 р. 30 к	1 р. 35 к	1 р. 40 к	1 р. 60 к.
в) пшеничный из муки 85-процентного помола	1 р. 20 к.	1 р. 80 к.	2 рубля	2 р. 20 к.	2 р. 40 к.	2 р. 50 к	2 р. 60 к.	2 р. 80 к.
2. Мука								
а) ржаная обойная 95-процентного помола	1 р. 35 к.	2 р. 20 к.	2 р. 50 к.	2 р. 70 к.	2 р. 90 к	3 рубля	3 р. 20 к.	3 р. 50 к.
б) пшеничная 96-процентного помола	1 р. 40 к.	2 р. 40 к.	2 р. 60 к.	2 р. 90 к.	3 р. 10 к.	3 р. 20 к.	3 р. 50 к.	3 р. 80 к.
в) пшеничная 85-процентного помола	2 р. 10 к.	3 р. 20 к.	3 р. 40 к.	3 р. 70 к.	4 рубля	4 р. 20 к.	4 р. 50 к.	5 рублей
3. Крупа								
а) пшено толченое 1-сорт	2 р. 40 к.	2 р. 75 к.	3 рубля	3 р. 10 к.	3 р. 20 к.	3 р. 30 к.	3 р. 40 к	3 р. 50 к.

Продолжение таблицы № 9.

б) крупа гречневая ядрица	4 р. 50 к.	4 р. 75 к.	5 рублей	5 р. 10 к.	5 р. 20 к.	5 р. 30 к.	5 р. 40 к.	5 р. 50 к.
в) крупа манная	5 р. 50 к.	5 р. 80 к.	6 рублей	6 р. 10 к.	6 р. 20 к.	6 р. 30 к.	6 р. 40 к.	6 р. 50 к.
г) крупа перловая семиномерная N 3 и 4	3 р. 60 к	3 р. 80 к	4 рубля	4 р. 10 к.	4 р. 20 к.	4 р. 30 к	4 р. 40 к	4 р. 50 к.
д) крупа ячневая дробленая	2 р. 20 к.	2 р. 30 к.	2 р. 50 к.	2 р. 60 к.	2 р. 70 к.	2 р. 80 к.	2 р. 90 к.	3 рубля
е) крупа овсяная	2 р. 10 к	2 р. 20 к	2 р. 30 к.	2 р. 40 к.	2 р. 50 к.	2 р. 60 к.	2 р. 70 к.	2 р. 80 к.
ж) крупа кукурузная	1 р. 60 к.	1 р. 70 к.	1 р. 80 к.	1 р. 90 к.	2 рубля	2 р. 10 к.	2 р. 20 к.	2 р. 30 к.
4. Макароны								
из муки 72-процентного помола 1-й сорт	4 р. 50 к.	4 р. 80 к.	5 рублей	5 р. 30 к.	5 р. 60 к.	5 р. 80 к.	6 р. 20 к.	6 р. 50 к.
5. Бобовые								
а) горох лущеный	4 р. 20 к.	4 р. 30 к.	4 р. 50 к.	4 р. 80 к.	5 р. 10 к.	5 р. 40 к.	5 р. 70 к.	6 рублей
б) фасоль белая	4 р. 80 к.	4 р. 90 к.	5 рублей	5 р. 20 к.	5 р. 50 к.	5 р. 80 к.	6 р. 10 к.	6 р. 40 к.
в) чечевица тарелочная	3 рубля	3 р. 20 к.	3 р. 50 к.	3 р. 60 к	3 р. 70 к	3 р. 80 к	3 р. 90 к	4 рубля
6. Рис								
1-го сорта	9 рублей	10 рублей	10 рублей	10 рублей	10 рублей	10 рублей	9 р. 50 к.	10 рублей

Примечания: **I пояс**:1) Таджикская ССР;2) Узбекская ССР; 3) Туркменская ССР;4) Кара-Калпакская АССР; 5) Южно-Казакстанская область Казакской АССР; 6) Районы Киргизской АССР: а) Алайский; б) Араван-Буринский; в) Базар-Курганский; г) Джаляль-Абадский;

д) Кетмень-Тюбинский; е) Кызыл-Джарский; ж) Кызыл-Кийский; з) Ляйлякский; и) Наукатский; к) Узгенский.
II пояс: 1) Киевская, Харьковская, Донецкая, Черниговская, Винницкая области УССР и Молдавская АССР;2) Северо-Кавказский край;3) Азово-Черноморский край; 4) Сталинградский край; 5) Саратовский край;6) Средне-Волжский край; 7) Татарская АССР; 8) Башкирская АССР; 9) Западно-Сибирский край, за исключением Каргасокского и Колпашевского районов Нарымского округа, отнесенных к VII поясу; 10) Казакская АССР, за исключением Южно-Казакстанской области, отнесенной к I поясу; 11) Киргизская АССР, за исключением 10 районов, отнесенных к I поясу.
III пояс: 1) Московская область; 2) Ивановская область; 3) Горьковский край; 4) Западная область;5) Курская область; 6) Воронежская область; 7)Днепропетровская область УССР;8) Одесская область УССР; 9) Крымская АССР; 10) Челябинская область; 11) Закавказская СФСР; 12) Белорусская ССР.;13) Обско-Иртышская область, за исключением Приуральского, Ямальского, Надымского, Пуровского и Нижне-Тазовского районов Ямальского национального округа, отнесенных к VII поясу.
IV пояс: 1) Ленинградская область, за исключением Мурманского округа, отнесенного к V поясу;2) Свердловская область; 3) Восточно-Сибирский край, за исключением: Бурято-Монгольской АССР, отнесенной к VI поясу, Читинской области, Таймырского (Долгано-Ненецкого), Эвенкийского и Витимо-Олекминского национальных округов, отнесенных к VII поясу.
V пояс: 1) Карельская АССР; 2) Мурманский округ Ленинградской области; 3) Северный край, за исключением районов, округов и островов, отнесенных к VII поясу.
VI пояс: Бурято-Монгольская АССР.
VII пояс: 1) Дальне-Восточный край, за исключением областей, округов и районов, отнесенных к VIII поясу; 2) Якутская АССР; 3) В Восточно-Сибирском крае: Читинская область и национальные округа Таймырский (Долгано-Ненецкий), Эвенкийский и Витимо-Олекминский; 4) В Северном крае: а) Ненецкий национальный округ; б) Мезенский район; в) Лешуконский район; г) Ижемский, Троицко-Печорский, Удорский, Усинский и Устьцилемский районы Автономной области Коми; д) острова Северного Ледовитого океана и Белого моря; 5) Каргасокский и Колпашевский районы Нарымского округа Западно-Сибирского края; 6) Приуральский, Ямальский, Надымский, Пуровский и Нижне-Тазовский районы Ямальского национального округа Обско-Иртышской области.
VIII пояс: В Дальне-Восточном крае: Камчатская, Сахалинская и Нижне-Амурская области, Чукотский и Корякский национальные округа, Буреинский и Селемджинский районы Амурской области, Джелтулакский и Зейско-Учурский районы Зейской области, Бикинский и Кур-Урмийский районы Хабаровской области, Советский район Приморской области.

Источник: Постановление СНК СССР от 7 декабря 1934 г. № 2684 «Об отмене карточной системы по печеному хлебу, муке и крупе и системы отоваривания хлебом технических культур» // Консультант Плюс. Законодательство. Документы СССР [Электронный ресурс] / АО «Консультант Плюс». М., 2011.

Таблица № 10.

Цены колхозного рынка на основные продукты питания (в копейках). Кировская область 1932 г. и 1936 г.

Продукты	Цены 1932 г. (в копейках)	Цены 1936 г. (в копейках)
Говядина (кг)	600	350
Телятина (кг)	600	250
Баранина (кг)	700	450
Свинина (кг)	1000	550
Масло топленое (литр)	3500	1500
Масло сливочное (кг)	3000	1200
Сметана (кг)	600	Нет данных
Творог (кг)	520	Нет данных
Молоко (литр)	200	130
Яйца (10 шт.)	500	500
Картофель (кг)	56	35
Капуста свежая (кг)	150	60
Морковь (кг)	100	40
Свекла столовая (кг)	120	25
Лук репчатый (кг)	162	150
Масло льняное (кг)	2100	Нет данных

Источник: 200 лет Вятской губернии. 60 лет кировской области. Статистический сборник. Киров**,** 1996. С. 287−288.

Таблица № 11.

Среднемесячная заработная плата на различных предприятиях Кировской области (в рублях).

предприятия	1932 г.	1937 г.
Омутнинский металлургический завод	99	234
Кирсинский завод	93	234
Песковский чугунно-литейный завод	76	231
Чернохолуницкий чугунно-плавильный завод	157	165
Кировский машиностроительный завод им. 1 мая	102	261
Лесозавод №1	70	159
Сосновский лесозавод	95	143
Спичечная фабрика «Красная звезда»	88	144
Бумажная фабрика «Красный курсант»	69	191
Кордяжская бумажная фабрика	71	159
Косинская бумажная фабрика	69	195
Хромовый завод	91	187
Шубно-овчинный завод	81	110
Искож	Нет данных	209
Меховая фабрика «Белка»	99	179
Комбинат им. Ленина	107	159
Комбинат им. Коминтерна	86	169
Мясокомбинат	85	167
Мельница № 10	196	211
КУШТО	79	204

Источник: ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 8. Л. 17.

Приложение II.

Таблица №1.

Средняя обеспеченность жилплощадью населения городов Вятской губернии в 1928 г.

Города	На 1 человека приходится кв. м. жилой площади.
Вятка	4,6
Котельнич	3,7
Малмыж	5,2
Нолинск	5,1
Омутнинск	4,7
Слободской	5,3
Уржум	5,2
Халтурин	5,9
Яранск	6,1

Источник: Шубин Р. Е. Жилищные условия городского населения Вятской губернии // Вятское хозяйство. 1929. № 3. С. 71.

Таблица № 2.

Количество ЖАКТ и ЖСКТ в городах Вятской губернии / Кировской области в 1928−1937 гг.

Города		1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
Вятка/ Киров	ЖАКТ	39	16	10	207	205	202	202	нет данных	нет данных	нет данных
	ЖСКТ	4	4	4	11	3	3	4			
Котельнич	ЖАКТ	-*	-	-	19	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
	ЖСКТ	2	1	1	1	1	1				
Омутнинск	ЖАКТ	-	-	-	-	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
	ЖСКТ	1	-	1	1						
Нолинск	ЖАКТ	-	-	-	-	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
	ЖСКТ	-	-	1	1						
Слободской	ЖАКТ	-	2	2	46	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
	ЖСКТ	-	-	-	1	1	1				
Уржум	ЖАКТ	-	-	-	5	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
	ЖСКТ	-	-	-	-						
Яранск	ЖАКТ	-	1	1	10	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
	ЖСКТ	-	-	-	-						
Халтурин	ЖАКТ	-	-	-	26	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
	ЖСКТ	-	-	-	-						

-* – не было ни одного.

Источник: Нижегородский край. Экономический справочник. Т. 2. Ч. 2: Районы Нижегородского края. Статистические таблицы. Н.Новгород, 1932. С. 6, 126−128; ГАКО. Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 12. Л. 61-63; РГАЭ. Ф. Р-1562 Оп. 14. Д. 108. Л. 89; ЦАНО. Ф. Р-2626. Оп. 1. Д. 1570. Л. 14.

Таблица № 3.

Ввод в действие жилых домов государственными и кооперативными предприятиями и организациями, а также городским населением (млн. кв. м общей площади).

Годы	Построено и введено в действие государственными и кооперативными предприятиями и организациями, а также городским населением	В том числе:	
		государственными и кооперативными предприятиями и организациями	городским населением за свой счет и с помощью государственного кредита
1918—1928 гг.	42,9	23,7	19,2
Первая пятилетка (1929—1932 гг.)	38,7	32,6	6,1
Вторая пятилетка (1933—1937 гг.)	42,2	37,2	5

Источник: Народное хозяйство СССР в 1960 году. М., 1961. С. 611.

Таблица № 4.

Динамика численности населения городов Вятской губернии / Кировской области в 1928−1937 гг.

Города	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937
Вятка/ Киров	63790	68445	77967	79000	80976	85586	89569	98490	117135	129621
Котельнич	7868	8160	10416	10700	11723	12700	15318	14031	15018	17380
Омутнинск	6991	7082	7308	9700	Нет данных	12400	Нет данных	12209	13177	15585
Нолинск	5684	5756	6079	6100	Нет данных	6700	Нет данных	5456	6742	8485
Слободской	11214	11213	12181	12200	Нет данных	12900	Нет данных	16511	18552	20762
Уржум	5668	5607	6291	6300	Нет данных	6600	Нет данных	6662	7032	13580
Яранск	6297	6257	6122	6100	Нет данных	6900	Нет данных	6726	6876	8772
Халтурин	4855	4931	4593	4600	Нет данных	5300	Нет данных	5123	5888	6883
Малмыж	5600	5756	Нет данных	4500	Нет данных	4600	Нет данных	4646	4778	5459

Источник: Нижегородский край. Экономический справочник. Т.2. Ч. 2: Районы Нижегородского края. Статистические таблицы. Н. Новгород, 1932. С. 6, 123; Отчет Вятского Губернского Исполнительного комитета. Вятка, 1929. С. 95; Отчет о работе Вятского городского совета XV состава за период с 1931 по 1934 гг. Вятка, 1934. С. 41; Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996. С. 57; Районы Горьковского края (краткие характеристики) / Под ред. Р.А. Шишлянникова. Экономический справочник. Т. 2. Ч. 1. Горький, 1934. С. 137, 160, 277; ГАКО. Ф. Р-2116. Оп. 4. Д. 7. Л. 10; ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 2295. Л. 87; РГАЭ. Ф. Р-1562. Оп. 14. Д. 108. Л. 87; РГАЭ. Ф. Р-1562. Оп. 14. Д. 232. Л.120.

Таблица № 5.

Динамика изменения жилплощади в городах Вятской губернии / Кировской области в 1928–1937 гг.

Города	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937
Вятка/ Киров	333615 кв. м.	354903 кв.м.	364083 кв.м.	381500 кв.м.	389100 кв.м.	401900 кв.м.	Нет данных	409130 кв.м	411000 кв.м	442000 кв.м.
Котельнич	35338 кв.м.	37065 кв.м.	39242 кв.м.	40352 кв.м	37112 кв. м	41179 кв.м	41470 кв.м	45600 кв.м.	46800 кв.м.	52400 кв.м.
Омутнинск	34211 кв.м.	34227 кв.м.	34944 кв. м.	35100 кв.м	Нет данных	Нет данных	Нет данных	34200 кв.м.	38400 кв.м	41100 кв м.
Нолинск	33061 кв.м.	30777 кв. м.	31888 кв.м.	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	30500 кв.м	31700 кв.м	33000 кв.м.
Слободской	70255 кв. м	63716кв. м.	64834 кв. м.	64900 кв.м	Нет данных	Нет данных	Нет данных	67100 кв.м	68700 кв.м.	76300 кв.м.
Уржум	41262 кв.м.	36035 кв. м.	35872 кв. м.	36200 кв.м	Нет данных	Нет данных	Нет данных	25600 кв.м	27100 кв.м	30800 кв.м
Яранск	41928 кв.м.	40649 кв м.	40833 кв. м.	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	40000 кв.м	40100 кв.м	42300 кв.м
Халтурин	32102 кв. м.	28293 кв. м.	28013 кв. м	28201 кв.м.	Нет данных	Нет данных	Нет данных	25800 кв.м	25900 кв.м	27600 кв.м
Малмыж	Нет данных	29216 кв.м	29349 кв.м.	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	25600 кв. м.	24900 кв.м.	26100 кв.м.

Источник: Отчет Вятского Губернского Исполнительного комитета. Вятка, 1929. С. 95; Нижегородский край. Экономический справочник. Т. 2. Ч. 2: Районы Нижегородского края. Статистические таблицы. Н.Новгород, 1932. С. 6, 123; Материалы к отчету Кировского обкома ВКП(б). Первая областная конференция ВКП(б). Киров, 1937. С. 25; Отчет о работе Вятского городского совета XV состава за период с 1931 по 1934 гг. Вятка, 1934. С. 41; Имряков Т. Жилищно-коммунальное хозяйство края (во втором пятилетии) // Горьковский край. 1932. № 5−6. С. 26; Горьковский край к 3-му краевому съезду Советов. Материалы к отчету краевого исполнительного комитета к 3-му съезду советов Горьковского края. Горький, 1934. С. 208; ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 2. Л. 86; Районы Горьковского края (краткие характеристики) / под ред. Р.А. Шишлянникова. Т. 2. Ч. 1. Горький, 1934; РГАЭ. Ф. Р-1562. Оп. 14. Д. 108. Л. 87.

Таблица № 6.

Строительство новых жилых домов по материалу стен в Вятской губернии / Кировской области.

Годы	Всего:		кирпич		дерево (рубленное)		дерево (засыпное)	
	число зданий	жилплощадь (кв.м)	число зданий	жилплощадь (кв.м)	число зданий	жилплощадь (кв. м)	число зданий	жилплощадь (кв. м)
1926–1928 гг.								
По всем городам и поселкам городского типа	172	22556	7	2764	163	19765	1	11
По городу Кирову	96	13593	5	2537	90	11045	1	11
1929–1932 гг.								
По всем городам и поселкам городского типа	276	49231	12	7102	248	40151	15	1691
По Кирову	67	16952	8	5075	52	10303	6	1287
1933–1936 гг.								
По всем городам и поселкам городского типа	242	68819	16	13978	213	50650	12	2967
По Кирову	104	38142	13	12936	83	23155	7	827

Источник: ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 3. Л. 83.

Таблица № 7.

Строительство новых жилых домов по этажности и элементам благоустройства. Вятская губерния / Кировская область (1926–1936 гг.)

Число этажей	1926–1928 гг.		1929–1932 гг.		1933–1936 гг.	
	Число зданий	Жилая площадь	Число зданий	Жилая площадь	Число зданий	Жилая площадь
1 этажные	53	3081	47	5430	46	3577
С водопроводом	3	297	2	134	3	478
С электричеством	36	2243	27	4501	26	2433
2-х этажные	68	13061	55	14446	93	32610
С водопроводом	9	2746	12	4748	48	19980
С электричеством	64	12355	54	14158	83	30523
3-х этажные	2	1644	2	1589	5	4873
С водопроводом	2	1644	2	1589	5	4873
С электричеством	2	1644	2	1589	5	4873
4-х этажные	-*	-	-	-	6	6474
С водопроводом	-	-	-	-	6	6474
С электричеством	-	-	-	-	6	6474
5-х этажные	-	-	1	1365	1	2554
С водопроводом	-	-	1	1365	1	2554
С электричеством	-	-	1	1365	1	2554
Итого	123 (100%)	17786	105 (100 %)	22830	151 (100%)	50088
С водопроводом	14 (11,3%)	4687	17 (16,1%)	7886	63 (41,7%)	27885
С электричеством	102 (82,9 %)	16242	84 (80%)	21611	121 (80,1%)	46857

-* – дома подобного типа не строились.

Источник: ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 3. Л. 51.

Таблица № 8.

Динамика строительства жилых домов и бараков в городах Вятской губернии / Кировской области в годы первой и второй пятилетки.

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	Итого
	Число строений	Число строений	Число строений	Число строений	Число строений	Число строений	Число строений	Число строений	Число строений	Число строений
Всего по области:										
жилые дома	59	63	117	97	140	96	154	167	161	1054
бараки	1	3	10	24	16	6	22	15	24	121
Итого по городам:										
жилые дома	48	30	77	64	89	62	107	124	130	731
бараки	1	1	9	15	14	6	19	13	20	98
Киров:										
жилые дома	31	20	38	40	42	28	36	77	87	399
бараки	-*	-	6	4	4	2	13	8	14	51
Котельнич										
жилые дома	8	5	14	12	11	12	5	7	9	83
бараки	1	1	1	6	6	2	2	-	1	20
Малмыж:										
жилые дома	2	-	1	-	-	-	0	3	1	7
бараки	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1
Нолинск:										
жилые дома	2	-	-	-	-	-	1	-	2	5
бараки	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Продолжение таблицы № 8.

Слободской:										
жилые дома	1	2	1	2	7	2	13	10	3	41
бараки	-	-	-	-	-	1	1	1	1	4
Омутнинск										
жилые дома	1	1	1	2	1	3	3	5	4	21
бараки	-	-	-	1	-	-	2	-	3	6
Уржум:										
жилые дома	-	-	-	-	3	2	2	4	6	17
бараки	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Халтурин:										
жилые дома	-	-	-	-	1	-	1	0	3	5
бараки	-	-	-	-	-	-	-	3	1	4
Яранск:										
жилые дома	3	-	1	-	-	2	2	2	4	14
бараки	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

-* – не было построено ни одного.

Источник: РГАЭ. Ф. Р-1562. Оп. 14. Д. 457. Л. 25−27.

Таблица № 9.

Благоустройство домов обобществленного фонда в городах Кировской области на 1 января 1937 года.

города	Количество жилых домов с водопроводом (%)	Количество жилых домов с канализацией (%)	Количество жилых домов с центральным отоплением (%)	Количество жилых домов с электроосвещением (%)
Киров	54,9	2,5	4,2	80
Котельнич	45,3	-	2,3	95,7
Малмыж	-*	-	-	77,7
Нолинск	30,6	-	1	99,2
Омутнинск	-	-	-	100
Слободской	35,4	-	6,5	86,2
Уржум	1,8	-	0,3	93,6
Халтурин	20	-	0,1	93,9
Яранск	22,1	-	1,3	99,1
По всем городам	41,3	1,4	3,1	85,8

-* – не было ни одного дома подобного типа.

Источник: ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 2. Л. 87.

Таблица № 10.

Данные о количестве лечебных учреждений в 1929 г. на территории Вятского, Котельнического и Нолинского округов (без г. Вятки).

Округа	Больницы (с количеством коек)	Врачебные пункты	Фельдшерские и фельдшерско-акушерские пункты
Вятский округ	24 больницы (642 койки)	9 врачебных пунктов	29 фельдшерских пункта 27 фельдшерско-акушерских пунктов
Котельнический округ	19 больниц (645 коек)	6 врачебных пунктов	5 фельдшерских 17 фельдшерско-акушерских пункта
Нолинский округ	14 больниц (469 коек)	4 врачебных пункта	17 фельдшерских пункта 18 фельдшерско-акушерских пункта
Всего по 3 округам	57 больниц (1756 коек)	19 врачебных пунктов	51 фельдшерский пункт 62 фельдшерско-акушерских пункта

Источник: ГАКО. Ф. Р-1090. Оп. 1. Д. 56. Л. 2−8.

Таблица № 11.

Заболеваемость по Вятской губернии в 1927 г. (количество больных на 1 тыс. населения).

Наименование болезней	По губернии	Среднереспубликанские показатели
Брюшной тиф	9,6	9,14
Сыпной тиф	7,5	3,08
Оспа натуральная	4,5	1,21
Корь	14,2	34,54
Скарлатина	10,2	21,26
Коклюш	21	30,9
Дифтерия	2,4	4,69
Дизентерия	35,4	19,63
Грипп	242	338
Малярия	24,5	данные отсутствуют
Трахома	109	81,94
Туберкулез легких	100,6	85,76
Костный туберкулез	23	30,17
Кожный туберкулез	4,4	
Сифилис 1	2,9	данные отсутствуют
Сифилис	14	данные отсутствуют
Гонорея	20,9	данные отсутствуют

Источник: Отчет Вятского губернского исполнительного комитета. Вятка, 1929. С. 188.

Таблица № 12.

Сеть учреждений здравоохранения Вятской губернии / Кировской области.

	Всего 1929 г.	1932 г.			1937 г.		
		всего	город	село	всего	город	село
А. Врачебно амбулаторная сеть:							
число здравпунктов	5	10	10	Нет данных	12	12	Нет данных
число врачебных учреждений амбулаторно-поликлинической помощи	86	117	42	75	211	77	134
Б. Фельдшерская амбулаторная сеть:							
число здравпунктов	Нет данных	6	6	Нет данных	13	13	Нет данных
число постоянных фельдшерско-акушерских и акушерских пунктов	113	185	1	184	267	3	264
В. Врачебная стационарная сеть:							
всего учреждений (без психиатрии)	59	70	21	49	109	33	76
в них коек	Нет данных	2560	1408	1152	5101	2780	2321
Из общего числа врачебной стационарной сети:							
А) Больницы (в них коек)	57 (1753)	68 (2453)	19 (1301)	49 (1152)	95 (4687)	25 (2433)	70 (2254)
Б) Родильных домов (в них коек)	2 (107)	2 (107)	2 (107)	Нет данных	14 (414)	8 (347)	6 (67)
Г. Медицинские кадры:							
Число врачей (без зубных)	164	284	210	74	467	321	146
Число фельдшеров, акушеров	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	1097	372	719
Число зубных врачей	Нет данных	23	20	3	47	39	8

Источник: ГАКО. Ф. Р-1090. Оп. 1. Д. 56. Л. 2−8; ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 1651. Л. 158−159.

Приложение III.

Таблица № 1.

Грамотность населения городов и рабочих поселков Вятского, Котельнического и Нолинского округов в 1929 г.

Города и городские поселения	Общее число неграмотных и малограмотных в возрасте от 12 до 50 лет.				Относительные показатели: процент неграмотных и малограмотных 12-50лет к общему числу населения данного возраста.		
	неграмотных	малограмотных	всего		% неграмотных	% малограмотных	% неграмотных и малограмотных
			Обоего пола	В т.ч. женщин			
Вятка	1530	1131	2661	2298	3,4	2,5	5,9
Рабочий поселок Белохолуницкий	114	60	174	159	6,5	3,4	9,9
Рабочий поселок Зуевка	267	217	484	407	11,3	9,2	20,5
Рабочий поселок Мураши	121	98	219	184	11,3	9,2	20,5
Омутнинск	499	342	841	624	14,8	10,2	25,0
Слободской	540	342	882	726	7,3	4,6	11,9
Халтурин	123	127	250	220	5,8	6,0	11,8
Котельнич	353	245	598	520	7,2	5,0	12,2
Яранск	198	163	361	324	5,4	4,4	9,8
Нолинск	164	115	279	232	4,3	3,1	7,4
Малмыж	91	105	196	159	2,4	2,8	5,2
Уржум	204	132	336	280	5,6	3,6	9,2

Источник: Ардашев Г. Итоги переписи неграмотных и малограмотных в Нижегородском крае. Н.Новгород, 1930. С. 62−67.

Таблица № 2.

Грамотность взрослого населения в отдельных районах Нижегородского края (по материалам переписи неграмотных и малограмотных 1929 г.).

Районы Нижегородского края (ранее входившие в состав Вятской губернии)	% грамотности всего населения (16-50 лет)	% грамотности городского населения	% грамотности сельского населения
Арбажский	71,1	-*	71,10
Белохолуницкий	72,4	92,46	70,53
Верхошижемский	78,96	-	78,96
Вожгальский	73,36	-	73,36
Вятский	83,45	96,44	73,42
Вятско-Полянский	65,79	-	65,79
Даровской	74,56	-	74,56
Зуевский	69,78	88,85	68,73
Зюздинский	50,66	-	50,66
Кайский	53,3	-	53,3
Кикнурский	71,82	-	71,82
Кильмезский	59,88	-	59,88
Котельнический	77,67	93,14	76,05
Лебяжский	70,73	-	70,73
Малмыжский	64,17	97,14	60,34
Мурашинский	70,66	87,11	68,96
Немский	65,79	-	65,79
Нолинский	79,42	95,38	77,72
Омутнинский	75,04	89,41	69,35
Оричевский	81,81	-	81,81
Пижанский	65,09	-	65,09
Санчурский	74,91	-	74,91
Слободской	70,82	91,32	67,31
Советский	79,25	-	79,25
Сунский	76,92	-	76,92
Унинский	66,93	-	66,93
Уржумский	70,56	93,65	68,57
Фаленский	68,24	-	68,24
Халтуринский	77,93	95,64	76,10
Яранский	70,47	94,46	68,79

-* – городское население отсутствует.

Источник: Нижегородский край. Экономический справочник. Т. 2. Ч. 2: Районы Нижегородского края. Статистические таблицы. Н. Новгород, 1932. С. 78−79.